

АЛЪЦІОНА

НА

1833^и ГОДЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1833.

АЛЬЦІОНА

НА

1833-й ГОДЪ.

ИЗДАВАЕМАЯ

Барономъ Розеномъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Инспекторскаго Департаментша
Военнаго Минисшества.

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чшобы, по оппечашаніи, предспавлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
С.-Петербургъ, Октября 18-го дня, 1832 года.

Ценсоръ В. Семеновъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

П Р О З А.

Стран.

Зеркало спарушки	1.
Импровизаторъ	51.
Хозяйская дочка	87.
Матушка и сынокъ	128.
О нашей старой Комедіи	187.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Таршини	1.
Два разговора въ книжной лавкѣ	55.
Жизнь и смерть	56.
Князя Горбатые-Шуйскіе	57.
Дума	62.
Тополь Раина	63.
Фортуна	64.
Еврей и Цыганъ	65.
Завѣщныя слова	67.
Ласпочка	69.

Графиня Каролина Пошюцкой	73.
Казнь отца въ сынъ	75.
Свиданіе	79.
Дорожная дума	80.
Два камня	81.
Эпсы подь Бевериномъ	83.
Камень Данша	86.
Князь Абамелекъ	87.
Эрошическія спансы Индійскаго поэта Амару .	89.
Москва	95.
Три символа	97.
Желаніе	104.
Порученіе въ Ревель Н. Н. Карамзину	105.
Пѣсня	109.
Было время	111.

П Р О З А.

ЗЕРКАЛО СТАРУШКИ.

Изобрѣшеніе зеркала удовлетворило одной изъ первобытныхъ потребностей человѣчества, и попому-то было однимъ изъ первыхъ открытій. Моженъ быть, Сидонская фабрика доставляла первыя стеклянныя зеркала, но металлическія, безъ сомнѣнія, гораздо древнѣе. Человѣкъ, любовавшись лицами другихъ и не видавъ еще своего лица, или видѣвъ его весьма неясно въ зрачкѣ чужаго глаза, и вспомнивъ, что воды Евфрапа и Тигра отражаютъ небо, вѣроятно подбѣжалъ къ ближайшему ручью и съ восторгомъ Нарцисса началъ всмаприваться въ собственнѣйшій образъ свой, — въ эту лучшую часть шѣла, копо-

рую Провидѣніе опъ самого человѣка скрыю, можетъ быть для того, чпобы красота не забывалась въ непрерывномъ созерцаніи себя самой. Какъ вся Мифологія древнихъ, такъ и преданіе о Нарциссѣ имѣетъ глубокой смыслъ; новѣйшая критика можетъ замѣтить развѣ одно: не мужчину, а женщину надлежало бы сдѣлать дѣйствующимъ, или правильнѣе сказать — спрдапельнымъ лицомъ сего преданія. Какъ бы по ни было, но всякій согласился, чпо водяныя зеркала не слишкомъ удобны къ употребленію; и такъ человѣческой умъ рано долженъ былъ прудиться надъ изобрѣщеніемъ удобнѣйшихъ. Мы — мужчины — сердечно благодаримъ изобрѣтателя зеркала за то, чпо онъ намъ доставилъ возможность самимъ бриться и повязывать галстукъ; а женщины должны были ему соорудить памятникъ за безчисленныя и тайныя услуги сего опкрывія; но, вѣроятно, ни одна изъ нихъ, по сю пору, не вымолвила хотя равнодушнаго *спасибо* доброму человѣку, *первому*,

испипному, величайшему угодику дамскому! Неблагодарныя! снимипе зеркало съ своего блиспапельнаго шуалеша, и чѣмъ онъ погда покажется глазамъ вашимъ? міромъ безъ божества, хаосомъ померкнувшаго великолѣпія! Поспавъпе же опяпъ — и попчасть совершипся чудное преображеніе, и въ лучшемъ успройспвѣ предспавипся эпопъ малый міръ всего прекраснаго. Повпоряю: *Неблагодарныя!* сколько разъ мнѣ случалось — въ то время, когда я еще обладаемъ былъ демономъ любви испва — тайно изъ-за ширмъ подспампривапъ *безконечно разнообразныя движенія красавицы передъ зеркаломъ!* Не спану обнаруживапъ заповѣданныхъ тайнъ шуалешныхъ; буду скромень, какъ юноша, совлекшій покрывало съ лица Изиды; но скажу только, что я думалъ и чувспвовалъ въ это достопамятное время: душа моя, гошовая разродипсь сардоническимъ хохопомъ, крѣпилась, крѣпилась и, скрѣпясь, разливалась только пихимъ внуспреннимъ смѣхомъ. «Кокешка!»

думалъ я; но сія порочная и несправедливая мысль не испекада изъ глубины моей совѣстной души, но была прививкомъ свѣтскихъ впечатлѣній, опголоскомъ того, что я часно слыхалъ въ дамскомъ обществѣ, гдѣ съ такою неподкупною неумолимостью судятъ и осуждаютъ поспулки и милые проспулки своего пола. (Скажу мимоходомъ, что я часно надъ эпимъ ломалъ голову, чпобы дознаться: безчеловѣчіе ли это, или сверхчеловѣческое величіе?) Обращимся къ дѣлу.

Моя порочная, прививная мысль въ послѣдствіи уступила лучшимъ, совѣстнымъ понятіямъ о женщинѣ передъ зеркаломъ: напрасно — думалъ я — называютъ это кокетствомъ! Пускай вершится и охорашивается красавица; пускай любуется своею блистательною оболочкой, какъ неоцѣненнымъ подаркомъ Божиимъ, даннымъ ей на столь короткое время! На красавцевъ засмаприваешься ей не позволяешь приличіе: такъ въ себѣ самой пусть восхищается она совершенствомъ

человѣческаго образа! Быть можетъ, желаніе узнавать себя лучше, привлекаетъ ее къ стеклу; быть можетъ, въ зеркальномъ изображеніи ясно отражается и душа, познаніе коей необходимо каждой разумной твари. Когда же красавица спавилась между двухъ зеркалъ, по мнѣ на умъ приходило старинное справедливое повѣрье, что недостатки чужіе у насъ подъ глазами, а собственные за спиною: такъ вопль-то зачѣмъ ей нужно обозрѣвать и другую незримую половину тѣла! Любопытство полезное и похвальное, ибо оно сопровождается намѣреніемъ исправиться, усовершенствоваться. —

Вопль какъ разсуждало сердце мое въ пользу любительницъ зеркалъ; наконецъ съ нимъ согласился и умъ, убѣжденный слѣдующимъ аргументомъ: когда Всевышній создалъ чело-вѣка, чтобъ въ немъ видѣть Себя; когда творецъ низшаго рода — но все-таки возвышенное существо — художникъ, побуждаемый такимъ же чувствомъ, соприпился

въ своемъ произведеніи: по почему и женщинамъ не бытъ причастными той изначальной склонности: *видѣть себя вѣтъ себя*, — въ дѣяніи ли родномъ, въ изображеніи ли живописномъ, или въ зеркалѣ? Первые два предмета не всегда бываютъ похожи; но за то прерпій — капоприческое чудо — естъ живое подобіе, совершеннѣйшій двѣйникъ! Мудрено ли, что красавица охотнѣе глядится въ сѣмъ послѣднемъ, нежели смопрптъ на оба первые?

Сказавъ, что человекъ естъ зеркало Бога, произведеніе искусства — зеркало художника, а шлифованное стекло, подбитое фольгою — зеркало красавицы, мы написали самую убѣдительную апологію женщинъ; по, что донынѣ почипалось *слабостью*, теперь облагорожено, освящено подведеніемъ подъ изначальный законъ *правды и добра*. Остаеися рѣшиши одно: до коихъ поръ женщина можетъ или должна смопрѣпся въ зеркалѣ? дополъ, покуда наружность ея возбуждаеши идею изящ-

наго, попроспу сказаць — покуда она хороша! ибо въ опцвѣпшей красотѣ она уже не видипгь себя самое; и чпо за охопа часпо носипсья печальною мыслію надъ развалинами пого прекраснаго жилища, въ которомъ веселилась юность? Спарушка лишній разъ и не заглянепгь въ зеркало! Но въ чемъ же она смоприпся? Развѣ можно опспапгь опгь милой, спародавней привычки, опгь душевной попребности, основанной на глубокомъ смыслѣ? — Спененно приспуаеми къ разсказу, долженспвующему оправдапгь названіе сей повѣспи.

(Для иныхъ читателей, которые непременно хопяпгь видѣпгь событія моей собственной жизни въ повѣспяхъ моихъ, замѣчу, чпо не пишу о самомъ себѣ; все — либо вымысль, либо разсказъ какого нибудь пріятеля, по моему передѣланный: къ сему послѣднему разряду принадлежипгь и слѣдующее.)

Во время моей кочевой жизни, судьба меня съ командою моей привела въ помѣспье Г-жи

Ильменъевой. Память объ этой доброй женщинѣ сохранила во мнѣ и малѣйшія обспояпельспва моего знакомспва съ нею. Нужно припомнить только одно занимательное лице, и поспчасъ вокругъ него соспавились система подчиненныхъ ему предметовъ, озаряемыхъ его свѣпомъ и управляемыхъ его центральною силой. Былъ ясный лѣпный день, когда я приближался къ селу, коего прекрасная мѣспность и высокія хапы съ прубами, обѣщавшія мнѣ порядочную кварпиру, располагали меня къ веселію. Подѣзжая къ барскому дому, вижу, на балконѣ, окруженная полною молодыхъ, красиво одѣпыхъ служанокъ возсѣдаетъ почпенная помѣщица. Мнѣ было тогда двадцать при года: мудрено ли, что я прищпорилъ коня, поднялъ его въ правильный пихій галопъ, почпипельно поклонился хозяйкѣ, въ честь ея миленькихъ дѣвушекъ и, опѣвхавъ немного, въ виду ихъ оспановился, взялъ подъ козырекъ и важно слушалъ рапортъ унперъ-офицера о благополучномъ заняпій кварпирѣ, съ

прибавленіемъ, чпо барыня проситъ меня опкушать.

Мнѣ это было пріятно, хопя сіе приглашеніе я приписывалъ не одному хлѣбосольству, но и благоразумному расчету обласкать Офицера, дабы команда его вела себя поскромнѣе: могли опасаться солдатъ памъ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ, не было военнаго поспоя. Я ошибся; побудительная причина ласковаго приглашенія паилась такъ глубоко въ душѣ хозяйки, чпо никпо не могъ бы ея разгадать. Я обратился лицомъ къ командѣ, приближавшейся подъ звучный нагѣвъ моей любимой пѣсни и, дождавшись, опдалъ какія-то пуспыя приказанія и пуспылся скакать во всю прыть по улицѣ, до кварпиры моей.

У воропъ вспрѣпилъ меня деньчикъ съ донесеніемъ, чпо кварпира новая, чистая. Онъ былъ правъ; я съ удовольствіемъ осмапривалъ опрятную внупренность моей хапы: всѣ вещи были распавлены по принадлежности; въ поднятія окна вѣялъ освѣжительный воздухъ.

Обнаженный излишней пѣжести и пѣсности, я сѣлъ у окна, закурилъ пубочку и, забывъ безпокойство продолжительнаго похода, предался самымъ игривымъ мечтамъ объ ожидающихъ меня удовольствіяхъ въ этомъ прелестномъ уединеніи. Сердце мое дышало какою-то живою, свѣжею нѣгой... спало бытъ, я чувствовалъ себя счастливымъ въ эту незабвенную эпоху жизни, когда шестъ или семь лѣтъ послѣ, проѣзжая по Россіи, наглядѣвшись на свѣтъ, живъ среди великолѣпія столицъ и испытавъ коловрапности судьбы, — я иногда останавливался въ какомъ нибудь Русскомъ селѣ и дня при-чепыре одиноко проживалъ въ крестьянской избѣ, единственно для того, чтобы снова подышать этой чудною нѣгой; и, не взирая на то, что лѣта ушли, что образъ мыслей перемѣнился, что память моя омрачилась упрямюю дружей, — душа моя еще сильна была перечувствовать все ощущенія юности!

Лакей съ барскаго двора повторилъ приглашеніе къ обѣду.

По словамъ моего кварпирьера, котораго помѣщица безуспѣшно спрашивала обо мнѣ и семействѣ моемъ (ибо онъ зналъ только то, что обязанъ знать по службѣ, т. е. мой чинъ, да имя и отчество мое) я воображалъ обыкновенную деревенскую барыню, добрую, любопытную, болтливую; но съ перваго взгляда замѣтилъ, что она существо лучшаго разряда, мнѣніемъ коего надобно дорожить. Лѣтъ около сорока пяти, какъ спарушка, еще довольно мила лицомъ и лишь сколько дородна, сколько нужно, чтобы и въ этомъ отношеніи заслужить эпитетъ: *почтенная* — она съ покойнымъ, яснымъ умомъ соединяла любезность въ обращеніи; ея сельское прососердечіе нравилось мнѣ тѣмъ болѣе, что оно казалось основаннымъ на знаніи свѣта и свѣтскости. Мы поспѣшь возымѣли другъ о другѣ выгодное мнѣніе, и это насъ скоро освободило отъ пустыхъ вѣжливостей.

Подошедъ къ сполу и увидѣвъ полько два прибора, я невольно высказалъ ей свое соспрадапельное удивленіе тому, что она *одна*.

— «Я была одна весь вѣкъ свой!» опвѣчала она съ груспною улыбкаю, придававшюю симъ словамъ какую-то прогапельную значипельность; и попомъ, какъ бы желая предупредипь мое любопытство, примолвила гораздо незначипельнѣе: «Я скоро лишилась мужа; спаршую дочь выдала замужъ и оппустила съ нею и младшую, чтобы не разлучипь нѣжныхъ сесперь; сыновей у меня не было.» — «Когда я слышу о нѣжной любви кровныхъ между собою,» произнесъ я, «сердцу моему что-то больно: я никогда не имѣлъ ни брапьевъ, ни сесперь; еще въ пеленахъ я лишился мапери; оспался одинъ опецъ — но опецъ единспвенный, замѣна всего, чего мнѣ не было дано, и что опияпо у меня!» —

«И такъ вы не были ласкаемы маперью!» сказала она съ искреннимъ участіемъ, взглянувъ на меня; если бъ я по себѣ испыпалъ

дѣйствіе маперинскаго взгляда на сына, я почипалъ бы ее своею маперью, ибо взоръ ея падалъ шепло на мою душу. Сіе впечатлѣніе было для меня споль ново, чпо я забылся на минупу; увидѣвъ слезу на рѣсницѣ хозяйки, я молча поцѣловалъ ей руку. Разговоръ какъ-то коснѣлъ.

— «И пакъ вы не были ласкаемы маперью!» повпорила хозяйка послѣ обѣда, хопя безъ слезы, но съ пѣмъ же чувспвомъ. На поппъ разъ мое сердце ей не опвѣчало нѣжноспью: мнѣ было почпи досадно, чпо мое сиропспво ее пакъ сильно провнуло и сдѣлало меня занимапельнымъ для нея лицомъ. Я, довольно равнодушно, возразилъ извѣспнымъ спихомъ изъ Заиры: «On ne peut désirer ce qu'on ne connaît pas! (нелзя желать неизвѣспнаго блага) припомъ же мой опецъ»....

Она съ живоспью перебила мою рѣчь: — «Да, вашъ опецъ! вы о немъ опозвались съ пакою похвальнойю горячноспью... позволше васъ спросипъ, какъ его зовупъ? не Але-

ксандръ ли Григорьевичъ?» На упвердипельный опвѣтъ мой она продолжала: «Ну, такъ это онъ — сослуживецъ моего покойнаго мужа, копорый часпо о немъ упоминалъ въ бесѣдѣ съ друзьями. Когда я опть унперъ-офицера услышала вашу фамилію, мнѣ попчасъ пришло въ голову, что вы должны бытъ сынъ его.» —

Нашъ разговоръ сдѣлался живѣе и дружественнѣе; въ первый разъ въ жизни я до того занялся уже немолодой барынею, что почти не замѣчалъ ея горничныхъ Грацій, изрѣдка мелькавшихъ въ госпиной.

Дни шекли; я сильно привязался къ Г-жѣ Ильменевой, у копорой бывалъ ежедневно. Опсупспвіе ея дочери Магге допускало насъ безъ зазрѣнія сближаться, какъ Мать и сына. Ея нѣжная, неупомимая обо мнѣ попечипельность доказывала ясно цѣль ея: вразумипть моему осиропѣвшему сердцу, что такое значипть *Мать*. Въ этомъ священномъ понятіи опкрылся новый для меня міръ прекраснаго; сколько разъ, пронупый ея душевною ко мнѣ

привязанностью, обнаруживавшеюся подъ безконечно - разнообразными формами маперинской нѣжности, я цѣловалъ ей руки и высказывалъ сіе сладостное, дополъ неиспытанное чувство; обнималъ и увѣрялъ ее, что она мнѣ родная мать; что, если не носила меня подъ сердцемъ и не кормила грудью, то теперь *носитъ на рукахъ* и питаеетъ духовнымъ млекоу маперинства — направлениемъ къ добру и пою нѣжностью, безъ которой и родипельница не была бы матерью. Слушая изъясненіе моихъ чувствъ, она часпо не могла говорить опть умения.

Однажды при мнѣ пришло письмо опть Marie.

— «Если шупть нѣтъ никакихъ секретовъ, то покажите мнѣ письмо вашей дочери.»

— «Изволь!» сказала она, улыбаясь.

Добрая дочь заклинала мать признаться ей по совѣсти, не скучно ли ей одной? — «Я погоспила у сесприцы; пришлипе за мной лошадей, *когда* вамъ угодно: съ радостью приѣду къ вамъ и у васъ и съ вами буду весе-

липисья.»— Въ припискѣ было сказано: «Правда ли, что Офицеры полка, недавно пришедшаго къ вамъ, спрашиваютъ шалуны? Здѣсь носится слухи, что они, подъ предводительствомъ своего Полковника, шпурмовали женскій монастырь и разогнали всѣхъ монахинь?»

Я захохоталъ во все горло: экія басни! —

Случилось мнѣ прійти къ помѣщицѣ въ самое время, когда ей уже подали свѣчку, чтобъ запечатать опвѣщенное письмо къ дочери. Меня взяло сильное любопытство узнать содержаніе сего письма; я справедливо полагалъ, что тамъ сказано нѣчто и обо мнѣ. Она долго отказывалась, но наконецъ уступила моей неотразимой просьбѣ. Она оперочила опшукъ своей дочери, клянясь Богомъ, что еще не скучаетъ ни сколько . . . я положилъ письмо, не говоря ни слова, и пошелъ въ садъ.

Не помню, чтобы я когда нибудь проливалъ такія сладкія слезы! Опть похвалъ я только бы покраснѣлся; неизъяснимо-милая выраженія маперинскаго ко мнѣ приснаспія

распопили мое сердце. Я съ опцемъ бываль на гробъ моей мапери; уѣзжая на службу, я проспился съ прахомъ ея; изъ разказовъ зналъ я всю жизнь ея и всѣ обспояпельспва ея смерпи; зналъ, что за часъ до кончины своей, она велѣла положиць меня въ свои объяпця, продержала немного, перекрестила, поцѣловала и велѣла унесць — мнѣ надобно было припоминаць все эпо, чпобы не увлекаться невольною мыслию, чпо Г-жа Ильменьева не можець не быць моею маперью... вопъ до какой степени мое сердце чувспивало себя усыновленнымъ эпою превосходною женщиной!

Недолго довелось мнѣ жиць у своей маменьки: меня назначили веспи команду въ корпусную кварпиру, довольно далекую опъ Шпаба нашего полка. Намъ было жаль разспаться другъ съ другомъ; Г-жа Ильменьева, почипая сію разлуку непродолжипельною, меня упѣшала; но услышавъ, чпо изъ корпусной кварпиры я хочу ѣхаць въ домовою

опускъ на чепъре мѣсяца, видимо измѣнилась въ лицѣ. «Такъ мы долго не увидимся!» произнесла она пакъ печально, чпо сердце у меня разрывалось. Чудная женщина! подумалъ я: чуждаго ей человекъ она пакъ нѣжно любитъ попому, чпо онъ взросъ безмапернимъ сиропю!

Наканунѣ моего опгѣзда она была печальнѣе прежняго; груспъ ея имѣла чпо-по возвышенное и поржеспвенное; казалось, она гоповилась къ чему-по, спюющему ей великаго усилия. Мы нѣсколько минутъ просидѣли молча.

— «Хочешь ли посмопрѣть на карпину, копорой пы у меня еще не видаль?» спросила маменька, и повела меня въ прекрасную, смежную съ ея спальнею комнапу, и мы сѣли на диванъ, насупротивъ большой, задернутой зеленою пафпою карпины на спѣнѣ. Давъ мнѣ время наполнитья любопытствомъ, Г-жа Ильменьева знакомъ руки указала мнѣ опдернуть занавѣсь. Я увидѣлъ изображеніе моло-

дой дѣвушки во весь роспѣ, необыкновенной красоты; она спояла легкая, спройная, съ розою въ рукѣ, съ огнемъ воспорга въ глазахъ, немного наклонясь головою, будпо глядя и слушаая внимательпо. Сѣвъ опяпѣ на свое мѣспо, я замѣпилъ, чпо съ дивана была наспоящая почка зрѣнїя на карпину. Какая свѣжая жизнь и прелеспѣ — словно божеспво, съ улыбкаю небеспой радоспи! какъ блиспательный генїй, какъ духъ, она свержеспвенно — сквозъ спѣну — казалось, входипѣ въ комнапу! — Когда я нѣсколко опомнился, мнѣ пришло въ голову, чпо это долженъ быпѣ порпретѣ ея дочери. Она спросила, почему я это полагаю? «Тамъ еспѣ чпо-по, васъ напоминающее; да ваши горничныя говоряпѣ, чпо она хорошенькая,» опвѣчалъ я. — «Все ровно, кпо бы по ни была,» возразила она: «хочесп ли слушапѣ ея повѣспѣ, ею самую написанную?» —

Маменька доспала изъ шкафа шепрадку въ красивомъ переплетѣ, и я, не сводя глазъ съ

плѣтисельной карпины, собираася слушашь. Сильно попрысли меня первья слова:

«Ужели пому полько двѣ недѣли, какъ онъ уѣхаль, какъ онъ умеръ для меня, а сердце мое, — кажешся, — прожило два вѣка горя! Не узналъ бы ты меня, мой другъ, если бъ и увидѣлъ какимъ нибудь чудомъ!... Ахъ, завѣсипь бы эти ненужныя зеркала, копорья всюду меня пугаюпть блѣднымъ привидѣнiемъ... и это привидѣнiе — я сама! А кпо жъ эта веселая, цвѣпущая дѣвица въ золоченыхъ рамкахъ? это пакже я!!! — Благодарю тебя, художникъ! ты умѣлъ схватишь и увѣковѣчишь въ карпинѣ мое мимолетное счастье! Глаза мои уже не блестяпть, щеки не цвѣпупть; душа моя уже не просiяешь сей блаженною улыбкой; но ты создалъ зеркало, гдѣ расперзанная судьбою спрадалица видишь себя счастливымъ ангеломъ... чѣмъ она была, чѣмъ будешь онапть — но не *здѣсь!* Земное *прошедшее*, небесная *будущность!* вы равно восхищешельны; но между вами лежишь зем-

ное *настоящее* — грустная пустыня, протяженіе безконечное! О, еслибъ Ангелы Божіи, схвапая меня подъ руки, облегчили мой пупъ къ могилѣ, какъ добрые люди водяптъ неушѣшную вдовицу за гробомъ мужа!» —

Маменька пріоспановилась, какъ бы для того, чпобы даптъ мнѣ перевесптъ дѣханіе, ибо замѣпила, чпо меня удушало разногласіе принимаемыхъ впечатлѣній: вижу передъ собою свѣплую, веселую красавицу, а слышу ея груспный, жалобный голосъ — вопли пихаго опчаянія Какой жеспкой контрасптъ!

Я отдохнулъ немного.

«Мой другъ, мой единспвенный другъ! зачѣмъ пы меня оставилъ? зачѣмъ пы самъ себя приговорилъ къ духовному покаянію, спрожайшему, нежели сколько предписываюптъ законъ и Церковь! — Нѣптъ, я не должна роппашъ на тебѣя — я поняла пвое нѣжное благородспво; пы пакъ великъ въ эпомѣ сверхчеловѣческомъ покаяніи! Хочу подѣлипсъя съ побою эпимъ величіемъ, а сердце мое —

пусть замретъ . . . ему уже нечего чувствоваться въ этомъ мѣрѣ! Юность моя пусть завянетъ — она цвѣла! Любовь, подобная нашей, не вознаграждается земнымъ благословеніемъ . . . Чтѣ слишкомъ пышно цвѣтеть, не имѣетъ плода: спроси у сподвижественной розы, спроси у пророческией розы въ рукѣ моего изображенія!

«Молишься еще не могу . . . слова, обращаемыя къ Богу, умираютъ на ухахъ — боль сердца преодолеваетъ волю духа! Я поперяла себя и друга, и насъ обоихъ нахожу — въ моемъ порывѣ! Глядясь въ этомъ волшебномъ зеркалѣ, хочу передать бумагѣ мою повѣсть. Жаркіе попки слезлились внутри; я ихъ продела наружу! Огонь грусти обхватилъ сердце — онъ будетъ изливаться словами!

«Мнѣ было восемнадцать лѣтъ; я жила въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ, въ блестящихъ обществыхъ. Напрасно ихъ называютъ блестящими: не они блестятъ, но ясность души и юность счастливая, шамъ,

какъ и вездѣ. Вокругъ меня, какъ вокругъ каждой молодой дѣвушки, увивались юноши, забавлявшие меня и себя самихъ игрушкою милого пуспѣсловія; я никого изъ нихъ не опдичала, ибо сердце мое безмольспвовало. Между ними появился человѣкъ, не умѣвшій играпь юноспью, но искавшій предмета для своихъ скрыпныхъ, бурныхъ спраспей — жерпвы для своего жерпвеннаго пламени — и эпопъ губипельный выборъ палъ на меня!...

«Онъ былъ прекрасный мужчина съ благо-родною душею; я, можетъ быть, его бы полюбила, если бъ меня не пугало мрачное величје его любви, если бъ я по спранному — но слишкомъ правдивому — предчувспвію не видала въ немъ роковаго врага моего счастія. Онъ, любя, не былъ любовникъ, но грозный, пламенный громовержець. Однажды заспавъ меня одну, онъ съ насильспвенною улыбкой меня спросилъ, опъ чего я ко всѣмъ привѣплива, но къ нему одному важна и почпи сурова? Я чувспвовала, чпо эпо — приспупъ

къ любовному объясненію; я превозмогла свою робость, чпобъ умѣль опвратиць бесѣду опъ необходимости ему говориць о моемъ сердцѣ — и опвѣчала: «Я не могу спавиць васъ наравнѣ съ добрыми вѣпрениками; бессмысленная веселость дѣвушки не можетъ согласоваться съ паинспвенною важностью вашего характера; голубица, сидя на землѣ, робко благоговѣеть къ орлу, парящему подъ небесами!» — «Ваша метафора мнѣ не нравится (произнесъ онъ); человекъ съ человекомъ имѣеть сношеніе — но голубица и орелъ»... онъ пріоспановился. Робость меня одолѣвала; я въ послѣдній разъ ее пересилила и опвѣчала: «Вы — Тигранъ по душѣ — ничего не имѣете и не можете имѣть общаго съ мелкимъ человекомъ!» Онъ смолчалъ, но въ немъ поднялась спрашная душевная буря.

«Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ я его совсѣмъ не видала; послѣ того онъ спалъ опянь появляясь въ общеспвахъ; но видъ его былъ еще угрюмѣе прежняго. Хотя онъ, по ви-

димоу, меня вовсе не замѣчалъ, но его присушствие наводило на меня какой-то безоптчепный спрахъ: онъ непріязненнымъ гениемъ омрачалъ мои радости!

«Я познакомилась съ побою, мой свѣпый ангель! но тебя въ первый разъ увидѣла — объ руку съ нимъ! суевѣрная печаль меня превожила. Я васъ между собою сравнивала: онъ — зловѣщая пуча съ молніями; ты — весеннее солнце, милое, радостное! но солнце на краю сей великой, черной пучи — зрѣлице умилипельное, ибо кто же не боится, чпобы пуча не поглотила солнца... Увы! зачѣмъ упредишь ходъ времени — эпоха любви полько чпо наспаешь!

«Твой вѣчно веселый нравъ одушевлялъ меня пихою радостью; пвоя нѣжная, почпипельная любовь рождала во мнѣ пламенную взаимность, ободряя мою врожденную робость. Объясненіе не было запруднипельнымъ для насъ обоихъ; завѣпный часъ, опредѣленный успѣхами и вѣрнымъ ходомъ любви, наспалъ

въ урочное время.... пы высказалъ милое словечко; я улыбнулась и подала тебѣ руку — и сердце мое заликовало на груди твоей!

«Въ дѣспивѣ моемъ я видѣла незабвенный сонъ, кошорый вполне означилъ бы мою судьбу, если бѣ меня допустили видѣть и конецъ его. Мнѣ снилось, бѣлою голубицей лечу высоко по синему воздуху — какое восхищительное чувство! по несусь спрѣлою на своихъ легкихъ, неподвижно распростертыхъ крыльяхъ, по порхаю вокругъ звѣздъ, горящихъ, словно свѣчи, и меня дѣпски забавляетъ ихъ золотое пламя, волнуемое по-лестомъ моимъ. Лечу далѣе — и среди безконечнаго моря неба вижу прекрасный зеленый островъ; на немъ садъ, огражденный серебряной рѣшеткою; на пышныхъ деревьяхъ сѣютъ золотыя яблоки, и среди свѣжей зелени ходятъ спройные бѣлые образы. Хочу садиться на врапахъ сада, но мои крылья вдругъ свернулись, и я, опустившись на землю, очутилась взрослою дѣвушкой. Чуде-

сныя цвѣпы маняпть меня въ очарованную ограду; пихо касаюсь воропть — они успу-паюпть; вхожу съ священнымъ препепомъ. Съ другаго конца длинной аллеи идепть ко мнѣ какой-то свѣплый человекъ; садовникъ! думаю и радуюсь, что онъ будепть мнѣ показывапть всѣ цвѣпы, а можепть быпть и даспть золотое яблочко. Но по мѣрѣ того, какъ онъ приближался, сердце мое спѣснялось чѣмъ-то непоняпнымъ; онъ подошелъ, улыбнулся — и меня обнялъ душа моя запряслась дивнымъ чувспвомъ; божеспвенная музыка раздавалась во мнѣ и вокругъ меня, и небесная роса — благовонная, какъ розовое масло, омывала мое пылающее лице. . . . Въ эпю минупу няня меня разбудила, видя, что я плачу во снѣ. Опкрываю глаза; слезы еще льюпся ручьями — прекрасный сонъ еще не выходилъ изъ моего сердца! — Послѣ сего я уже ни разу не видала пакого сна; жадная къ пому дивному чувспву, и думая, что оно обрѣпаепся въ объяпцахъ мужчины, я обни-

мала своего опца — и наконецъ убѣдилась, что *такъ* можно чувспивоватъ только во снѣ.

«Нѣтъ! и на яву я вкусила по самое, пророческое блаженство, въ поспѣ чудный мигъ, когда я невѣспною припала ко груди *твоей!*».... Помнишь ли, мой другъ, эти прекрасныя двѣ недѣли, когда мы, принявъ благословеніе моихъ родителей и упросивъ ихъ еще никому не объявлять о нашемъ счастьи, блаженствовали въ семейномъ кругу! Ненужныя, пущыя, неискреннія и часпо зависпливыя поздравленія свѣпскія оскорбляли бы священную чистопу нашихъ сердець. Какъ чувспвительные друзья природы любятъ проводить *одни* ясное весеннее утро, наслаждаясь прелестями созданія: такъ и мы ни съ кѣмъ не хопѣли дѣлится праздничнымъ утромъ нашей любовной жизни! Помнишь ли, какъ ты, объ руку со мною прогуливаясь по нашей залѣ, остановилъ меня передъ зеркаломъ и сказалъ: «Посмотри, мой другъ, какъ ты прекрасна! Какъ назовемъ мы это спѣ спонкій,

чудный румянецъ на лицѣ невѣсны? отраженіемъ ли чистѣйшаго огня земнаго, или зарёю другаго міра? Ты будешь моею женою, моимъ раемъ! Но я хотѣлъ бы, чпобы эша милая дѣвица, изъ зеркала смопрятая на меня, какъ небесный геній, оспалась вѣчно моею невѣстою! Знаешь ли? искусная рука дружнаго со мною художника ее изъ эпого волшебнаго міра выведетъ въ нашу существенность; для насъ она будетъ лучшимъ, безсмертнымъ памяникомъ сей блаженной эпохи; и если намъ доведется распаться съ пвоими родителями, то мы у нихъ оставимъ эпопть порпребъ, какъ ангела-упѣшителя!» —

«Между пѣмъ, какъ живописецъ выводилъ мои формы и черпты, мы съ побою разговаривали, какъ всегда. Въ то время, когда ему надобно было схватить выраженіе моего лица, мой взглядъ, улыбку мою, я внимательно смопрѣла въ пвои воспорженные глаза и слушала пвой разсказъ, исполненный чувства и краснорѣчія. Перо вышло изъ руки моей....

гляжу на порпрепть еще вижу и слушаю себя я думала, что у меня нѣтъ уже слезъ.» . . . —

Маменька положила шепрадь, какъ бы упомянутая опть выразишельнаго чпенія; успремилла взоръ на порпрепть; еще не попухшіе глаза засіяли какимъ-то милымъ — вѣроятно своимъ прежнимъ — блескомъ. Минутъ съ пять она пребывала въ семъ положеніи; попомъ, молча взявъ шепрадь, продолжала:

«Было раннее утро весны; двѣ карепы быспро мчались изъ градской заставы Иная — счастливейшая — сладкимъ сномъ еще спитъ подъ сѣнію родипельскаго крова, а судьба ея рѣшается суровыми людьми, въ глубинѣ лѣса! Тамъ собралось шестъ офицеровъ. Четверо изъ нихъ, обступивъ одного — мрачнаго, величаваго — убѣждаютъ его сознаться въ своемъ легкомысленномъ проспукѣ и просить прощенія у своего пріятеля и поварища, копорый, кропокъ какъ ангелъ, и спокоенъ какъ человекъ,

принесшій въ жертву свое сердце и предавшійся въ волю Всевышняго, споишь, облокотившись о дерево, не глядя на эту землю, гдѣ ему завидуютъ въ счастьи его — но взирая на небо съ священнымъ чувствомъ своей невинности. Виновный говоритъ добрымъ посредникамъ: «Я вчера не сознавался, — сегодня сознаюсь въ своей винѣ, но просить прощенья и мириться не хочу!»

— «Теперь и поздно!» воскликнулъ обиженный: «мы уже на роковомъ мѣстѣ! Друзья, зарядите же пистолеты!» —

«Оба доходятъ до барьера; непримиримый геній судьбы выпрѣлмилъ . . . пуля полетѣла за пазуху пропивника, скользнула по ангельскому сердцу, не смѣя коснуться сего святыща любви, и ударила въ лѣвую руку.

— «Спрѣлай!» закричалъ грозный зачинщикъ, увидѣвъ, что наведенный на него пистолетъ опустился.

— «Не хочу!» былъ твердый отвѣтъ: «друзья, перевяжите мою рану! Моя обида

смысла моею же кровью! Я тебя прощаю; да проспипть тебя и совѣспть пвоя!»

— «Рана не важна!» возразиль попть: «дѣло еще не кончено!»

«Не взирая ни на какія убѣжденія секунданповь, онъ произнесъ жестокое рѣшеніе: — «Одинъ изъ насъ долженъ оспашься на поваль: я шакъ хочу — я въ помъ поклялся моей чеспью!» —

«Ужасная клятва!... Обиженный пребоваль, чпобы пропивнику еще разъ зарядили писполепть; оба выспрѣла раздались въ одну секунду.... виновный упаль съ проспрѣленной грудью, и невинный, во впорой разъ легко раненый, повергся къ нему на землю и возопиль въ опчаяніи: — «Зачѣмъ пы эпого хопѣль!» Умирающій пожалъ ему руку — и скончался... и съ нимъ умерло мое счастье!»

«Бѣдный другъ мой! чпó пы чувспвоваль, видя окровавленный прупъ сраженнаго побою человекка!... Милая душа, для одной любви созданная, и пы должна была испьшпаль муку

невольнаго убійсва! Мужчины, мужчины, чпо́ вы дѣлаете! вы свирѣспивуете о имени нѣжной, робкой дѣвушки!

«Бѣдный другъ мой! чпо́ ты чувспвовалъ, когда спарый служипель погибшаго, съ слезами на глазахъ, подавалъ тебѣ письмо, для тебѣ оставленное бариномъ его! Ужасное письмо... мой приговоръ смерпный — доспанеть ли силъ переписатьъ его!

— «Ты получишь сіе письмо не иначе, какъ убивъ меня; но я постараюсь всадипъ тебѣ пулю въ сердце! Мнѣ конечно жаль, чпо, по грозному успаву судьбы моей, я долженъ имѣть дѣло съ побою, котораго я прежде любилъ и теперь не могу не уважать. Я и опъ тебѣ хопѣлъ-было упайипъ *настолющую* причину нашей ссоры, но раздумалъ; если убьешь меня, все узнаешь! Смерпелная рана можетъ въ одну минупу лишипъ меня чувспвъ и языка, и шакъ я принужденъ къ тебѣ писатъ, дабы ты не счипалъ меня пущымъ брешперомъ. Я поклялся спирѣ-

ляпсья со всякимъ, кпо вознамѣрипсья же-
нипсья на дѣвушкѣ, меня презиравшей; не
иначе, какъ черезъ прупъ мой, она шагнетъ
къ вѣнцу!... Жаль мнѣ будетъ бѣдняжки,
если я эпортъ поржеспвенный пупъ для нея
завалоу — прупами!... Я всячески спарался
ее забыть, не думать о ней; но бѣшеное
сердце мое пѣнипсья кровью — и забыть не
можеть. Вопъ моя пайна! вопъ почему пы
врагъ мой, гибели копораго я жажду! Ея
взаимностъ содѣлала бы меня ангеломъ; ея ра-
внодушье, ея счастье, раздѣляемое съ другимъ,
внушаетъ мнѣ оспервенение разбойника! Если
пы поймешь мои спрадания, по благоговѣй къ
моей пѣни, не судя о моихъ поступкахъ:
спраспъ моя подлежптъ не суду мѣрскому!» —

«Несчастпый другъ мой лечился опъ ранъ
своихъ. Я была въ опчаянпн; опъ меня скры-
вали наспоющую причину поединка, но я се
угадывала. Наконецъ, по моему убѣдптельному
спребованпю, мнѣ сказали всю правду. Сердце
мое разрывалось. Боже милосердый! сохрани

всякую дѣвушку опть несчастія возбудишь подобную любовь! Гораздо лучше принадлежалъ къ числу пѣхъ одинокихъ созданий, кои живутъ и опживаютъ, никѣмъ незамѣчаемыя! Я слегла въ постелю; думала слечь и въ могилу — но пупъ жизни еще не былъ пройденъ! Когда я оправлялась опть болѣзни, добрый И — въ, пріятель моего друга, по его просьбѣ, каждый день меня навѣщалъ, утѣшая всячески; но я чувспвовала, что мнѣ не бывалъ уже счастливою, что пѣнь убиваго наложила на меня заклятіе и будетъ мучить мою душу среди лучшаго счастья. Другъ мой думалъ и чувспвовалъ по же; вопть письмо, копорое я наконецъ опть него получила:

— «Добрый Государь, узнавъ всѣ обстоятельствова поединка, меня прощаетъ; но опть этого не спало легче моему сердцу. Образъ любившаго шебя и павшаго жерпвою своей необузданной спраспи, мною завладѣлъ безусловно; онъ меня не преслѣдуетъ, не мучитъ; но только наспроиваетъ мою душу къ невы-

разимому сожалѣнію о бѣдспвенной участи его. Видитъ Богъ, что я не хотѣлъ его убить: слѣпой случай, или воля Провидѣнія, направила мою пулю.... любовь, грозившая низпровергнуть порядокъ общеспвенныхъ постановленій, не могла имѣть инаго жребія; небесный огонь превратился въ земной пожаръ! Читаю его письмо, повергаюсь въ бездну сей души хаотической — и съ нимъ раздѣляю его спраданія! Въ это время онъ мнѣ мечпается тихій, дружелюбный; вижу его, какимъ онъ бывалъ со мною прежде — и въ минуву смерти. Но когда я, вспомнивъ о себѣ, предаюсь своему сердцу, тогда онъ снится мнѣ — суровый и кровожадный, какъ во время поединка — и мнѣ спановится такъ тяжело, такъ душно! — Мой ангелъ! ты не спрашишься ли убійцы? Скажи мнѣ, будемъ ли мы совершенно забываться въ сознаніи нашего счастья? или тынъ убиваго поселился въ жилищѣ супруговъ и спанептъ смущаетъ наши души! Что, если духъ его, погрузясь въ швое

сердце, будетъ шептать тебѣ: *Не обнимай его: онъ обрызганъ кровью!* или, если прилипнетъ къ моей совѣсти и скажетъ: «Не довольно ли тебѣ смерти моей? ты своимъ счастьемъ еще ругаешься надъ моимъ прахомъ!» Милосердїя Царская опсспранила приговоръ закона; плѣтъ болѣе и тяжеле на мнѣ самомъ лежатъ обязанность успокоить грозную плѣтъ убишаго, пребующую великой — бытъ можетъ, пруднѣйшей для сердца жерпвы.... Какой? не знаю!

— «Милое, чистое существо! заклинаю тебя нашей любовью: найди иное средство примирить съ нами прогнѣваннаго генія нашей судьбы! Но если не найдешь — ужасно! Мой ангелъ! спросись своего чувства — и рѣши!» —

«Я проплакала весь день и всю ночь, и написала ему въ отвѣтъ: — «Нѣтъ иного средства, мой другъ! я углубилась въ свою душу; я вопрошала свое чувство — и повпоряю въ опчаяніи: нѣтъ иного средства! Неумолимая плѣтъ пребудетъ — вѣчной разлуки!!! —

Пріѣзжай, мой ангель! Я шебя пакъ давно не видала — сердце засохло опть жажды! Ты прійдешь ко мнѣ изъ паспи смерпи: бышь можепть, я на рукахъ пвоихъ умру опть радоспи свиданія! Ты прійдешь со мною навѣкъ проспипься: бышь можепть, я у груди пвоей умру опть гореспи разлуки! Радоспъ и гореспъ! вы порознь иногда умерщвляете брэннаго чело-вѣка; соедините свои силы — и меня не спанешь!»

«Я съ нимъ увидѣлась — и пережила эпу минупу! Описывапть ее не надобно — и не возможно; сердце памяпливо!

«Послѣ первыхъ, сильныхъ попрясеній, мы оба сознавались, чпо только добровольнымъ опреченіемъ другъ опть друга успокоимъ свою, слишкомъ раздражипельную, совѣспъ и искупимъ свою невольную вину. Мы говорили о разлукѣ, обнимая другъ друга съ пакою любовью, чпо никогда не должно бѣ было намъ распанься. Мы иногда оспанавливались передъ моимъ порпрепомъ — плакали и безмолв-

спововали. Онъ рѣшился оставитъ службу и уѣхать къ своимъ родителямъ; сіе послѣднее время онъ посвящалъ мнѣ исключительно. Часно мы сравнивали себя съ приговоренными къ смерти: какъ они дорожатъ каждою минутой оспальной жизни и вдвое чувствуютъ ей цѣну, такъ и мы — приговоренные къ разлуцкѣ (чшо пуще смерти), изліянiями нашихъ чувствъ будшо замедляли и приводили въ риѣмическую мѣру ходъ времени, для прочихъ людей споль неровный. Такимъ образомъ пихо сопровождая наше уходящее счастье, мы говорили о своей будущности. Я имѣла пвердое намѣреніе посвятитъ себя посприженію; родители шому пропивились, и другъ мой такъ убѣдительно меня упрашивалъ не уменьшатъ цѣны нашей жертвы уклоненіемъ отъ гражданскаго долга и отъ закона природы. «Ты и я,» говаривалъ онъ; «мы одни не можемъ на землѣ бытъ соединены: между нами несчастіе, кровь и могила! Но выйдъ за кого хочешь, кого почипаешь до-

спойнымъ руки пвоей — и будешь права передъ пѣнію убишаго, и вдвое болѣе права передъ опечесивомъ, и Богомъ и семейсивомъ своимъ! Подъ сѣнію монастыря пусть живетъ кающійся грѣшникъ, или избранный человекъ Божій!» —

«За нѣсколько дней до нашей разлуки, онъ спалъ мнѣ говоритъ о своемъ другѣ N N, о прекрасномъ сердцѣ и любезныхъ качествахъ его. Я плапкомъ закрывала свои слезы.

«Мы рѣшились проспиться на могилѣ человека, памяти коего мы пожертвовали своимъ счастьемъ — и шамъ проспились!» —

Маменька опять положила пепрадь, приговля: «Прощанія съ другомъ она описать не могла; она пощпалась-было, но слезы заливали спроки.»

— «Кпо жъ эпа несчастная!» спросилъ я, успремивъ опять взоръ на порпребъ, на который я не глядѣлъ во время чпенія, дабы внимательнѣе слушать. Я шакъ пораженъ былъ великодушнымъ поступкомъ любви-

ковъ; вся жизнь до того сосредоточивалась въ одномъ сердцѣ, чѣмъ мнѣ не приходило на умъ угадывать героиню повѣсти.

Маменька вспала, задернула карпину и, обращаясь ко мнѣ, произнесла: «*это я!*»

— «Вы!» возопилъ я, вскочивъ съ своего мѣста; изящное чувство грусти въ душѣ моей превратилось въ спрраданіе дѣйствительное. Ласково взявъ меня за руки, она спросила: — «А знаешь ли, кто другъ мой?» и, опуская голову на мою грудь, примолвила тихо: «*твой отецъ!*»

— «Маменька!» воскликнулъ я съ особенною значительностью — и слезы брызнули изъ глазъ моихъ.

— «Да, свой отецъ!» возопорила она, обливаясь слезами и прижимая меня къ груди: «сынъ моего друга — Богъ мнѣ не далъ другихъ сыновей, кромѣ тебя!» —

Если я дополъ уже испинно любилъ Г-жу Ильменьеву, то можно себѣ предсавить, чѣмъ она сдѣлалась для меня въ эту минуту —

она, любовь моего опца; она, меня усыновившая — мать моя въ двойкомъ смыслѣ!

Послѣ перваго волненія чувствъ, я ее спросилъ, зачѣмъ она задернула карпину? — «Чпобы тебя не слишкомъ поразило различіе между ей и мною! Теперь можешь опять опдернуть занавѣсъ.

«Ты не повѣришь, милый сынъ мой, въ какое прекрасное забвеніе погружаешь меня эша карпина! Съ тѣхъ поръ, какъ я лишилась мужа, какъ ни единый долгъ мнѣ не препяпспвуешь предаваться моимъ воспоминаніямъ — цѣлый міръ для меня сосредопочивается въ эпихъ рамкахъ! Когда сердце мое — юное, какъ за двадцать за шестъ лѣтъ передъ симъ, бывало проснепся съ такимъ безпокойнымъ біеніемъ, какое оно почувспвовало при извѣспіи о несчастномъ поединкѣ — ухожу сюда, будто бы для того, чпобъ опдыхать — и почно опдыхаю, глядясь въ мое волшебное зеркало; душа моя шумно врацается въ чув-

спвахъ моей юности, которыми дышетъ сія шепрадъ; забываюсь и блаженствую!

«Что было со мною, когда я узнала о при-
бытіи пвоемъ! Моимъ поспояльцемъ будетъ —
сынъ моего друга! сія мысль меня обвѣла
новою жизнью; я себя ждала съ неперпѣніемъ,
съ радостнымъ безпокойствомъ, съ мечпа-
пельною бессонницей. Мнѣ казалось, я сыз-
нова оюнѣла: все горе, что я перечувствовала,
сбѣжало съ души, какъ тяжелое облако; и
душа просіяла, какъ теплое солнце! Мнѣ ка-
залось, я внезапно выздоровѣла опъ жестокой
болѣзни; я никогда не была несчастлива, не
приносила убійственной жертвы — и только
готовилась жить и любить!»....

Она меня опять обняла.

«Когда думаю о томъ,» продолжала она: «что
мы оба такъ скоро овдовѣли, мнѣ иногда
сдается, что Господь не одобрялъ нашей
великой жертвы, что она была — излишняя!
Нѣтъ! это лживая мечта! все прудное и
прекрасное угодно Провидѣнію, — и развѣ

мало того, что пѣнь убишаго меня не превозжила понинѣ? — Переписка съ своимъ опцемъ была бы для меня величайшимъ утѣшеніемъ; но мы, распаваясь, принесли свою жертву вполне взаимнымъ обѣщаніемъ: не переписываться, даже не освѣдомляясь другъ о другѣ, чтобы достойнѣе передъ Богомъ искупить наше несчастіе: мы опложили все — до другой жизни! . . .» —

Сіе показалось мнѣ асцептической спроспью. — «Вы, по крайней мѣрѣ, не обязались не слушать, когда вамъ будущъ говоритъ другъ о другѣ,» возразилъ я: «и пакъ слушайте!» Я ей рассказалъ подробно о своемъ опцѣ; о томъ, что я, съ пѣхъ поръ какъ себя помню, зналъ за нимъ какую-то нѣжную меланхолю; что однажды слышалъ изъ устъ его имя *Серафимы*, и на дѣпскій вопросъ мой получилъ опвѣтъ: «это сеспра Серафимовъ; это ангелъ, котораго мы увидимъ на Небеси!»

Она хопѣла знапѣ, писалъ ли я ему когда либо о ней. Я дѣйствительнѣ писалъ о ласкахъ ея, но именуя ее полько своею *добрѣй* помѣщицею.

— «И такъ онѣ ничего не знаетъ!» воскликнула она, съ выраженіемъ нѣжной горести: «не говори же ему никогда обо мнѣ!» —

Я опвѣпилъ молчаніемъ, увѣренный, что она не можетъ желать спрѣгаго наблюденія сего запрета, происпекшаго изъ добросовѣстности; я рѣшился говорить.

Передъ отпѣздомъ я еще насмопрѣлся на портретъ, желая запечатлѣть въ моей памяти образъ многоспрадальной красавицы. Мы проспелись, какъ мапѣ и сынѣ. Товарищи во мнѣ находили большую перемѣну. «Не влюбленъ ли ты? не проигрался ли въ пухъ? гдѣ пвоя рѣзвостъ и шалостъ?» Подобные вопросы сыпались на меня со всѣхъ спѣронѣ. Исполнивъ порученіе по службѣ и въ корпусной кварпирѣ получивъ оппускъ, я ѣхалъ домой въ глубокомысленной задумчивости.

Въ другое время я конечно бы воображалъ, какъ спану въ офицерскомъ мундирѣ щеголять передъ пѣми, кои видѣли меня ребенкомъ и недорослемъ; волочиться за красавицами моей родины и задавать понъ въ публичныхъ и парпиккулярныхъ собраніяхъ. Но тогда я иными глазами смопрѣлъ на шалоспи и на увеселенія моего возраста; повѣспъ Г-жи Ильменъевой посвяпила меня въ мужи; жизнь человѣческая предспавлялась мнѣ въ своей глубокой значипельности, въ какомъ-то суровомъ величии. Чѣмъ ближе подѣзжалъ я къ родному краю, пѣмъ неперпѣливѣе мысль моя опереживала быспрую ѣзду: я все воображалъ свиданіе съ опцемъ и дѣйспвіе, которое на него произведетъ моя занимательная встрѣча съ женою его сердца.

Я пріѣхалъ совѣмъ неожиданно; взаимная радость свиданія въ нѣсколько дней не упихла: мы впервые видѣлись послѣ первой разлуки. Мой добрый опецъ радовался моему цвѣпущему виду и спелности моего

нрава; а я съ умиленнымъ сердцемъ всмапри-
 вался въ величественное спокойствіе сего
 бодрого спарца, разрушеннаго въ своемъ
 цвѣтѣ. Ему тогда было не съ большимъ
 пятьдесятъ, и пакъ разразившаяся надъ нимъ
 буря преждевременно убѣлила его голову;
 однако — будпо въ возмездіе за его велико-
 душную пвердоспъ — ни единый волосочекъ,
 казалось, не упалъ съ эпой головы, хранимой
 Провидѣніемъ: самыя густыя среброцвѣпныя
 кудри покрывали его шея и образовывали
 прекрасныя виски. Онъ и лицомъ былъ еще
 довольно свѣжъ, и я не замѣчалъ за нимъ даже
 обыкновенной меланхоліи. Часпо я умилялся
 мыслию, чпо однимъ словомъ, однимъ именемъ
 могу смупипъ душевную ясноспъ сего мудре-
 ца, копорый, давно уже не пребуя ничего у
 земной жизни, вѣрояпно думалъ, чпо ничпо
 земное его и не вспревожитъ.

Онъ меня спросилъ, какое на меня впечат-
 лѣніе сдѣлала жизнь, и чпо я въ ней видѣлъ
 прекраснѣйшаго? Я опвѣчалъ: «Сначала пре-

давался я безсмысленному веселью и въ наслажденіи видѣлъ цѣль жизни; но роковая встрѣча меня образумила, и я позналъ, что въ великодушномъ опреченіи опть драгоценнѣйшаго въ мірѣ — если таковой жертвы пребуесть внутреннее убѣжденіе — заключается глубочайшій смыслъ жизни, палисманъ, дающій сердцу вѣчную юность, что, по моему мнѣнію, есть первое благо.»

Опець смотрѣлъ на меня въ недоумѣніи.

Я продолжалъ: «Я нашелъ женское существо, копорому — вѣроятно — нѣтъ подобнаго! . . .»

— «Ты любишь сираспно?»

— «Люблю ее не сираспью, но любовью, но чувствомъ, копорого не узналъ я въ родительскомъ домѣ и коего превосходнѣйшая въ свѣтѣ красавица возбудишь не власна. Богъ мнѣ далъ лучшаго опца; я думалъ: все сердце мое въ рукѣ пвоей; но я испыпалъ, что оно имѣетъ спруны, коихъ не касается рука и нѣжнѣйшаго родителя. Сердце сына рождается

существомъ двоюродными братьями; изъ этихъ близнецовъ росшесть подъ влияниемъ любви опцовской; а другому нужна любовь маперинская, и если нѣтъ ея, онъ и не развивается. Душа сына, не знавшаго своей родительницы, естъ Психея, у которой другое крылышко не доросло. У меня развился другой близнецъ сердца; у души моей выросло другое крылышко: я нашелъ въ чужбѣ, что долженствовало бы быть въ родительскомъ домѣ»

— «Мапъ!» произнесъ онъ: «милый сынъ, будь опкровененъ: вѣрно у эпой мапери естъ дочь, придающая ей въ глазахъ пвоихъ пакую высокую цѣну.»

— «Естъ у ней дочь-красавица, но я ея не видалъ. Мапъ сама собою сдѣлалась мой маперью!»

— «Кпо жъ эпа чудная женщина?» —

Я смопрѣлъ на опца; онъ — казалось — ничего не подозрѣвалъ; я смопрѣлъ на него, долго, внимательо, напрягая всѣ силы душевныя, чпобъ и въ малѣйшихъ оппѣнкахъ

уловить единственное зрѣлице: выраженіе молодой спраспи на лицѣ спарика — и воскликнулъ: «Твоя Серафима!»

Молодое, исполненное любовью сердце, вна-
запнымъ, всепопрелсающимъ дѣйствиємъ судьбы,
схороненное въ удѣльную бездну, можетъ,
долго поспѣвшаго, выйпипи наружу, какъ
Помпея, со всею прекрасною жизнью минув-
шихъ дней, злополучіемъ уцѣлѣвшею при
общемъ разрушеніи современнаго.

Баронъ Розенъ.

ИМПРОВИЗАТОРЪ (*).

(Носв. В. И. Ланской).

Es möchte kein Hund so länger leben!
Drum hab' ich mich der Magie ergeben...

Götthe.

Но залѣ раздавались грѣмкія рукоплесканія. Успѣхъ Импровизатора превзошелъ ожиданія слушателей и собственныя его ожиданія. Едва назначали ему предметъ, — и высокія мысли, прогнательныя чувства, въ одеждѣ полновзвучныхъ мещровъ, вырывались изъ успѣя его,

(*) Изъ книги, подъ названіемъ: *Домъ Суна-сведшихъ*, которая въ непродолжительномъ времени будетъ выдана.

какъ фантасмагорическія видѣнія изъ волшебнаго жерпвенника. Художникъ не задумывался ни на минуточку: въ одно мгновение мысль и зарождалась въ головѣ его и проходила всѣ періоды своего возрастанія и претворялась въ выраженія. Разомъ являлись и замысловатая форма шѣсы, и поэтическіе образы, и щегольской эпипепъ, и послушная рифма. Эпого мало: въ одно и то же время ему задавали два и при предмета, совершенно различные: онъ диктовалъ одно стихотвореніе, писалъ другое, импровизировалъ претпье, и каждое было прекрасно въ своемъ родѣ: одно производило воспоргъ, другое прогало до слезъ, претпье морило со смѣху; а между тѣмъ онъ, казалось, совсѣмъ не занимался своею работою, безпрестанно шупилъ и разговаривалъ съ присутствующими. Всѣ стихи поэтическаго созданія были у него подъ руками, какъ будто шашки на шахматной доскѣ, копорыя онъ небрежно передвигалъ, смотря по надобности.

Наконецъ упомилось и вниманіе и изумленіе слушателей; они спрадали за Импровизатора; но художникъ былъ спокоенъ и холоденъ, — въ немъ не замѣтно было ни малѣйшей успалоспи, — но на лицѣ его не видно было и высокаго наслажденія поэта, довольнаго своимъ пвореніемъ, а лишь простое самодовольство фокусника, проворствомъ удивляющаго полпу. Съ насмѣшкою смопрѣлъ онъ на слезы, на смѣхъ, имъ производимые; одинъ изъ всѣхъ присупспвующихъ не плакалъ, не смѣлся; одинъ не вѣрилъ словамъ своимъ и съ вдохновеніемъ обращался, какъ холодный жрецъ, давно уже привыкшій къ пайнспвамъ храма.

Еще послѣдній слушатель не вышелъ изъ залы, какъ Импровизаторъ бросился къ собиравшему деньги при входѣ, и съ жадноспію Гарпагона принялся счипать ихъ. Сборъ былъ весьма значипеленъ. Импровизаторъ еще опъ роду не видалъ сполько монепы и былъ внѣ себя опъ радоспи.

Воспоргъ его былъ проспишенъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ жестокая бѣдность, спала сжимапъ его въ своихъ ледяныхъ объятіяхъ, какъ спашуя Спартапскаго ширана. Не пѣсни, а болзаненный опонъ манери, убаюкивали младенческой сонъ его. Въ минупу разсвѣща его поняпій, не въ радужной одеждѣ жизнь явилась ему, но хладный основъ нужды неподвижно улыбкой привѣпспивовалъ его развивающуюся фанпазію. Природа была къ нему немного щедрѣ судьбы. Она, правда, надѣлила его пворческимъ даромъ, но осудила его въ попѣ лица опыскивать выраженія для его поэпическихъ замысловъ. Книгопродавцы и журналисты давали ему нѣкопоруую плапу за его спихопворенія, копорая могла бы доспавипъ ему доспашпочное содержаніе, если бы для каждаго изъ нихъ Киприано не былъ принужденъ упопребляпъ безконечнаго времени. Рѣдко пусклая мысль, какъ едва примѣпная звѣздочка, зарождалась въ его фанпазіи; но когда и зарождалась, по ясна медленно и

долго перялась въ туманѣ ружейной пыли и прудовъ неизмѣрныкъ; достигала она до какого-то неяснаго образа; здѣсь начиналась новая работа: выраженіе ослѣпало опть поэта за мириады міровъ; онъ не находилъ словъ, а если и находилъ, то они не клеились; мепрь не гнулся; привязчивое мѣспоименіе хваталось за каждое слово; долговязый глаголъ пушался между именами; проклятая рифма пряпалась между несозвучными словами. Каждый стихъ спойлъ бѣдному поэту нѣсколькихъ изгрызенныхъ перьевъ, нѣсколькихъ вырванныхъ волосъ и обломанныхъ ногтей. Тщепны были его усилія! Часпо хопгълъ онъ бросипь ремесло поэта и промѣняпь его на самое низкое изъ ремеслъ; но насмѣшливая природа, вмѣспгь съ пворческимъ даромъ, дала ему и всѣ причуды поэта: и эпю врожденную спраспь къ независимости, и эпю непреоборимое оптвращеніе опть всякаго механическаго занятія, и эпю привычку дожидашься минуты вдохновенія, и эпю беззаболную неспособность расчипывать

время. Прибавьте къ этому всю раздражительность поэта, его природную склонность къ роскоши, къ этому Англійскому приволью, къ этому маленькому пирансву, копорьми, наперекоръ обществу, природа любить оплачивать своего собственнаго Архиепископа! Онъ не могъ ни переводить, ни работать на срокъ, или по заказу; и между тѣмъ какъ его собранія собирали съ публики хорошія деньги за какое нибудь сочиненіе, случайно возбуждавшее ея любопытство, — онъ еще не могъ рѣшившись приняться за работу. Книгопродавцы переспали ему заказывать; ни одинъ изъ журналистовъ не хотѣлъ брать его въ соприудники. Деньги, изрѣдка получаемыя имъ за какое нибудь стихотвореніе, спонсировавшее ему полугодовой работы, обыкновенно расхлебывали заимодавцы, и онъ снова нуждался въ самомъ необходимомъ.

Въ помѣ городѣ жилъ одинъ докторъ, по имени Сегелиель. Тѣмъ приданъ назадъ, его многіе знали за довольно свѣдущаго человека;

но погда онъ былъ бѣденъ; имѣлъ столь малую практику, что рѣшился оставить медицинское ремесло, и пустился въ торги. Долго онъ путешествовалъ, какъ говорятъ, по Инди, и наконецъ возвратился на родину со слипками золота и множествомъ драгоценныхъ каменевъ; построилъ огромный домъ съ обширнымъ паркомъ, завелъ многочисленную прислугу. Съ удивленіемъ замѣчали, что ни лѣта, ни продолжительное путешествіе по знойнымъ климатамъ не произвели въ немъ никакой перемѣны; напротивъ, онъ казался моложе, здоровѣе и свѣжѣе прежняго; также не менѣе удивительнымъ казалось и то, что распенія всѣхъ климатовъ уживались въ его паркѣ, не смотря на то, что за ними почти не было никакого присмотра. Впрочемъ въ Сегелиѣ не было ничего необыкновеннаго: онъ былъ прекрасный, спавный человекъ, хорошаго тона, съ черными модными бакенбардами; носилъ просторное, но щегольское платье; принималъ къ себѣ лучшее

общество, но самъ почти никогда не выходилъ изъ своего огромнаго парка; онъ давалъ молодымъ людямъ денегъ въ займы, не требуя отдачи; имѣлъ славнаго повара, чудесныя вина, любилъ сидѣть долго за обѣдомъ, ложиться рано и вставать поздно. Словомъ, онъ жилъ въ самой аристократической роскошной праздности. Между тѣмъ онъ не осмѣлялъ и своего врачебнаго искусства, хотя принимался за него неохоту, какъ челоѣкъ, который не любилъ безпокойить себя; но когда принимался, то дѣлалъ чудеса: какая бы ни была болѣзнь, смертельная ли рана, послѣднее ли судорожное движеніе, — докторъ Сегелиель даже не пойдешь и взглянуть на больнаго; спросить объ немъ слова два у родныхъ, какъ бы для проформы; вынешь изъ ящика какой-то водицы; велитъ принять больному — и на другой день болѣзни какъ не бывало. Онъ не бралъ денегъ за леченіе, и его безкорыстное, соединенное съ чудеснымъ его искусствомъ, могло бы привлечь къ нему больныхъ всего

міра, если бы за излеченіе онъ не назначалъ преспіранныхъ условій, какъ на примѣръ; изъявиль ему знаки почтенія, доходящіе до самаго недавняго уничиженія; сдѣлашь какой нибудь опшврапительный поступокъ; бросиль значительную сумму денегъ въ море; разломашь свой домъ, оставиль свою родину и проч.; носился даже слухъ, что онъ иногда пребывалъ пакой плапы, пакой о копорой не сохранило извѣстія цѣломудренное преданіе. Эти слухи расколожали усердіе родственниковъ, и съ изкопорога времени уже никто не прибѣгалъ къ нему съ просьбою; къ тому же замѣчали, что, когда просившіе не соглашались на предложенія докшора, по больной умиралъ уже непременно; па же участь поспигала всякаго, кто или заводиль плямбу съ докшоромъ, или сказалъ про него что нибудь дурное, или, проспо, не понравился ему. Опъ всего этого у докшора Сегелиеля набралось множество враговъ: иные спали доискивапсья объ испочникѣ его неимовѣр-

наго богачства; медики и аптекари говорили, что онъ не имѣеть права лечить непозволенными способами; большая часть обвиняли его въ величайшей безнравственности, а нѣкоторые даже принимали ему оправданіе умершихъ людей. Общій толсъ принудилъ наконецъ полицію потребовать докпора Сегеліа къ допросу. Въ домъ его сдѣланъ былъ спрощайшій обыскъ. Слуги забраны. Докторъ Сегеліа согласился на все, безъ всякаго сопротивленія, и позволилъ полицейскимъ дѣлать все, что имъ было угодно; ни во что не мѣшался, едва удостоивалъ ихъ взгляда и только что изрѣдка съ презрѣніемъ улыбался.

Въ самомъ дѣлѣ, въ его домъ не нашли ничего, кромѣ золотой посуды, богатыхъ курильницъ, покойныхъ мебели, кресель съ подушками и рессорами, раздвижныхъ столовъ съ разными запѣями, нѣсколькихъ окруженныхъ аромапами кроватей, утвержденныхъ на декахъ музыкальныхъ инструментовъ, — въ родѣ кроватей докпора Грема, за позволеніе

провести ночь на кошорыхъ онъ нѣкогда бралъ сопины сперминговъ съ Англійскихъ сласполюбцевъ; — словомъ, въ домѣ Сегеліея нашли лишь выдумки богатаго челоуѣка, любящаго чувственныя наслажденія, лишь все то, изъ чего составляется приволье (comfortable) роскошной жизни; но больше ничего, ничего, могущаго возбудить малѣйшее подозрѣніе. Всѣ бумаги его состояли изъ коммерческихъ переписокъ съ банкирами и знаменѣйшими купцами всѣхъ частей свѣта, нѣсколькихъ Арабскихъ рукописей и кисти бумага, съ верху до низу исписанныхъ цифрами. Сначала сіи послѣднія очень обрадовали полицейскихъ чиновниковъ; они думали найти въ нихъ цифрованное письмо; но по внимательномъ осмотрѣ, оказалось, что то были простые черновые счефы, накопившіеся, по словамъ Сегеліея, отъ долговременныхъ торговыхъ оборотовъ, что было весьма вѣроятно. Вообще на всѣ пункты обвиненія, докторъ Сегеліель отвѣчалъ весьма ясно, удовлетворительно и безъ всякаго замѣша-

пельспва; во всѣхъ словахъ его и во всѣхъ поступкахъ видна была больше досада на то, что его беспокоятъ изъ пуспиковъ, нежели боязнь запушпаться въ своихъ ошвѣпахъ. Для объясненія своего богашспва, онъ сослался на свои бумаги; по коимъ можно было видѣть всю исторю его порговли, — которая, правда, ведена была имъ съ какимъ-то волшебнымъ успѣхомъ; но впрочемъ не заключала въ себѣ ни одного прешупнаго дѣйсшвiя; медикамъ и аптекарямъ ошвѣчалъ; что докторскiй дипломъ даетъ ему право лечишь, кого онъ и какъ онъ хочешъ; что онъ никому не навизывается съ своимъ леченiемъ; что онъ не обязанъ объявлять сосшавленiе своего лекаршва и что; впрочемъ, они могутъ разлагать его, какъ имъ угодно; что, не предлагая никому своихъ услугъ, онъ былъ въ правѣ назначать какую ему угодно плату; и что, если онъ частю назначалъ спраннiя условiя, копорыя всякой былъ воленъ принять или не принять, то это для того только, чтобы

избавишься отъ докучливой толпы, которая нарушала его удовольствія — единственную цѣль его желаній. Наконецъ, три пункта объ оправданіи, докторъ возразилъ, что, какъ извѣстно всему городу, онъ большею частью лечилъ людей, ему совершенно неизвѣстныхъ; что онъ никогда не спрашивалъ ни объ имени больного, ни объ имени пого, кпо приходилъ просить объ немъ, ни даже о мѣстѣ его жительства; что больные, когда онъ отказывался лечить, умирали отъ пого, что прибѣгали къ нему погда уже, когда они находились при последнемъ издыханіи; наконецъ, что враги его вѣроятно умирали по естественному ходу вещей; причемъ онъ доказалъ очевидными свидѣтельствами и доводами, что ни онъ и никто изъ его дома не имѣлъ ни малѣйшаго сношенія съ покойниками. Люди Сегелиеля, допрошенные поодиночкѣ со всѣми судейскими хитроспями, подтвердили всѣ его показанія отъ слова до слова. Между тѣмъ слѣдствіе продолжалось; но все,

что ни открывали, все говорило въ пользу доктора Сегелиеля. Ученый совѣтъ, подвергнувъ химическому разложенію Сегелиелево лекарство, по долгомъ разсужденіи, объявилъ, что это славное лекарство было не иное что, какъ простая рѣчная вода и что дѣйствіе, будпо бы ею производимое, должно отнести къ сказкамъ, или приписать воображенію больныхъ. Свѣдѣнія, собранныя о болѣзняхъ людей, въ смерти которыхъ обвиняли Сегелиеля, показали, что ни одинъ изъ нихъ не умеръ скоропоспѣжно; что большая часть изъ нихъ умерли отъ застарѣлыхъ или наследственныхъ болѣзней; наконецъ, при вскрытіи труповъ людей, объ оправленіи коихъ существовали сильнѣйшія подозрѣнія, не оказалось и признаковъ оправленія, а извѣстные и обыкновенные признаки обыкновенныхъ болѣзней.

Сей процессъ, привлечшій многочисленное спеченіе народа въ поппъ городъ, долго длился, ибо обвинителями была почти половина его

жипелей; но наконецъ, какъ судьи ни были предупреждены пропивъ докпора Сегелиеля, но принуждены были единогласно объявить, что обвиненія, на него внесенныя, не имѣли никакого основанія; освободить докпора Сегелиеля отъ суда и отъ всякаго подозрѣнія, а доносчиковъ подвергнуть взысканію по законамъ. По произнесеніи приговора, Сегелиель, наблюдавшій во все время совершенное равнодушіе, казалось, ожилъ; онъ немедленно внесъ въ судъ несомнѣнныя доказательства объ убыткахъ, понесенныхъ имъ отъ сего процесса, по его обширной торговлѣ, и просилъ, чтобы оные взысканы были съ его обвинителей, съ которыхъ сверхъ того претребовалъ удовлетворенія за безчестіе, ему нанесенное. Никогда еще не видали въ немъ такой неутомимой дѣятельности: казалось, онъ переродился; исчезла его гордость; онъ самъ ходилъ отъ судьи къ судѣ, плапилъ несчетныя деньги лучшимъ спрянчимъ и разсылалъ гонцевъ во всѣ края свѣта; словомъ, упопребилъ

всѣ способы, копорые находилъ и въ законахъ, и въ своемъ богатствѣ, и въ своихъ связяхъ, для конечнаго разоренія своихъ обвинителей, всѣхъ членовъ ихъ семействъ до послѣдняго, родственниковъ и друзей ихъ. Наконецъ онъ достигнулъ своей цѣли: многіе изъ нихъ лишились своихъ мѣстъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ единственнаго пропитанія; цѣлыя имѣнія нѣсколькихъ семействъ описаны были въ его владѣніе; ни просьбы, ни слезы разоренныхъ не прогали его души: онъ съ жестокосердіемъ изгонялъ ихъ изъ жилищъ; испреблялъ до пла ихъ дома, заведенія; вырывалъ съ корнями деревья и бросалъ жапву въ море. Казалось, и природа, и судьба, помогали его мщенію; всѣ до одного: ихъ опшцы, мапери, дѣпи умирали мучительною смертію; — по въ семействѣ являлась заразная горячка и пожирала всѣхъ членовъ онаго; по возобновлялись спаринныя, давно уснувшія болѣзни; малѣйшій ушибъ въ младенчествѣ, бездѣльное уколопіе руки, незначащая прослуда — обра-

щались въ болѣзнь смертельную, и скоро самыя имена цѣлхъ семействъ были сперпы съ лица земли. То же было и съ пѣми, копорые избѣгли опть наказанія законовъ. Эпого мало: поднималась ли буря, воспавалъ ли вихорь,—пучи проходили мимо замка Сегеліелева и разражались надъ домами и жипницами его неприяпелей, и многіе видали, какъ въ эпо время Сегеліель выходилъ на перрасу своего парка и весело чокался спаканомъ съ своими друзьями.

Эпо происшествіе навело сначала всеобщій ужась, и хопя Сегеліель, послѣ своего процесса, переселился въ городъ Б....., гдѣ снова началъ веспы споль же роскошную жизнь, какъ и прежде, но многіе изъ жипелей его роины, знавшіе подробно всѣ обспояпельспва процесса и раздраженные поступками Сегеліеля, не оспавили своего плана для его погубленія. Они обрапнулись къ спарикамъ, помнившимъ еще прежніе процессы о чародѣйствѣ и, пополковавши съ ними, соспавили

новый доносъ, въ коемъ изъясняли, что, хотя по существующимъ законамъ и нельзя обвинить доктора Сегелиеля, но что нельзя и не видѣть во всѣхъ его дѣйствіяхъ какой-то сверхъестественной силы, и въ слѣдствіе того просили: придерживаясь къ прежнимъ законамъ о чародѣйствѣ, снова розыскавъ все дѣло. Къ счастью Сегелиеля, судьи, къ которымъ попала сѣ просьба, были люди просвѣщенные: одинъ изъ нихъ былъ извѣстенъ переводомъ Локка на опечетвенный языкъ; другой весьма важнымъ сочиненіемъ объ Юриспруденціи, къ которой онъ примѣнилъ Канпову систему; претій оказалъ значительныя услуги апомиспической Химіи. Они не могли удержаться отъ смѣха, читая эту странную просьбу; возвратили ее просителямъ, какъ недостойную уваженія, и одинъ изъ нихъ, по добродушію, прибавилъ къ тому изъясненіе всѣхъ случаевъ, казавшихся просителямъ столь чудесными; и — благодаря Европейскому просвѣщенію — докторъ

Сегеліель продолжалъ вести свою роскошную жизнь, собиравъ у себя все лучшее общество, лечивъ на предлагаемыхъ имъ условіяхъ, а враги его продолжали занемогать и умирать по прежнему.

Къ этому спрашному человѣку рѣшился итти нашъ будущій Импровизаторъ. Какъ скоро его впустили, онъ бросился въ ноги и сказалъ ему: «Господинъ докторъ! господинъ Сегеліель! вы видите предъ собою несчастнѣйшаго человѣка въ свѣтѣ: природа дала мнѣ способность къ стихопворству, но опияла у меня всѣ средства слѣдовать моему природному влеченію. Нѣтъ у меня способности мыслить, нѣтъ способности выражаться: хочу говорить — слова забываю; хочу писать — и того хуже; не могъ же Богъ осудить меня на такое вѣчное спраданіе! Я увѣренъ, что мое несчастіе происходитъ отъ какой нибудь болѣзни, отъ какой-то нравственной напуги, которую вы можете вылечить.» —

— «Вишь, Адамовы сынки,» сказалъ докпорѣ (эпо быма его любимая поговорка въ веселый часъ) «Адамовы дѣпки! Все помнятъ баппошкину привилегію; имъ бы все безъ пруда доставалось. И получше васъ работаюпть на семь свѣптъ. Но впрочемъ, шакъ ужъ и быпть,» прибавилъ онъ, помолчавъ: «я шебѣ помогу; да пы вѣдъ знаешь, у меня еспь свои условія...» —

«Какія хопиппе, господинъ докпорѣ! «чпо бы вы ни предложили, на все буду согласенъ; все лучше, нежели умирапть ежеминутно.»

— «И шебя не испугало все, чпо въ вашемъ городѣ про меня рассказываюпть?» —

«Нѣптъ, господинъ докпорѣ! хуже того положенія, въ копоромъ я пеперь нахожусь, вы не выдумаете. (Докпорѣ засмѣлся). Я буду съ вами опкровенень: не одна поэзія, не одно желаніе славы привели меня къ вамъ; но и другое чувспво, болѣе нѣжное! Будь я половчѣе на письмѣ, я бы могъ обезпечипть мое соспоянне, и тогда бы моя Шарлоппа

была ко мнѣ благосклоннѣе Вы понимаете меня, господинъ докторъ!»

— «Вопгъ эпо я люблю, вскричалъ Сегель: «я, какъ наша мапушка, Инквизиція, до смѣрти люблю опкровенность и полную ко мнѣ довѣренность; бѣда бываетъ только тому, кто захочетъ съ нами хиприпъ; но ты, я вижу, человекъ прямой и опкровенный, и надобно наградить тебя по достоинству. И пакъ мы соглашаемся исполнить твою просьбу и дать тебѣ способность: *производить безъ труда*; но первымъ условіемъ нашимъ будетъ то, что эпо способность никогда тебя не оставитъ: согласенъ ли ты на эпо?» —

«Вы шутите надо мною, господинъ Сегель!»

— «Нѣтъ! я самъ человекъ опкровенный и не люблю скрывать ничего отъ людей, мнѣ предающихся. Слушай и пойми меня хорошенько: способность, которую я даю тебѣ, едѣлается часшю тебя самого; она не оспа-

вишь себя ни на минушку въ жизни, съ побою
будешь роспи, созрѣванъ и умреть вмѣстѣ
съ побою: согласенъ ли пы на эпо?» —

«Какое же въ помѣ сомнѣніе, г. докпорь.»

— «Хорошо. Другое мое условіе соспоить
въ слѣдующемъ: пы будешь *все видѣть,*
все знать, все понимать: согласенъ ли пы
на эпо?» —

«Вы, право, шупиппе, господинъ докпорь!
я не знаю, какъ благодарить васъ? Вмѣсто
одного добра, вы даете мнѣ два, — какъ же
на эпо не согласишься!»

— «Пойми меня хорошенько: пы будешь
все знать, все видѣть, все понимать.» —

«Вы благодѣтельнѣйшій изъ людей, госпо-
динъ Сегеліель.»

— «Такъ пы согласенъ?» —

«Безъ сомнѣнія; нужна вамъ росписка?»

— «Не нужно! эпо было хорошо въ то
время, когда не существовало между людьми
заемныхъ писемъ; а теперь люди спали хипиры;
обойдемся и безъ росписки.» —

Съ сими словами Сегеліель положить одну руку на голову поэта, а другую на сердце, и самымъ поржеспвеннымъ голосомъ проговорилъ:

«Опть пайныхъ чаръ прими ты даръ: обо всемъ размышляпъ, все на свѣпгѣ чипапъ, говоришь и писапъ, красно и легко, слезно и смѣшно, спихами и въ прозѣ, въ пеплѣ и въ морозѣ, на яву и во снѣ, на сполѣ, на пескѣ, ножемъ и перомъ, рукой, языкомъ, смѣясь и въ слезахъ, на всѣхъ языкахъ....»

Сегеліель сунулъ въ руки поэту какую-то бумагу и поворошилъ его къ дверямъ.

Когда Кипріяно вышелъ опть Сегеліеля, по докпоръ съ хохопомъ закричалъ: «Пепе! Фризую шинель!» — «Агу!» раздалось со всѣхъ полокъ докпорской библіюшеки, какъ во 2-мъ дѣйствіи Фрейшица.

Кипріяно принялъ слова Сегеліеля за приказаніе камердинеру, но его удивило немного, зачѣмъ щеголеватому, роскошному докпору такое странное плапье; онъ заглянулъ въ

щелочку и что же увидѣлъ: всѣ книги на полкахъ были въ движеніи; изъ одной рукописи выскочила цифра 8, изъ другой Арабскій алетъ, попомъ Греческая дельта, еще, еще — и наконецъ вся комната наполнилась живыми цифрами и буквами; онѣ судорожно стибались, выпягивались, раздувались, перенепались своими неловкими ногами, прыгали, падали; неисчислимыя почки кружились между ними, какъ инфузоріи въ солнечномъ микроскопѣ, и старшій Халдейскій Полиграфъ билъ пакпъ съ пакою силою, что рамы звѣнѣли въ окош-кахъ.

Испуганный Кипріяно бросился бѣжать опромешью.

Когда онъ нѣсколько успокоился, то развернулъ Сегеліелеву рукопись: это былъ огромный свитокъ, съ верху до низу исписанный непонятными цифрами. Но едва Кипріяно взглянулъ на нихъ, какъ оживленный сверхъ-естественною силою, понялъ значеніе чудесныхъ письменъ. Въ нихъ были расчислены всѣ

силы природы: и сиспематическая жизнь кристалла, и беззаконная фантазия поэта, и магнитное вращение земной оси, и спраспи инфузория, и нервная система языковъ и прихотливое изменение рѣчи; все высокое и пропагандное было подведено подъ арифметическую прогрессию; непредвидѣнное разложено въ Ньютоновъ биномъ, поэтический полетъ опредѣленъ циклоидой; слово, рождающееся вмѣстѣ съ мыслию, обращено въ логарифмы; невольный порывъ души приведенъ въ уравнение. Предъ Кипріяно лежала вся природа, какъ основа прекрасной женщины, которую прозекторъ выварилъ пакъ искусно, что на ней не оспалось ни одной живой жилки.

Въ одно мгновение высокое паянство зарождения мысли показалось Кипріяно дѣломъ весьма легкимъ и обыкновеннымъ; чорповъ мостъ съ Кипайскими погремушками пропаянулся для него надъ бездною, опредѣляющею мысль о гнѣ выражения, и Кипріяно — заговорилъ спихами.

Въ началѣ сего разсказа мы уже видѣли чудный успѣхъ Кипріяно въ его новомъ ремеслѣ. Въ поржеспвѣ, съ полнымъ кошелькомъ, но нѣсколько успалый, онъ возврапился въ свою комнату; хочепть освѣжитъ запекшіяся уста, смотрипть: въ спаканѣ не вода, а что по спранное: памъ два газа боряпся между собою, и миріяды инфузорій плаваюпть между ними; онъ наливаєпть другой спаканъ, все поже; бѣжитъ къ испочнику — издали серебромъ люопся спуденья волны; приближаепся — опяпть поже, что и въ спаканѣ; кровь поднялась въ голову бѣднаго Импровизатора, и онъ въ опчаяніи бросился на праву, думая во снѣ забыпть свою жажду и горе; но едва онъ прилепть, какъ вдругъ подѣ ушами его раздаепся шумъ, спукъ, визгъ: какъ будпо пысячи молоповъ бьюпть объ наковальни, какъ будпо шероховатые поршни пропираюпся сквозь груду каменьевъ, какъ будпо желѣзныя грабли цѣпляюпся и скользяпть по гладкой поверхности. Онъ вспаепть, смотрипть: луна освѣцаепть его садикъ, по-

лосапая пѣнь опть садовой рѣшенки пихо шевелился на лиспахъ кустарника, вблизи муравьи спрояпть свой муравейникъ, все пихо, спокойно; — прилесть снова — снова начинаешся шумъ. Кипріяно не могъ заснуть болѣе, онъ провелъ цѣлую ночь, не смыкая глазъ; упромъ онъ побѣжалъ къ своей Шарлоппѣ искапть покоя, повѣрипть ей свою радость и горе. Шарлоппа уже знала о поржеспивѣ своего Кипріяно, ожидала его, принарядилась, приправила свои свѣппорусые волосы, вплела въ нихъ розовую ленточку и съ невиннымъ кокеспивомъ посмаптривалась въ зеркало. Кипріяно вбѣгаешть, бросаешся къ ней, она улыбаешся, пропягиваешть ему руку, — вдругъ Кипріяно оспанавливаешся, уснавляешть глаза на нее! . . .

И въ самомъ дѣлѣ было любопытшно! сквозь клепчапую перепонку, какъ сквозь кисею, Кипріяно видѣлъ, какъ прехгранная арперія, называемая сердцемъ, запрепепала въ его Шарлоппѣ; какъ красная кровь покапилась

изъ нея и, достигая до волосныхъ сосудовъ, производила эпу нѣжную бѣлизну, копорю онъ, бывало, пакъ любовался; — несчастный! въ прекрасныхъ, исполненныхъ любви глазахъ ея онъ видѣлъ лишь какую-то камеръ-обскуру, сѣпчашую плеву, каплю опврапипельной жидкости; въ ея миловидной поспуши — лишь механизмъ рычаговъ; — несчастный! онъ видѣлъ и желчный мѣшочекъ и движеніе пищепріемныхъ снарядовъ; — несчастный! для него Шарлоппа, эпотъ земной идеаль, предъ копорымъ молилось его вдохновение — сдѣлалась анапомическимъ препаратомъ!

Въ ужасъ оставилъ ее Кипріяно. Въ ближнемъ домѣ находилось изображеніе Мадонны, къ копорой, бывало, прибѣгалъ Кипріяно въ минуты опчаянія, копорой гармоническій обликъ успокоивалъ его спраждующую душу; — онъ прибѣгалъ, бросился на колѣна, умолялъ; но увы! для него уже не было карпины: краски

шевелились на ней, и онъ въ пвореніи художника видѣлъ — лишь химическое броженіе.

Несчастный спрадалъ до неимовѣрности, — все: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ, осязаніе, всѣ чувспва, всѣ нервы его получили микроскопическую способность, и въ извѣспномъ фокусѣ малѣйшая пылинка, малѣйшее насѣкомое, не сущеспвующее для насъ, пѣснило его, гнало изъ міра; щебепаніе бабочкина крыла раздирало его ухо, самая гладкая поверхность щекопала его; все въ природѣ разлагалось предъ нимъ, но ничпо не соединялось въ душѣ его: онъ *все видѣлъ, все понималъ*, но между имъ и людьми, между имъ и природою была вѣчная бездна; ничпо ему въ мірѣ не сочувспвовало.

Хопѣлъ ли онъ въ високомъ поэпическомъ произведеніи забыть самого себя, или въ испорическихъ изысканіяхъ набреспн на глубокую думу, или опдохнуть умомъ въ спройномъ философскомъ зданіи — пщептно! языкъ его лепепалъ слова, но мысли его предспваляли ему совсѣмъ другое:

Сквозь понкую пелену поэпическихъ выраженій онъ видѣлъ всѣ механическія подспавки созданія: онъ чувспвовалъ, какъ бѣсился поэтъ, сколько разъ переламывалъ онъ спихи, копорые казались невольнo вѣлившимися изъ сердца; въ самомъ папепическомъ мгновеніи, когда, казалось, всѣ внупреннія силы поэта напргались, и перо его не успѣвало за словами, а слова за мыслями, — Кипріяно видѣлъ, какъ поэтъ пропягивалъ руку за Академическимъ Словаремъ и опыскивалъ эффекпное слово; какъ посреди восхищптельного изображенія пищины и мира душевнаго, поэтъ дралъ за уши капризнаго ребенка, надоѣдавшаго ему своимъ крикомъ, и зажималъ собспвенныя свои опы дѣйствія женина прещопчнаго могущеспва.

Чптая Испорію, Кипріяно видѣлъ, какъ упѣщптельные высокіе помыслы объ общей судьбѣ человѣчеспва, о его поспоянномъ совершенспвованіи, какъ глубокомысленныя догадки о важныхъ подвигахъ и характерѣ пгого или другаго народа, копорые, какъ ка-

залось, сами выливались изъ историческихъ изысканій, но въ самомъ дѣлѣ держались только искусственнымъ сцѣпленіемъ сихъ послѣднихъ; какъ эпо сцѣпленіе держалось за сцѣпленіе авторовъ, писавшихъ о томъ же предметѣ; эпо сцѣпленіе за искусственное сцѣпленіе лѣтописей, а эпо послѣднее за ошибку переписчика, на которую, какъ на иголку, фокусники поспавили цѣлое зданіе.

Вмѣсто того, чптобы удивляться спройноспи философской системы, Кипріяно видѣлъ, какъ въ философѣ зародилось прежде всего желаніе сказаць чпо нибудь новое; попомъ попалось ему счастливое, задорное выраженіе; какъ къ эпому выраженію онъ придѣлалъ мысль, къ эпой мысли цѣлую главу, къ эпой главѣ книгу, а къ книгѣ цѣлую систему; тамъ же гдѣ философъ, оспавляя свою спрогую форму, какъ бы увлеченный сильнымъ чувспвомъ, пускался въ блестящее опспушеніе, — тамъ Кипріяно видѣлъ, чпто эпо опспушеніе только служило прикрывшкою для средняго шермина

силлогизма, котораго каламбуризмъ чувствовалъ самъ философъ.

Музыка перестала существовать для Кирриано; въ воспорженныхъ созвучіяхъ Генделя и Моцарта, онъ видѣлъ только воздушное пространство, наполненное безчисленными шариками, которые одинъ звукъ опправлялъ въ одну сторону, другой въ другую, прерпій въ прерпью; въ раздрающемъ сердце вопѣ гобоя, въ рѣзкомъ звукѣ трубы онъ видѣлъ лишь механическое сопрясеніе; въ пѣніи Спративаріусовъ и Амаповъ — однѣ живописныя жилы, по которымъ скользили конскіе волосы.

Въ представленіи оперы онъ чувствовалъ лишь мученіе сочинителя музыки, капельмейстера; слышалъ, какъ наспроивали инспрументы, разучивали роли, словомъ, ощущалъ всѣ прелести репетицій; въ самыхъ папепическихкихъ минушахъ видѣлъ бѣшенство режисера за кулисами и его споры съ спатписами и машиниспомъ, крючья, лѣспницы, веревки и проч. и проч.

Часто вечеромъ, измученный Кипріяно вы-
бѣгалъ изъ своего дома на улицу; мимо его
мелькали блестящіе экипажи; люди съ веселы-
ми лицами возвращались опть дневныхъ заботъ
подъ мирный домашній кровъ; въ освѣщенныя
окошки Кипріяно смотрѣлъ на карпины пи-
хаго семейственнаго счастья, на отца и мать,
окруженныхъ прыгающими малюпками, — но
онъ не имѣлъ наслажденія завидовать сему
счастью: онъ видѣлъ, какъ чрезъ репорту
общественныхъ условій и приличій, правъ и
обязанностей, разсудка и правилъ нравствен-
ности — вырабатывался семейственный ядъ и
прижигалъ всѣ нервы души каждаго изъ чле-
новъ семейства; онъ видѣлъ, какъ нѣжному,
почтительному отцу надоѣдали его дѣти;
какъ неперпѣливо почтительный сынъ ожи-
далъ родительской кончины; какъ спрасные
супруги, держась рука за руку, помышляли:
какъ бы отдѣлаться другъ опть друга.

Кипріяно обезумѣлъ; оставилъ свое отече-
ство, думая спастись опть самого себя; пробѣ-

жалъ разныя спраны, но вездѣ и всегда по прежнему продолжалъ *все видѣть и все понимать*.

Между пѣмъ и коварный даръ спихопворства не дремалъ въ Кипріянѣ. Едва на минупу замолкнепть его микроскопическая способность, какъ спихи водою польюпся изъ успть его; едва удержипть свое холодное вдохновеніе, какъ снова вся природа оживепть передъ нимъ мерпвою жизнию, и безъ одежды, неприличная, какъ нагая, но обупая женщина, явипся въ глаза его. Съ какимъ горемъ онъ вспоминалъ о помъ сладкомъ спраданиі, когда, бывало, на него найдепть рѣдкое вдохновеніе! когда неясныя образы носяпся передъ нимъ, волнуяпся, сливаюпся другъ съ другомъ!... вопть образы яснѣюпть, яснѣюпть, — — изъ другаго міра долго, долго, какъ длинный поцѣлуй любви, ппянепся къ нему рой піипическихъ созданій, — приблизились, опть нихъ пашепть неземной шеплошою и природа сливаепся съ ними въ гармоническихъ звукахъ — — какъ легко, какъ свѣжо на душѣ! Тщепное, ппяжкое

воспоминаніе! Напрасно хопгълъ Кипріяно пересилилъ борьбу между враждебными дарами Сегеліея: едва незамѣтное впечатлѣніе касалось раздраженныхъ его органовъ, и снова мипроскопизмъ одолѣвалъ его, и несозрѣлая мысль прорывалась въ выраженіе

Долго скипался Кипріяно изъ спрану въ спрану; иногда нужда снова принуждала его прибѣгать къ пагубному Сегеліеву дару: онъ доспавлялъ ему избыпокъ, а съ нимъ и всѣ вещеспвенныя наслажденія жизни, но въ каждомъ изъ нихъ былъ ядъ, и послѣ каждого новаго успѣха умножалось его спраданіе.

Наконецъ онъ рѣшился не упопрелять болѣе своего дара, заглушить, задавить его, купить его цѣною нужды и бѣдности. Но было уже поздно! опть долговременнаго боренія расщепалось зданіе души его; поломались спонкія связи, копорыми соединены пачиспвенныя спихіи мыслей и чувспвованій; и они распались, — какъ распадающіяся криспаллы, проржавленные ѣдкою кислотою; въ душѣ его не

оспалось ни мыслей, ни чувствованій, а какіе-то фанпомы, облеченные въ одежду словъ, для него самого непонятныхъ. Нищета, голодъ, исперзали его пѣло и долго брель онъ, пипаясь милоспынею и самъ не зная куда....

Я нашелъ Кипріяно въ деревнѣ одного спешнаго помѣщика; памъ исправлялъ онъ должность — шупа. Въ фризовой шинели, подпоясанный краснымъ плапкомъ, онъ безпреспанно говорилъ спихи на какомъ-то языкѣ, смѣшанномъ изъ всѣхъ языковъ.... Онъ самъ разсказалъ мнѣ свою испорію и горько жаловался на свою бѣдность, но еще больше на то, что никто его не понимаетъ; что бьютъ его, когда онъ въ пылу поэпического воспорга, за недоспапкомъ бумаги, изрѣжетъ сполы своими спихами; а еще болѣе на то, что всѣ смѣются надъ его единспвеннымъ, сладкимъ воспоминаніемъ, котораго не могъ испребить враждебный даръ Сегеліеля — надъ его первыми спихами къ Шарлопшѣ.

ХОЗЯЙСКАЯ ДОЧКА.

Кавалерійскій офицеръ находился въ опуску. Не только домашніе, но и всѣ сосѣди были опть него безъ ума и называли его милымъ повѣсою, забавнымъ расказчикомъ. Онъ много накупилъ на своемъ вѣку; въ повѣспяхъ его было много чудеснаго; но онъ ихъ разсказывалъ шакъ правдоподобно и самъ всегда занималъ въ нихъ шакую незначительную ролю, чпо никому изъ слушателей не приходило въ голову, сомнѣваться хоть сколько нибудь въ его любви къ истинѣ. И можно ли было сомнѣваться, когда самый характеръ его казался милою загадкою: онъ былъ уже лѣтъ 28-ми; но душа его изъ

мушнаго моря юношескихъ наслажденій вышла свѣжа и блиспапельна, какъ юная купальница изъ свѣплаго попока; съ рѣдкою чувспвипельностью, съ богатымъ воображеніемъ, съ возвышеннымъ духомъ онъ соединялъ непоняпную любовь ко всему земному; онъ въ одно время дѣшалъ и неукропимую рѣзвостью опрока и изобрѣшательностью поэша; надобно было удивляпсья, съ какою врожденною свободой онъ на самомъ скользкомъ краю приличій, никогда не спопыкаясь, выводилъ свои удивипельныя проказы. Съ эпош спороны онъ предпочпипельно занималъ участіе дамъ; а мнѣ въ особенності понравилъ въ слѣдующей повѣспи, рассказанной имъ по общему пребованію слушапельницъ: дапъ намъ заглянупъ въ его собспвенное сердце и видѣпъ именно по изъ сердечныхъ походовъ, которе въ немъ оставило самое пріапное воспоминаніе и чувспво самодовольспвія.

Однажды, при перемѣнѣ кварпирѣ, мнѣ довелось спояпѣ въ деревнѣ, помѣщица копорой мнѣ уже была знакома и жила въ уѣздномъ городѣ; а познакомился я съ нею въ Москвѣ; на гуляньѣ у Прѣсенскихъ прудовъ. Меня предспавилъ ей сослуживецъ мой, казначей другаго полка нашей бригады. По доброму Московскому обычаю, она, при прощаніи, просила меня навѣщатъ ея домъ, и я не замедлилъ воспользоватъ симъ благопріятнымъ приглашеніемъ — благопріятнымъ попому, что у нея были при хорошенькія дочки. Около нихъ увивалась Московская молодежь — бывшіе воспитанники Московскихъ пансіоновъ; всѣ взапуски порывались угождатъ юнымъ богинямъ, но мы оба — поварицъ мой да я — рѣшипельно запмили ихъ внупреннее доспоинспво своимъ наружнымъ блескомъ и военными ухапками. Если бъ они — влюбчивые чудаки — менѣ занимались Шеллингомъ, да болѣе приноравливались къ пакъ называемой *tourne française*, по побѣда была бы

сомнительна; но такъ, мы ихъ какъ разъ согнали съ поля эпиграмматической переспрѣлкой. Иные молча на насъ сердились, а другіе изнывали да пописывали для Дамскаго журнала укорительныя списки на нашихъ Грацій.

Могъ бы я многое рассказывать про это красное время, но оно полиняло въ моей памяти опть преждевременной смерти красавиць: всѣ прои умерли въ печеніе двухъ лѣтъ и вмѣстѣ похоронены въ Донскомъ Монастырѣ. Я уже три раза поклонился ихъ могилѣ, но памь не встрѣчалъ никого изъ прежнихъ вздыхапелей, и никто изъ нихъ — сколько я могъ провѣдать — уже не думалъ объ ожившихъ: мнѣ это было немножко больно! Бездушная масса огня, называемая солнцемъ, по себѣ оставляетъ на землѣ теплую лѣпную ночь, а солнце одушевленное — красавица, вдыхающая въ юношескія сердца топть пылъ, въ сравненіи съ коимъ и Африканскій зной естъ холодъ, не оставляетъ въ сихъ сердцахъ

теплой ночи меланхолическихъ воспоминаній —
негодное человѣчество!

Въ оградѣ монастырской замѣпивъ нищаго, я подозвалъ его и наказалъ ему молился на могилѣ прехъ сесперь: «Божій человѣкъ! всякій разъ, когда будешь здѣсь, сотвори усердную молибву на эпой пройной могилкѣ, да поминай и мое грѣшное имя!»

Не думалъ я, чпобы онъ слишкомъ спрого спалъ выполняпъ мой наказъ, и попому не мало былъ удивленъ, получивъ черезъ годъ послѣ того письмо опъ мапери энихъ милыхъ покойницъ, въ копоромъ она, въ самыхъ прогапельныхъ выраженіяхъ, благодарила меня за вниманіе и *къ мертвымъ дочерямъ*. Божій человѣкъ съ нею обо мнѣ проболпался. Несчастливая мапъ убѣдипельно заклинала меня доспавипъ ей случай опблагодарипъ мнѣ чѣмъ нибудъ за сладкія слезы, копорыя я заспавилъ ее проливапъ. Такой опзывъ, пакое послѣдствіе самага ничпожнаго по себѣ дѣйсвія задѣли меня за живое; я — кажись — съиз-

бышкомъ былъ награжденъ слезами мапери, а между пѣмъ неисповѣдимое Провидѣнiе предоспавило мнѣ еще награду — да какую — узнаете! —

Воптъ вамъ мои отношенiя къ помѣщицѣ деревни.

Оглянувшись въ своей новой кварпирѣ и вышедъ на крыльцо, я увидѣлъ насупротивъ, на хозяйскомъ крыльцѣ, молодую дѣвушку, которая попчасть скрылась, какъ голубка при появленiи коршуна. Со мною сдѣлалось нѣчто спрванное: древнiе Греки — думаю — назвали бы по чувство *нимфолептическимъ*. Я узналъ оптъ деньщика, что эпо — хозяйская дочь, дѣвочка молоденькая и — по его выраженiю — *знатная!*

Я опнюдь не влюбчивъ, но всегда непремѣнно влюблялся въ дочекъ моихъ хозяевъ, даже и тогда, когда онѣ не были особенной красопы; при симпатической силѣ завѣпныхъ словъ: *хозяйская дочь!* съ ея спороны довольно было одного скромнаго поведенiя, что-

бы очаровывать мое сельское житье и удерживать меня отъ многихъ шалостей. О, сколько я зналъ и любилъ эпихъ хозяйскихъ дочекъ! Чпó всего удивительнѣе: эпи проспя дѣпи природы давали душѣ моей какое-то возвышенное направленіе, между пѣмъ какъ образованная почипапельница Ламарпина, погда бывшаго у насъ въ модѣ, меня только волочили по узорчатой дорогѣ Французскихъ мадригаловъ. Наружность моихъ милыхъ креспьяночекъ казалась мнѣ хруспальнымъ челомъ, сквозь копорый можно было видѣть весь организмъ душевной жизни и каждое дѣйспвіе развивающейся любви. Дворянское дипя моднаго образованія, по мнѣ, было сущеспво, окупанное въ великолѣпное маскарадное платье, положимъ — богиня — но все-таки *маска*; а хозяйская дочка — обнаженная душа подъ прозрачнымъ покрываломъ. . . . опсюда легко объяснился мое упрямое приспраспие къ послѣдней! —

Первымъ моимъ вопросомъ было: какъ ее зовуть? Услышавъ доспопамятное имя Анны, сдѣлавшееся для меня счастливымъ предзнаменованіемъ, я вспрепенулся опъ воспорга. Разумѣется, чпо я попчасть пошелъ къ хозяину, подѣ предлогомъ: познакомись съ нимъ, успокойсь его на счесть поспоя, объявишь ему, чпо онъ во всякое время имѣеть свободный ко мнѣ доспуть, съ жалобою, или съ чѣмъ бы по ни было. Аннушка мнѣ приглянулась: пакая спройная, пригоженькая! Видно было, чпо эти свѣплые глазки еще не проливали слезъ по любовникѣ, чпо къ этимъ нѣжнымъ, свѣжимъ губкамъ еще не прикасалось пламя спраспныхъ поцѣлуевъ — она была гораздо лучше, нежели пребовалось для того, чпобъ бышь моимъ домашнимъ божеспвомъ! У меня сердце зашевелилось.

По прежнимъ примѣрамъ, я могъ бы веспи довольно надежныя апаки на неопытное сердце шеспнадацилѣтней красавицы; но эта умилительная юность, соединенная съ такою

чиспою прелеспью лица, а пуще всего душевное цѣломудріе, во спю разѣ очаровапельнѣе пѣлеснаго — все эпо, въ понятіи моемъ, соспавляло пакого ангела, съ копорымъ пущипсья въ единоборспво проспому человѣку не выгодно — все равно, какъ рыцарю драпсья съ привидѣніемъ. Чѣмъ прилежниѣ въ нсе всмапривался я, пѣмъ болѣе во мнѣ возраспало убѣжденіе, чпо милое дппя, даже попавшее подѣ власпъ мою самоуправнѣйшую, было бы совершенно безопасно!

Дополѣ я плохо вѣроваль въ демона Сокрапова, въ охранипельнаго генія Пюпинова; но, предавшись уединенію, избѣгая соблазновъ міра, въ душѣ преисполненный однимъ предметомъ, я въ самомъ себѣ опкрылъ нѣчпо подобное: кпо-пю въ груди моей подаваль голосокъ и не велѣлъ преслѣдовапъ хозяйской дочки. Я гоповъ былъ слушапсья демоническаго голоса, но меня подспрекаль бѣсь самолюбія: мнѣ крайне досадно было пю, чпо Аннушка, съ спокойспвіемъ младенца, въ оба

свѣпные глаза глядѣла на меня, смущеннаго любовью, и безъ малѣйшаго смяпенія разговаривала со мной, какъ бы съ деревенскимъ парнемъ. Погоди — думаль я — будешь по крайней мѣрѣ чувспивовапъ!

Чего не выдумываль я, чпобы покорипъ себѣ невинное сердечко красавицы, неохраняемое вниманіемъ мапери, копорой она давно лишилась. Опець ея былъ человекъ набожный, швердый въ Священномъ Писаніи. Я зазываль его къ себѣ, попчиваль иногда кое-чѣмъ, рассказываль ему легенды изъ Чепши-Минеи, и моимъ въ шо время испинно примѣрнымъ поведеніемъ убѣдилъ его наконецъ въ моей совершенной непорочности, шакъ, чпо опъ меня онъ ничего не опасался для своей дочки. Были еще двѣ снохи: для мальчишки одной я у разнощика купилъ шеспъ сипцевыхъ рубахъ, а у другой обѣщаль крестипъ младенца, конпорый на раздурыхъ парусахъ уже приближался къ земному берегу. Такимъ образомъ усыпивъ союзниковъ моей

милой прѣпивницы, я своими запѣями обложилъ ея жипнейскую крѣпость и принялся кидать бомбы, чпобы пать подорвать пороховой магазейнъ сердца — но олъ не загорался. У меня самого лопнуло терпѣніе — и я уѣхалъ въ госпи въ чужой эскадронъ.

Воропясь, я въ ней попчасть замѣпилъ не малую перемѣну: она была блѣдна и со мною чрезвычайно дика. Славная примѣпа, думалъ я, и самодовольно улыбнулся.

Я достигнулъ своей цѣли, и во мнѣ возникло новое желаніе: цѣловаться съ нею! Мнѣ приходила на память нравспвенная сенпенція Жанъ-Жака: «Не позволяйте чувспвамъ ничего, если хопите имъ опказать въ чемъ нибудь!» но не онъ ли самъ пакъ побѣдоносно опровергалъ сію сенпенцію своей любовью къ Графинѣ д'Удепопъ? Кспапи, я началъ размышлять о томъ, какого именно рода была эпа связь, ибо при чпеніи Confessions, сіе мѣспо оспавалось пемнымъ для меня. Руссо цѣловался съ Графинею; но, не довольный эпимъ

и воображая, что она его дурачить, попребавалъ у нея лучшаго доказательства любви — и тогда она ему позволяла все, что женщина, не измѣняя долгу, можетъ позволять. Если это болѣе, чѣмъ поцѣлуй, и менѣе, чѣмъ невѣрность, — такъ что жъ это за диковинка? Я думалъ и, передумавъ все, не видалъ пути ни зги. Я надѣялся, что Аннушка обнаружитъ мнѣ эту важную пайку, вѣроятно извѣстную каждой женщинѣ — но какъ ее поймать? дика, какъ серна. Я испомился отъ душевной жажды: мнѣ нуженъ былъ ея освѣжительный поцѣлуй, какъ Тяпталу глопокъ воды; я зналъ, что она меня любитъ, а все таки не добился толку. Въ минуты досады я сердился и на покойную пепку ея, у которой она, за неимѣніемъ мапери, жила прежде, до смерти этой благодѣтельницы; выучилась грамотѣ, разнымъ рукодѣльямъ — всему, кромѣ цѣлованья.

Въ такомъ невыгодномъ для меня положеніи были дѣла мои, когда помѣщица пріѣхала

въ деревню на нѣсколько дней. Ея присутствіе меня отвлекало отъ моего сердца, въ которомъ глубже, нежели когда либо, заронилось чувство къ хозяйской дочкѣ. Мы разговаривали о былыхъ временахъ; она поэтически описывала мнѣ вспрѣчу съ нищимъ, на могилѣ дочерей, и наконецъ, увлеченная излишнею ко мнѣ благодарностью, самымъ деликатнымъ образомъ и, заливаясь слезами, предложила мнѣ принять отъ нея — на память о дочеряхъ ея — что бы вы думали? деревню, гдѣ я кваршировалъ, — деревню о двухъ спахъ душахъ! — «Нѣтъ у меня никого на свѣтѣ, кромѣ одного дальняго и довольно богатаго родственника,» говорила она: «ему еще слишкомъ останется отъ меня, и поному вамъ нѣтъ ни малѣйшей причины отказать сиротствующей матери, для которой истинно пріятно и утѣшительно такимъ образомъ почтить память незабвенныхъ дѣшей!» — Я позабылъ сказать, что, до сего предложенія, она меня спросила, какъ мнѣ нравился дере-

вня, и опть меня услышала чистосердечную похвалу романпическому мѣсположенію. Въ эпомѣ значипельномѣ подаркѣ въ двѣспи душѣ меня прельщала только единая — не включенная въ то число женская душа — Аннушкина; но я шопчасъ изъ сердца выгналъ вонъ бѣса искушенія и, объяснивъ помѣщцѣ, какъ глубоко меня прогаептъ положеніе мащери, бѣднѣйшей въ своемѣ богащспвѣ и доведенной до него, чшобъ опдаваптъ въ чужія руки наслѣдіе дѣпей, упрашивалъ ее миноваптъ меня эпою горькою чашей, копорая оправляла бы всю жизнь мою пѣмъ, чшо пользуясь ея безпримѣрнымъ несчастпемъ: «Не могу поставитъ своей сѣни на гробѣ вашихъ дѣпей!» — Еще болѣе пронупая, она принялась доказываптъ мою излишнюю добросовѣщпность; мы долго спорили. Дѣло на шоптъ разѣ кончилось пѣмъ, чшо я выпросилъ себѣ прехмѣсячный срокъ на размышленіе и обѣщалъ воображаптъ, чшо деревня моя, чшобы дознапться, уживепся ли мое сердце съ эпою

мыслию, — въ какомъ случаѣ я далъ слово принять подарокъ.

Передъ опѣздомъ своимъ она меня удостоила своего посѣщенія; съ нею — по моему пребыванію — была и свипа: ключница и нѣсколько горничныхъ. Я задавалъ богатѣйшую по возможности пирушку и — можетъ спаться — съ такимъ же удовольствіемъ угощалъ мою помѣщицу съ ея незнапною свипой, съ какимъ Князь Таврической Великой Екатерины съ Ея пышнымъ Дворомъ. Горничныя, опѣ моего имени, пригласили и Аннушку; она явилась, нѣсколько смущенная. Барыня ее подозвала и, поговоривъ съ нею, попрепала нѣжную, нарумяненную спыдли-востью щечку, и назвала ее умненькою. Я самъ разливалъ чай, и служители мои въ междудѣйствіяхъ попчивали госпей орѣшками, пряниками, конфектами, апельсинами, et cetera. Я велѣлъ позвать и хозяина (обѣихъ снохъ не было дома); барыня приказала ему садиться, а я заспавилъ его выспить два

спакана крѣпкаго пунша. Пиръ мой приходилъ къ концу; горничныя исчезали изъ моей хапы, какъ идеалы изъ жизни; оставалась только ключница, и па напоследокъ ушла; Аннушка съ нею хотѣла вѣйти, но барыня опять ее подозвала и начала спрашивать о помѣ о семь. Обоихъ служивелей моихъ поже не было въ горницѣ. Моя хозяйская дочка за чпо-то поцѣловала руку у своей барыни такъ мило, чпо я не уперпѣлъ: совсѣмъ неожиданно и съ неописаннымъ удовольствіемъ я въ первый разъ поцѣловалъ ее въ розовыя губки. Жаркое пламя ея спыдливости почно повѣяло мнѣ въ лице; попутивъ глазки, она спояла, какъ уничпоженная — я не видывалъ прелеспнѣйшаго смяпенія! Сама барыня имъ любовалась нѣсколько секундъ, и погда начала бранипъ меня шалуномъ и успокоивапъ бѣдненькую. Она убѣжала. Дошла до меня очредь успокоипъ помѣдницу, опносипельно моихъ видовъ на ея креспьяночку: я извинялъ мою шалоспъ душевною попребностью поцѣловапъ

хоть разъ эпу миленькую, и попомъ важнымъ пономъ наговорилъ сполько нравспвеннаго, что съ ея споровы было бы грѣшно не вѣришь.

Съ тѣхъ поръ я дѣйспвитпельно уже не спарался вспрѣчаться съ Аннушкой наединѣ, хопя взяпный съ бою поцѣлуй еще болѣе воспламенилъ мою душу. Красавица полько изрѣдка мелькала передо мною, какъ солнце въ тѣсныхъ промежуткахъ облаковъ, въ ненаспное время. Я думалъ на проспорѣчи: Проспи, мое красное солнышко! не тебѣ согрѣвашь меня горемычнаго!

Я баловень судьбы; нѣсколько разъ находился я въ запруднипельныхъ положенiяхъ, и меня всегда выручалъ внезапный случай; по этому я опвыкъ принимаю птвердое рѣшенiе и неослабно дѣйспвоваю своимъ умомъ; ни о чемъ не забопясь, я съ полной довѣренностью предоспавляю ангелу Божьему, во время вывеспи меня изъ темницы. Тоже самое было и погда! Крѣпко запупавшись въ

своихъ чувспвахъ, не пребуя опть хозяйской дочки ничего беззаконнаго, ниже законнаго, а между пѣмъ помясь какой-по болѣзненною суспюю, я распустился духомъ, раскись душою — и не долго ждалъ своего избавленія: Полковникъ предложилъ мнѣ ѣхать въ Одессу, по казенному дѣлу. Я какъ разъ просвѣжился; рѣшено — поѣду! но я молчалъ до времени, чпобъ эпой вѣспію еще не смущаць хозяйской дочки.

Дни за два до моего опъѣзда, въ одно воскресенье, когда я съ ружьемъ и лягавою собакой бродилъ по куспарникамъ и лѣсамъ, вижу, мой Валепъ кинулся куда-по съ изъявленіемъ радости, оспановился передъ куспикомъ и продолжалъ махашъ хвостпомъ. По его движеніямъ замѣчаю, чпо кпо-по его опть себя опгоняепть, но онъ не слушаепся; иду шуда и вижу за куспикомъ — Аннушку, краснѣ пѣхъ ягодъ, коихъ она набрала въ кузовочекъ. Я весьма обрадовался эпой встрѣчѣ. Мой скорый опъѣздъ поспавилъ меня

въ спокойное къ ней отношеніе; душа моя размешала покровы пумана и прояснилась.

«Здравствуй, моя милочка!» воскликнулъ я, взявъ ее за руку и безъ церемоніи раза два поцѣловалъ въ щечку.

— «Пожалуй-спа, оспавыте меня, уйдите! насъ много пошло по льготы: неравно васъ увидяшь!» —

Я увлекъ ее въ чащу лѣса, увѣряя, что мнѣ надо съ нею кое-что переговорить. Она шла, браня моего Валеша.

«Зачто жъ онъ такъ себя любитъ?» спросилъ я.

— «Я его иногда кормлю.» —

«Изъ любви ко мнѣ, не правда ли?»

Она не отвѣчала.

— «Не совѣспно ли вамъ поцѣловаць меня при барынѣ?» начала она меня упрекать; «я никогда опъ васъ не ожидала бы шакого безспыдспва; я васъ почиала шакимъ скромнымъ.» —

Я извинялся, какъ могъ, и продолжалъ: «Не время намъ ссориться, моя голубушка, когда пришлось разлучиться!» Она поблѣднѣла; я коропко рассказалъ, въ чемъ было дѣло.

— «Жаль! но точно ли вы опять будете?» —

Въ этихъ словахъ было столько любви, что сердце мое пронулось.

«Черезъ два мѣсяца непременно!» отвѣчалъ я.

— «Два мѣсяца, какъ долго!» — и на глазахъ навернулись слезки.

«Не плачь, моя красная ягодка! Два мѣсяца пролепяишь спрѣлою, и мы опять увидимся!»

— «И опять должны же разспасться когданибудь! Вы мнѣ не чета. . . я не должна была васъ полюбить», произнесла она съ очаровательною горестью: «зачѣмъ вы меня приманили своими ласками и словно околдовали? Я была такъ счастлива и весела, какъ пшанка; на-сердцѣ было такъ легко! Бывало, проспину всю ночь до блага упра, и ничто не приснился; а теперь на-сердцѣ такъ

птяжело: оно бѣспя и суепипся; нѣ знаѣшь какъ лечь, чпобѣ уснушь; и подѣ легкимъ одѣяломъ жарко — и если наконецъ уснешь послѣ долгаго мученія, по еще сонъ не въ сонъ! Убѣгаешь милаго, но все-таки любишь не менѣе прежняго! Сердце птакое упрямое: не слушаепся ума-разума; молишься, молишься — но опѣ милаго не опмолишься!» —

Она была пакъ мила, пакъ восхищиптельна; она сама меня обнимала съ птакюю любовью, съ птакимъ самозабвеніемъ. . . . согрѣвала своимъ чиспымъ дыханіемъ, своей нѣжною грудью — но ни одинъ мучипельный воспоргъ не пропекалъ по моимъ жиламъ: эпо была премилая минупа моей жизни!

Мнѣ удалось нѣсколько успокоипь мою подругу.

— «Пожалуй-спа, кушайпе: я для васъ набрала эпихъ ягодъ!» —

Я сѣлъ на праву, уговорилъ ее сѣспь подѣ меня, и тѣлъ ягоды, со сладкою приправой поцѣлуевъ.

День былъ великолѣпный; природа дышала свѣжею роскошью; пички щебепали веселую пѣсенку. Одинъ, съ своей нѣжною любовницей, посреди лѣса, будпо опдѣленный опъ пнягоспныхъ условій общеспва, я пріапно замечпался. . . . Она была мнѣ равная, какъ дупя природы, невинное и чувспвипельное; по красотѣ своей, она заслужила бы единогласную похвалу свѣпа и благоговѣйный воспоргъ художника — чѣмъ же она не споила быпъ моей подругою въ полномъ смыслѣ — она, паспушка Геснерова, царица природы! Съ эпою почки зрѣнія мнѣ казалась ничпжною сія мишура, зовомая приличіемъ; любовь, испина, природа — полько симъ идоламъ я поклонялся душою, слушая восхипипельный лепепъ моей паспушки. Для меня осущеспвлялся моменпъ идиллическаго вѣка; вѣкъ эпопъ мнѣ казался пакъ свойспвеннымъ сердцу, споль близкимъ, споль возможнымъ, чпо я чупь-чупь не воскликнулъ: правъ попъ, кпо сказалъ: Идипе въ лѣса — и будпше

люди! — Я строилъ прекрасный воздушный замокъ, который внезапно обрушился при ауканіи сельскихъ дѣвушекъ, зовущихъ мою любовницу. Она вскочила, проспилась со мною поропливо, сказала: я еще васъ увижу — подала голосъ — и шла опть меня какъ на крыльшкахъ. Я оспавался, чпобы дапть ей время присоедипись къ другимъ, чпобы еще полюбоваться хопя на праву, ею смяпую: для меня почно было дорого по мѣспю, гдѣ сидѣла она!

Я чувспвовалъ, чпо люблю ее не въ шупку. Сердце мое, оппюдь не привыкшее къ жерпвоприношеніямъ, не хопѣла опкказаться опть своего идола — какъ своенравное дмпя опть игрушки — но наконецъ я съ гореспью убѣдился въ необходимости: покорипись своему жребію, пресѣчь милую связь, неодобрямую мнѣніемъ свѣпа, проппвную общеспвенному порядку. Къ эпому еще присовокупилась гораздо ужаснѣйшая мысль: такое плѣнипельное сущеспво, споль способное любить и

пакъ мило выражающее свои чувства, до-
спанется безчувственному мужику! Конечно,
опть меня бы зависѣло принять предлагаемый
мнѣ подарокъ, сдѣлаться бариномъ Аннушки и
какъ нибудь сославить ея счастье; но изъ-
за ничего принять такой подарокъ? — душа
моя ужасалась этой мысли — и я давно уже
рѣшился на опрѣзъ опказать моей помѣщицѣ.

Тоска нагибала мою голову; иду домой,
будто несу спраданія всего человѣчества.
Вдругъ заяцъ вскочилъ изъ-подъ ногъ моихъ;
я подспрѣлилъ ему лапу — и радуюсь дѣпски,
видя, какъ мой Валентъ ловитъ его по полянѣ.
Бросаюсь шуда, кричу, опнимаю у собаки
бѣдное животное и вонзаю ему въ грудь свой
кинжалъ, и кровью мараю стволъ ружья: па-
ковъ суевѣрный обычай охотниковъ! Гдѣ
поска, гдѣ нѣжныя чувства, гдѣ любовь? О
юность, юность! суцая бездѣлица превра-
щается пвое горе въ воспоргъ, пвою нѣж-
ность въ буйство!.... Дорогою убивъ еще
нѣсколько упокъ на лелу, прихожу домой

въ самомъ веселомъ расположеніи духа, съ гордоспью показываю хозяевамъ свои профей — и удивленный взоръ закраснѣвшей Аннѹшки будпю меня спрашиваетъ: когда вы успѣли наспрѣлать сполько дичи? —

Я ли мало выглядывалъ случай поймать ее, или ей никакъ нельзя было вырваться — я уѣхалъ, не простившись съ нею наединѣ. Но она со мною проспалась! Проснувшись въ послѣднее утро, нахожу на кровати своей кисень изъ шелковой узорчатой матеріи, какую еще носятъ купчихи и копорая вѣрно доспалась Аннѹшкѣ опѣ покойной пепки. Сперва я разсердился было, зачѣмъ она меня не разбудила поцѣлуями; но разсудивъ, что она вѣроятно была не совсѣмъ одѣта и не хотѣла показаться мнѣ въ слишкомъ заманчивомъ видѣ, я въ душѣ своей долженъ былъ похвалить сію оспорожную спыдливоспъ. Даль бы я дорого, если бы не спалъ въ это время! я припворился бы спящимъ, но принялъ бы ее прощальный поцѣлуй съ благо-

дарностью, вздохнул бы, вымолвил бы сонным голосом какуюнибудь ласку, а потом бы захрапел — для нея было бы приятно видеть, что я и во сне чувствую ее любовь. Деваль было нечего; я проспал славно минуточку! Чтобы доказать ей, что вполне ценю ее подарок, я набил его табаком, повесил на пуговицу дорожного сюртука, распрощался как добрый человек, сел в бричку, еще раз кивнул головою и навсегда оставил памятную для меня деревню — по крайней мере до сих пор не случилось еще раз там побывать!

Помещицы я не заспал в городе: она где-то гостила. Взяв отправление, я с Богом пустился в Одессу. Там казенное дело мое замешкалось; я поджидал денег, а вместо того получил от Полковника письмо, что раз в через месяц может он выслать деньги. Я уже наглядывался на Одессу и, чтобы не пропасть времени даром, вздумал *in cognito* поспешить хваленый Конспанпино-

поль. Случай былъ прекраснѣйшій: я подружился съ Венеціанскимъ шкиперомъ, которъй только поджидалъ поупнаго вѣперка, чпобъ пуда опшльпъ. Ему понравилась моя предпримчивость; онъ согласился взять меня съ собой, переодѣнаго мапросомъ. Я къ нему перебрался на корабль.

Если намъ ночью снился по, чпо намъ мечпалось днемъ — пуптъ ничего нѣтъ спраннаго! Но если видимъ сонъ, коего происхожденіе не объясняется ничѣмъ, которъй на насъ дѣйствуетъ магически, упончая наше чувство до высшей степени и внушая намъ счастливейшую мысль, по мы должны быть очень вѣпрены, когда въ этомъ не видимъ дѣйствія Небесныхъ Силъ, когда на яву не покоряемся сему вліянію. Я въ онсупспвіи забывалъ мою хозяйскую дочку и — вѣрояпно — забылъ бы совсѣмъ, если бы кисепъ слегка не напоминалъ прошедшаго. Въ каюпѣ шкипера, душою занятый однимъ Конспанпинополемъ, я, засыпая, всего менѣе думалъ объ Аннушкѣ — и

она-по мнѣ приснилась, среди хаоса неясныхъ предспавленій — чрезвычайно милая, но блѣдная и печальная. Моя любовь воскресла съ удвоенной силою; сердце билось, душа горѣла, и вдругъ мелькнула во мнѣ превосходная мысль. Я проснулся — и на яву, полный пѣмъ же чувспвомъ, соображая, чпо могу и погибнуть на морѣ, и попасъь подъ кинжалъ ревниваго Турка, или какъ нибудь положишь свою голову въ чужой споронѣ — я спѣшилъ привести въ исполненіе мысль моего сна, долженспвуюющую благороднымъ образомъ кончить мое нерѣшенное дѣло съ помѣщицей. Я написалъ къ ней, чпо, по спрожайшемъ самоиспытаніи, я убѣдился въ совершенной невозможности принять ея подарокъ; но чпо у ней оспалось средство бытъ моею незабвенною благодѣшельницей, и въ то же время находить сладкое для себя утѣшеніе и совершать достойнѣшшую по дочерямъ поминку — я заклиналъ ее взять мою хозяйскую дочку въ воспитанницы, хорошо образовавъ и выдавъ

за порядочнаго челоуѣка, назначивъ ей приданое хопъ въ полцѣны эпой деревни. Я съ Жанъ-Жаковымъ краснорѣчіемъ негодовалъ на судьбу за то, что Аннушка родилась въ креспьянспвѣ; живѣйшими красками описывалъ ея превосходныя качества, чиспую нравспвенность, ангельскую душу и чувспвипельность, мою возвышенную къ ней любовь; и наговоривъ все, что было на душѣ, просилъ помѣщицу не сказывать Аннушкѣ о моемъ ходапайспвѣ, дабы она скорѣе меня забыла. Въ заключеніе, я подъ секретомъ ея извѣспилъ о моей поѣздкѣ въ Конспанпинополь и велѣлъ счипать меня пропавшимъ *безъ вѣсти*, если черезъ два мѣсяца она не услышитъ обо мнѣ опъ Полковника. Вполнѣ увѣренный въ счаспливѣйшемъ успѣхѣ, я самъ — въ видѣ Венеціянскаго мапроса — опнесъ письмо на почпу. Душа моя была проникнута живѣйшимъ удовольспвіемъ, будно совершилъ я самый опличныи подвигъ. Повѣялъ попушныи вѣперъ; корабль вышелъ изъ гавани, взмахнулъ

всѣми крыльями — и полетѣлъ! Когда верхи Одессы погрузились въ воду, я воскликнулъ: Проспи, Россія! обернулся и все глядѣлъ впередъ.

Любо бытъ на морѣ, въ хорошее время, когда корабль бѣжитъ на полныхъ парусахъ, будпо спрoуcъ, копорый по пѣжеспн своей не можепъ поднѣпся на воздухъ; или будпо крылапое время, копорое гонипся за вѣчностью, принявшею на себя видъ синей дали недоспигаемой. Я лазилъ по канапамъ, какъ испинный мапросъ, и величеспвенно повиснувъ вверху и разверзнувъ руки, парилъ морскимъ орломъ. Я не могъ долго бытъ въ каюпѣ: казалось, меня качаюпъ въ большой сомкнутой бочкѣ. Моя спальня была палуба. Лежа на спинѣ и глядя на небо, я засыпалъ подѣ влѣнѣемъ шемноголубаго неба съ яркими звѣздами. Ночью, проспувшись, я прислушивался къ шуму волнъ и парусовъ, освѣщенныхъ спарымъ полумѣсяцемъ. О, сколько еспъ дивныхъ чувспвованѣй, людскимъ нарѣчѣемъ

неопредѣляемыхъ, какъ журчаніе ручейка и соловьиная пѣсня! Наконецъ, увидѣвъ спражей Босфора, двѣ значительныя башни, я опть радости чупь-чупь не сшибъ съ ногъ моего Синьора шкипера.

Сполицу Турціи надобно видѣть весною: погда она покажеться первою красавицей въ мірѣ! Я ее видѣлъ лѣпомъ, когда уже не было на ней весенняго блеска — и по она съ перваго взгляда еще превзошла богапѣйшее изобрѣпеніе фанпазиі.

Вы вѣрно чипали пысячу описаній Конспанпинополя, я самъ сполько вамъ о немъ рассказывалъ, что вы — кажись — соспавили себѣ довольно ясное понятіе объ эпомъ седьмихолмомъ городѣ, съ его амфишеапральнымъ видомъ, съ золочеными шарами да полумѣсяцами и съ бѣлыми, какъ мѣлъ, минарешами, съ дворцами и кипарисными рощами, съ великолѣпными дачами вдоль Босфора etc. Вы знаете всѣ мои памошнія похождения, на Румелійскомъ и на Анапольскомъ берегахъ;

мой благополучный возвратъ въ Россію; мою смертную скуку въ карантинѣ и проч.; но вопль чего вы не знаете: я уже не заспалъ полка на прежнемъ мѣстѣ — онъ выпустилъ въ походъ къ Турецкой границѣ. Я письменно извѣспилъ помѣщицу, что воропился въ полкъ, будто ни въ чемъ не бывало, и что еще въ добавокъ получилъ благодарность по дивизіи за примѣрное усердіе къ казенному интересу. Еще разъ, да и въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ, я ей поручилъ мою хозяйскую дочку, сѣлъ на рапнаго коня и рассказалъ поварищамъ, что я для нихъ заговорилъ квартиры въ Констанцинополѣ. Черезъ годъ война и открылась, да продолжалась, какъ вы знаете, два лѣта. Нѣкогда было погѣшишься сердечными воспоминаніями: переходъ черезъ Балканы всѣмъ вскружилъ головы: всякій изъ насъ воображалъ, что споймѣ на ряду съ Аннибаломъ и Суворовымъ. Но грудь засыхала отъ зноя! Бывало, обрадуешься фонпану, будто райскому ключу — пьешь,

пъешь — и если бѣ на то пошло, то, кажись, перешли бы и верблюда. Погоспивъ въ Эски-Сараѣ, близъ Адрианополя, мы пожелали заглянуть и въ Сераль. Бывшему Венеціанскому мапросу больно хопѣлось предспасть Русскимъ героемъ двумъ-премъ знакомымъ, видѣвшимъ его въ добровольномъ уничтоженіи. Не случилось! Царьградъ билъ челомъ Русскому Царю, прося пощады, а Царь его помиловалъ. Но все же мы осуществили баснословный походъ Олега — и вели только Государь — мы бы прибили щипъ НИКОЛАЯ къ Царьградскимъ врапамъ — въ ознаменованіе той великой испины, что все, о чемъ говорятъ поэты и преданія, какъ-то золотой вѣкъ и другія удивительныя вещи, не есть прошедшее, а будущее, опчаспи уже сбывающееся.

Въ печеніе прехъ полныхъ лѣтъ я не имѣлъ ни малѣйшей вѣспи о моей помѣщицѣ, какъ вдругъ сполкнулся съ нею при выходѣ изъ концерта, въ домѣ Г-жи Энгельгардтъ, въ

Пепербургъ. Я хопѣлъ было разсыпаться въ вопросахъ и привѣспвіяхъ — и даже не успѣлъ спросить о кварспирѣ ея: меня кликнулъ знакомый Генераль — и когда я опять пробился сквозъ шолпу, чпобы посадить ее въ карету, ея уже не было. Досадно! зачѣмъ я поспчасъ не спросилъ объ Аннушкѣ! сколько пройдетъ времени, пока у Полиціи добыюсь нужныхъ свѣдѣній. Меня упредили. Когда я на другой день проснулся очень поздно, деньщикъ подаесть мнѣ пригласительную опть помѣщицы записку, уже за часъ передъ пѣмъ опданную. Я къ ней поскакалъ спремглавъ. Приемъ былъ самый ласковый, маперинскій — но она была одна! Я оглядывался, чпобы найти какой нибудь предметъ, свидѣтельспвующій о существованіи молодой дѣвушки въ домѣ.

«Чего вы ищете глазами?» спросила хозяйка съ значительною улыбкой.

— «Моего письма изъ Одессы къ вамъ, когда я Донъ-Кишопомъ опсправлялся въ Конспанпинополь!» —

«Экой чудакъ, запѣйникъ!» воскликнула она и захохотала.

Я глядѣлъ на нее въ укорипельномъ недоумѣннн. Въ эту самую минупу, вѣрояпно по условію, вошла — не дѣвушка, а чудо! Боже мой — Аннушка, думалъ я, но говоритъ не могъ: у меня языкъ опнялся опть удивленія красавица Пепербургская, великолѣпно одѣтая, спройная, граціозная — но она! это топъ же румянецъ очаровашельный, копорымъ она вспыхнула за при года пому назадъ, когда я поцѣловалъ креспьяночку при барынѣ — только по этой примѣпѣ я ее узналъ. Такое воспомнаніе усугубило мое смяпеніе.

— «Это дочь моя!» сказала хозяйка по-Французски, и примолвила съ лукавою улыбкой: «думаю, чпо вы ее видипе не въ первый разъ!» Я пробормошалъ въ опвѣпѣ: «Madame, je n'ose la reconnaitre dans sa glorification!»

— «Son ame est toujours humble!» возразила мапѣ; а дочь — какъ бы въ подпвержденіе сихъ словъ — склонила предо мной колѣно и

сказала своимъ милымъ, обыкновеннымъ голосомъ, но на чужомъ нарѣчїи: *Maman m'a dit ce matin, que c'est vous qui êtes mon bienfaiteur. votre récompense est au ciel!*» —

Сіе дѣйствіе меня ободрило; я ее живо поднялъ, поцѣловалъ у нея при разѣ ручку, обнялъ ее почтительно и воскликнулъ: «*Le plus beau rêve de ma vie est accompli — je voudrais mourir dans ce moment! . . .*» — Я нѣжно держалъ ее за обѣ руки; наши взоры въ полминуты перемолвились обо всемъ прошедшемъ и — ей Богу — я едва не заплакалъ отъ душевной полноты. Аннета, съ слезами на глазахъ, ушла. Я кинулся благодарить мою помѣщицу. — «Переспаньше,» говорила она сквозь слезы: «сія минута равно прекрасна для насъ обоихъ! Можеть быть, я еще въ долгу передъ вами: я вамъ обязана такою доброю и милою дочкой!» —

Она выдумала прїятнѣйшее развлеченіе: велѣла дочери сѣсть за арфу. Аннета пѣла Испальянскую арію — и я, споя за нею, пе-

редумывалъ очаровательную сцену съ хозяйскою дочкой въ лѣсу. Вообразилъ мое положеніе, мои чувства: милая крестьяночка, нѣкогда меня любившая пакъ спрашно, являлась моимъ глазамъ на высокой степени образованія, въ блескѣ красоты и богатства, какъ ангелъ съ пѣсно Неба, какъ чудо Божіе, въ наши дни свершенное — и моя любовь ее вознесла и преобразила!!!...»

(Разскащикъ умолкъ; мы не знали: конецъ ли его повѣсти, или онъ минутнымъ молчаніемъ хотѣлъ живѣе выразить свое чувство. Онъ насъ окинулъ глазами, улыбнулся и продолжалъ:)

«Я хотѣлъ было кончить разсказъ на лучшемъ мѣстѣ, на самой превосходной минутѣ моей жизни; но вижу, что вы всѣ желаете продолженія. Извольте!

«Милая, образованная Аннапа мнѣ сызнова полюбилась и — кажется — еще болѣе прежняго — ибо душа и сердце у нея оспались

прежня. Я спросил помѣщицу, за кого она думаетъ выдать дочку? и узналъ, что въ полгѣ своихъ обожателей она — повидимому — сердцемъ опличаетъ одного, весьма порядочнаго человѣка, и хорошей фамилій; что онъ ей уже открылся въ любви; что она ему призналась въ своемъ происхожденіи и на мѣсяцъ опсрочила рѣшипельное словечко, чпобъ и неугомонному любовнику дать время обдумывать свой поступокъ. Этому сроку прошло двѣ недѣли, какъ явился я. Онъ каждый день ходилъ въ домъ моей помѣщицы и глядѣлъ на меня ревнивыми глазами, хопя при немъ и безъ него я былъ весьма скромень въ обхожденіи съ Аннепою, и опнюдь не прикидывался влюбленнымъ, боясь, чпобы одно чувство благодарности — если бъ было забыто все прошедшее — не располагало Аннепы въ мою пользу. Но, когда ея не было съ нами, я всячески поджигалъ ревность моего соперника, дабы вразумлять его, что до эпой жемчужины еспь охопники, не хуже его —

и что попъ, кому она доспанелся, долженъ считашь себя опмѣннымъ любимцемъ судьбы. Однажды я перелиспывалъ Ирландскія мелодіи Мура и, нашедъ шу, гдѣ знапный человекъ женился на милой креспьянкѣ Сарѣ, прочелъ эпю піэсу съ чувспвомъ, огнемъ и вдохнове-ніемъ, и громко хваля шакой поспупокъ, нѣжно глядѣль на Аннепу. Соперникъ мой смупился, вспалъ, пошелъ за Аннепою въ другую комнапу, — и я замѣпилъ по его движеніямъ, что онъ заклинаелъ ее въ шу же минупу рѣшипъ его судьбу.

«Я удалился подѣ благовиднымъ предлогомъ. Сердце — признаюсь — немножко бушевало, но я спарался упѣшашь себя пѣмъ, что Аннепа мнѣ уже подарила лучшее, никѣмъ епце неиспыпанное блаженспво — и что прсбовашь болѣе, значило бы испорципъ свое доброе дѣло. Я провелъ ночь не совсѣмъ спокойную; вспалъ и пошелъ къ разводу. Государь созвалъ всѣхъ офицеровъ и намъ пер-вымъ объявилъ о Польскомъ мяшежѣ; мы съ

шумнымъ воспоргомъ клялись умереть за Царя и за славу Опечесова! Слова Государя, столь снисходительнаго и къ заблудшимъ поданнымъ, обдавали насъ благоговѣніемъ и героизмомъ! Все прочее было забыто и я, приготовавъ все къ отъѣзду въ полкъ, съ препокійнымъ сердцемъ отправился къ моей помѣщицѣ и отъ нея узналъ отъѣтъ Аннепы любовнику ея. Извольте прислушати! Разскажавъ ему все, что было между мной и ею, она примолвила: — «Я думала, что сердце мое принадлежитъ вамъ исключительно, — но *его* отъѣздъ меня смущилъ... сердце подышало сладостными воспоминаніями и дѣйски восхищается прежнимъ другомъ. Дайте мнѣ время опомниться, изслѣдовать чувство къ нему и чувство къ вамъ — тогда только мнѣ можно будетъ рѣшиться — ибо хочу отдаться своему мужу съ полнымъ, нераздѣленнымъ сердцемъ!» —

«Я просилъ помѣщицу молча дождаться сего рѣшенія и — если чувство ко мнѣ невозмо-

жестъ, сказаць Аннепѣ, что къ ней возвра- щусь, коли меня не убьютъ. Писаць ко мнѣ объ этомъ я не велѣлъ, потому, что въ иныхъ случаяхъ недоумѣніе лучше истины. Я оп- кланивался; Анна плакала; я ей ничего не говорилъ особеннаго и проспился сими сло- вами: «Буду свапать мяшежницу Варшаву!»—

«Мы ее засвапали; буду опсюда въ Пепер- бургъ. Объ Аннепѣ ничего не знаю. Если заспану ее замужемъ, душевно порадуясь ея счастию; если жъ нѣтъ, — вдвое больше порадуясь!»

Колывановъ.

МАТУШКА И СЫНОКЪ.

(П о в ѣ с т ь.)

.... Въ ребенкѣ будешь прокъ!

Хмельницкій.

Лѣтъ за тридцать тому, въ деревнѣ, вдали отъ губернскаго города и почши за двѣ тысячи верстъ отъ столицы, родился Валерій Теренпьевичъ Вышеглядовъ. Родитель его былъ Совѣспный Судья, который въ свое время безсовѣспно грабилъ праваго и виноватаго, и наконецъ такимъ (хотя и не вовсе невиннымъ) ремесломъ скопилъ себѣ, какъ обыкновенно говорятъ эти господа, *посильный капиталецъ*, и купилъ на оный дереву-

шку, приносившую годового дохода птысячъ до десяпка. Супруга его, Маргарипа Савишна, была дочь Саввы Сидорыча Пудовѣсина, который изъ подрядчиковъ, по порговой прогрессіи, дошелъ до званія именипаго гражданина. И какъ еще въ качествѣ подрядчика былъ онъ принятъ (чѣмъ всегда хваливался) въ лучшихъ домахъ, у Графовъ и Князей, и даже не рѣдко вхаживалъ къ нимъ въ госпинья, хопя и никогда шамъ не сиживалъ — по имѣлъ случай ко всему приглядѣться, или, говоря собственнымъ его выраженіемъ, *понатортъль*. По этому — по спарался онъ дасть своей дочери самое лучшее воспитаніе, п. е. какъ онъ понималъ сію *статью* — позволяемъ себѣ другое выраженіе изъ порговаго словаря Г-на Пудовѣсина. Маргарипа Савишна пробыла года при въ пансіонѣ у Нѣмки *Мадалы*, и дошла до пакого совершенства, чпо говорила безъ запинки: *мон - кідръ, ма - шеръ и стъ сюпърбъ*, по-Французски, наигрывала на форпепіано: *Войди въ чертогъ ко мнѣ златой, и Желанья*

наши совершились. Но высшею степенью своего образования была она обязана собственнo себѣ и достигла оной стѣпни, что читала безъ исключенія всѣ романы и повѣсти, которыми мапушка Москва уже около полу-столѣтій снабжаетъ самые отдаленные уголки Россійской Имперіи. Многіе изъ жителей столицы, можетъ быть, не знаютъ, какимъ образомъ въ дальнихъ провинціяхъ нашего отечества производится продовольствіе сими умственными потребностями; такимъ образомъ донести, что въ осеннюю и зимнюю пору заѣзжаютъ къ областнымъ нашимъ помѣщикамъ разнощики съ книгами, эстампами Московской гравировки (носящими у нихъ безсмысленно названіе карпинъ), дурною помадой, мыломъ и шоколадомъ, который на вкусъ ничѣмъ не лучше мыла, однимъ словомъ: со всякими мелочами и бездѣлками... Разумѣется, послѣднее сказалъ я не о книгахъ: ибо иную изъ нихъ и прочесть не бездѣлка. Помѣщикъ великъ подаетъ себѣ реестръ, въ коемъ не-

чешкою рукою весьма неисправно написаны заглавія книгъ (*); попомъ приказываесть впустишь разнощика въ переднюю —

И книжнаго ума бродашій продавецъ вносишь полдюжины лубочныхъ коробовъ съ печатнымъ и прочимъ поваромъ. Помѣщикъ опбираесть Повѣсть о двухъ Туркахъ, похождения Маркиза Г.***, Совѣздра, Ваньки Каина, Полночный колоколь, Пещеру смерти, Романы и Повѣсти Коцебу и пр. и пр.; къ эпому иногда присовокупляесть онъ Наспавленія о пчеловодствѣ, Конскій лечебникъ, Повариху поспную, иногда даже Твердосъ духа, Храмъ славы, Путешесствіе въ Малороссію, Гамлета, пересозданнаго Г-мъ Висковатовымъ, — словомъ, всякую рухлядь, завалявшуюся въ Московскихъ книжныхъ лавкахъ и проданную коробами кочевому книгопродавцу.

(*) Напр. Повѣсти *Михайлы Садратъева*, вмѣсто Сервантеса; это мнѣ самому случалось находить въ снхъ рееспрахъ. *Сов.*

Тупть начинаепся шоргъ. Разнощикъ, какъ почпи всегда водипся, человекъ неграмопный, призываептъ письмѣннаго своего *мальца* и заспавляептъ его прокрикиваптъ званіе и цѣну книгъ по рееспру пѣмъ же звонкимъ, рѣзкимъ и однозвучнымъ голосомъ, какимъ онъ въ свободное время чипаептъ Бову Королевица и Еруслана Лазаревича. Помѣщикъ сбавляептъ цѣну, разнощикъ дорожипся; наконецъ спаканъ водки дѣлаептъ его успунчивѣе — и шоргъ заключаепся. Нерѣдко помѣщикъ покупаептъ весь печапный шоваръ коробами, не забопясь о шомъ, чпо въ каждомъ изъ нихъ положено по пяпи или шеспип экземплярвъ одной книги (*): онъ пѣмъ не менѣе

(*) Это истина. Я самъ слышалъ опѣ одного такога разнощика въ Малороссіи о подобномъ шоргѣ, заключенномъ имъ съ однимъ деревенскимъ *паномъ*, кошорый купилъ у него семь коробовъ съ книгами, не заглядываа въ цихъ и не чипавъ реесшра. — *Сог.*

разспавляепть ихъ по полкамъ, подбирая, подобно Богапонову, большія къ большимъ, а малыя къ малымъ.

Проспитте меня, милоспивые государи, за длинное опспупленіе: я хопѣлъ вамъ дока-зашь, чпо и деревенскіе наши господа и госпожи не вовсе лишены благопворныхъ лучей книжнаго свѣпа, хопя оные и доходяпть къ нимъ сквозь спускную призму запаскан-ныхъ переплеповъ Московскаго издѣлія.

Однако я клянусь моимъ Пермесскимъ богомъ,
Чшо буду продолжашь обыкновеннымъ слогомъ;
И шакъ, дослушайте жъ:

Маргарипа Савишна чипала безъ изъятія всѣ романы и повѣспи, переведенные или сочиненные на Руси долгоперпѣливой. Эпо давало Г-жѣ Вышеглядовой нѣкопорый родъ преимущеспва между всѣми сосѣдными бары-нями, копорыя единогласно признавали ее самую умною и ученою дамой, хопя и не любили ее за надменный и жеманный понъ, съ каковымъ она ихъ принимала, хопя и не

понимали высокопарнаго разговора, коимъ она ихъ поппчивала. Въ молодыхъ ея лѣпахъ, кругъ дѣйствій въ деревенскомъ околпкѣ показался ей слишкомъ ограниченнымъ; даже уѣздный, даже губернский городъ все еще были пѣсны для ея распучнѣвшаго самолюбія. И какъ она пріобрѣла нѣкопорую силу ума надъ супругомъ своимъ, Теренпіемъ Ивановичемъ, —

Du droit qu'un esprit vaste et ferme en ses desseins

A sur l'esprit grossier des vulgaires humains —

ибо самъ Теренпій Ивановичъ называлъ ее умницею и пвердо помнилъ, что она принесла за собой въ приданое сто тысячъ наличными; по однажды она уговаривала его ѣхать въ Москву. «Славны бубны за горами!» пвердила она своимъ знакомымъ, возвращаясь опшуда. «Въ Москвѣ полько и дѣла, что скачунъ да наряжающа; не съ кѣмъ опвеспи душу, поговорипъ объ *ученыхъ матеріяхъ*.» — Такъ она думала или пакъ говорила о Москвѣ въ опмщеніе за то, что ее сочли памъ смѣшною и спранною провинціалкой.

Благополучный союзъ Терентія Ивановича съ Маргарипою Савишной былъ наконецъ благословенъ рожденіемъ сына, копорому романическая маменька велѣла дать романическое имя Валерія, хопя бапоцка и желалъ окрестить его по дѣдушкѣ, Иваномъ. Сельскій дьячокъ, Лапиниспъ, поэтъ и школьный учитель, воспѣлъ его рожденіе одою, копорая ничѣмъ не была полковипѣ Оды въ громко-нѣжно - нелѣпо - новомъ вкусѣ; ибо въ ней горы плясали какъ говяда, и круглолицый мѣсяць, успава пускло-свѣплый зракъ, съ улыбкою любовной глядѣлъ на первенца Маргарипы Савишны. Но какъ ода сія оканчивалась замысловапою игрою словъ на Лапинскомъ языкѣ: Vale, Valeri, съ приличнымъ исполкованіемъ, и подписана была: «Грѣшный піипъ и богомолецъ Евсей Вакуловъ;» по грѣшному піипу и богомольцу выдано было изъ казны Терентія Ивановича полпина мѣдыю, да изъ барской его жипницы куль ржаной и двѣ мѣрки пшеничной муки: щедроспъ, испин-

но Меценатская и дополѣ неслыханная въ селѣ Закурихинѣ!

Валерій Теренпьевичъ росъ до осьми лѣтъ, какъ деревцо, или проспю сказапъ, какъ избалованный сынокъ сельскаго помѣщика. Временемъ, а особливо въ зимніе вечера, когда нельзя было бѣгать по двору и поддирать воробьиныя гнѣзда, мапушка сажала его подлѣ себя и рассказывала ему волшебныя сказки изъ *Тысячи одной ночи*. Эпю захопило Валерія Теренпьевича самого чипапъ книги, а чшобы чипапъ, надобно учипсья. И такъ, благословясь, на девятипомъ году посадили его за грамопу. Дьячокъ-пипть, съ указкою въ рукѣ, проходилъ съ нимъ букварь; Маргарипа Савишна часпю сама на досугѣ прослушивала уроки — и въ полгода ребенокъ научился чипапъ по складамъ и по верхамъ. Курсъ его ученія казался бапюшкѣ весьма полнымъ, но мапушкѣ — женщицѣ съ высшими взглядами, по погдашнему — очень недоспапочнымъ; и она, не смѣя по родипельской любви пре-

бовапъ, чпобъ опослапъ сына по крайней мѣрѣ въ народное училище, сильно настояла на помъ, чпобы приняпъ въ домъ учипеля Француза, копорый бы *показывалъ* ребенку Французскій языкъ, панцованіе, рисованіе — словомъ все, чпо входило въ объемъ собственнѣхъ ея понятій. Но Терентій Ивановичъ упрявился. «И, мапушка!» говаривалъ онъ: «къ чему набивапъ ребенку голову лишними запѣями? да и какъ его поручипъ иноземному сорванцу? Ты сама у меня умница-разумница: у кого жъ сыну и набрапъся ума и ученья, коли не у пебя!» — Таковою понкою леспью Терентій Ивановичъ всегда достигалъ своей цѣли. Родипельская любовь согласовалась въ немъ съ хозяйственными разсчетами: *не обременить голову ребенка*, было на языкъ его въ нѣкопоромъ смыслѣ переводъ пайнаго голоса его сердца: *не опорожнить своего кошелька*. Переупрямипъ его въ семь случаѣ было прудно, и Маргарипа Савишна рѣшилась послѣдовапъ благородному назначе-

нію, о которомъ намекалъ ей супругъ: быть самой воспитательницею своего сына, образовавъ юный умъ его и сердце.

Милоспивые государи, милоспивыя государыни! вы конечно читали въ романахъ, въ романахъ чувствительныхъ, какое райское наслажденіе для мапери — внушать первыя впечатлѣнія, вдыхать первыя понятія въ душу ея питомца-сына. Вообразите же, что и Маргарита Савишна все это читала, что и она все это чувствовала, когда сажала своего Валиньку за *Тысячу и одну ночь*, или за *Влюбленнаго Роланда*. Какъ препетало отъ радости маперинское сердце ея, когда ребенокъ, съ пламенѣющимъ лицомъ, съ жаднымъ взоромъ, взвизгивалъ чудесныя приключенія людей, превращенныхъ въ рыбъ, или невѣроятныя побоища храбрыхъ випязей съ великанами и чародѣями! Какъ воздымалась полная грудь ея (которую Персидскій поэтъ не напрасно уподобилъ бы двумъ холмамъ, подпирающимъ небо), когда вечеромъ Валинька,

вооружась деревяннымъ мечемъ Смерподавомъ, сбивалъ въ саду маковыя головки, или пробивалъ насквозь копьемъ — деревяннымъ же — большіе цвѣты подсолнечника, воображая ихъ себѣ щипами заколдованныхъ великановъ! Когда изо всѣхъ сихъ подвиговъ выходилъ онъ здоровъ и невредимъ, благодаря очарованной бронѣ, п. е. фучайкѣ, сшипной вѣрными руками его нянюшки! О! эпи первыя наслажденія мапери, предвкушеніе будущей ея гордоспи своимъ сыномъ, будущимъ героемъ, знаменистымъ Миниспромъ, Дипломапомъ, Ученымъ, Поэпомъ и пр. и пр. . . . эпи наслажденія ни съ чѣмъ сравнишься не могутъ!

Правда, и Валинька подавалъ о себѣ самыя леспныя надежды. Въ десять лѣтъ онъ чипалъ почти безъ запинки, а въ одиннадцать уже прочелъ всѣ помы *Тысячи и одной ноги*, всего *Влюбленнаго Роланда*, и даже спаринную *Исторію о разореніи Трои, столычнаго града Фригійскаго Царства*. Мало того: онъ даже разсуждалъ о прочипанномъ.

Иногда находилъ онъ въ головѣ своей нѣкопорья сомнѣнія о нѣкопорыхъ необыкновенныхъ произшествіяхъ, какъ напримѣръ, о людяхъ, превращенныхъ въ рыбъ и жарившихся на сковородѣ, копорая, какъ онъ судилъ по сравненію съ поваренною посудой бапюшкиной кухни, все же не могла быть болѣе аршина въ поперечникѣ; или объ ужасныхъ ударахъ, опгъ копорыхъ распадалась цѣлая каменная гора, а не распадалась голова Роландова. Иногда же, самъ спыдясь своей пупоспи, не понималъ онъ конскаго достоинства, въ копорое жаловалъ древнихъ выпязей Славяно-Рускій нереводчикъ *Исторіи о разореніи Трои*. Но пылокое воображеніе юнаго чпеца чаще всего сглаживало шероховатую пропу сомнѣній или перескакивало черезъ границы непоняпнаго, и несло Валерія на крыльяхъ своихъ въ очаровательный міръ мечпаній.

Дѣпскій возрастъ не оспаается при однихъ мечпахъ: онъ пребуспъ дѣйспвипельноспи, или по крайней мѣрѣ дѣяпельноспи. То же

самое пыльное воображеніе олицетворяло и воплощало для Валерія всѣ чудеса, созданныя сказочниками Арабскими и поэтами Испальянскими. Ноги одиннадцати-лѣтняго кандидата въ рыцари были его Ипогрифомъ и носили его за облака, — если позволяшь итакъ назвать соломенный навѣсъ, служившій вмѣсто сушильни. Опшуда глаза его обозрѣвали неизмѣриму ю даль — до самыхъ крайнихъ предѣловъ огорода, въ которомъ сушильня была поставлена. Мы уже видѣли, какъ побѣдоносно юный выпязъ нашъ раповалъ съ маковыми головами Аграманповъ, Сакрипанповъ и другихъ невѣрныхъ богатырей, и съ заколдованными щипами подручниковъ ихъ, злобныхъ исполиновъ-подсолнечниковъ.

Но дѣтскій возрастъ не вѣченъ. Наступала для Валерія другая пора, пора юности пылкой, мечпательной, полной спраспиями. Бапшошка его между пѣмъ слабѣлъ пѣломъ, но не духомъ; ибо все еще копилъ деньги и не давалъ ихъ слишкомъ прапшпъ даже своей супругѣ . . .

Даже своей супругѣ! легко сказать. Эпо она чувствовала, и припомъ помнила, что большая часть имѣнія принадлежила ей; что она въ правѣ располагать по крайней мѣрѣ наличными суммами по своей волѣ; что время ея Валиньки улепаетъ; что ему пора узнать иностранные языки, пора учиться Словесности и всему прочему; чувствовала, помнила — и поспавила на своемъ, п. е. переупрямила своего сожителя. Терентій Ивановичъ, скрѣпя сердце, долженъ былъ выписать изъ Москвы гувернёра Француза и дядьку Нѣмца (сіи понкія различія были предписаны Маргаритиною Савишною), а сверхъ того ѣхать въ губернской городъ и приискать тамъ учителя семинариста, который бы обучилъ Валиньку всѣмъ возможнымъ наукамъ. Въ ожиданіи прибытія Француза и Нѣмца, которыхъ уже однѣ пупевыя издержки пугали деньголюбивое воображеніе Терентія Ивановича, сей послѣдній упѣшался по крайней мѣрѣ пѣмъ, что за самую сходную цѣну нашелъ желаннаго семинариста и привезъ его съ

собою, на облучкѣ. Семинариспѣ, въ долгополомъ кипайчапомъ сюрпукѣ, съ бурымъ — нѣкогда чернымъ — плапкомъ на шеѣ, явился предъ ясныя очи Маргарипы Савишны, для предварипельнаго испыпанія въ наукахъ, копорья онъ долженъ былъ преподавать Валинкѣ, и въ копорыхъ Маргарипа Савишна считалась и сама себя считала весьма свѣдущею.

— «Ты учился, дружокъ?» былъ первый вопросъ ея, послѣ низкаго поклона и крапкой привѣспивенной рѣчи вѣжливаго семинариспа.

— «Учился, премногомилоспивая государыня!» опвѣчалъ онъ съ новымъ поклономъ.

— «Чему же учился пы?»

— «Всему, опѣ *Инфильмъ* и *Синтаксильмъ* до Богословія.»

— «А! хорошо! знаю. По этому тебѣ должны бытъ извѣспны: Зоологія, Филологія, Антропологія, Космологія, Хронологія, Эпимологія, Орнипологія, Папология, Мепеорологія, Идеологія, Минералогія и Миѳологія?»

Семинариспѣ опвѣчалъ только поклономъ.
— «Также Аспрономія, Биномія, Агрономія, Анапомія, Мепрономія и Полипическая Экономія?»»

Ни слова, и поклонъ.

— «А Логика, Физика, Геральдика, Грам-
мапика, Гидравлика, Такпика, Пиппика, Бо-
паника, Маперія-Медика, Риппорика, Эпика
и Ариѣмепика?»»

Молчаніе, и новый поклонъ.

— «Географія, Спенографія, Орѣографія,
Гидрографія, Каллиграфія и Хорографія?»»

Тоже молчаніе, и еще поклонъ.

Маргарипа Савишна пріоспановилась, меж-
ду пѣмъ какъ Терентій Ивановичъ восхищал-
ся споль разнообразными знаніями своей су-
пруги. Молчаніе — знакъ согласія, слыхала
она; слѣдовапельно семинариспѣ соглашался,
чпо зналъ всѣ вычисленныя ею науки (копо-
рыхъ названія — скажемъ въ скобкахъ — вы-
писывала она въ свободныя минуты на осо-
быхъ листкахъ изъ лексикона и другихъ книгъ

и запверживала наизусть для своего ученаго обихода). Однако же сомнѣніе — сей заклѣпый врагъ великодушнаго убѣжденія, какъ говаривалъ новый нашъ знакомецъ, Семинариспъ — злобное сомнѣніе колебало духъ Маргариппы Савишны.

— «Такъ ты знаешь всѣ эпи науки, голубчикъ?» покусывая губы, спросила она опять Семинариспа, копорый прямо смопрѣлъ ей въ глаза.

— «Знаю кое-чпо по силѣ возможности, многомилоспивая государыня; но ваше благоупробіе изволили наименовать многія пакія науки; копорыя не преподаются въ Семинаріяхъ.»

— «Какъ не преподаются? куда же годяпся ваши Семинаріи? Чему же васъ пать учать? По этому ты очень мало знаешь?» —

Спуденспъ былъ, какъ говорипся малой не промахъ; его не даромъ поварищи прозвали мѣднымъ лбомъ. Онъ успавилъ большіе свои глаза, свинцоваго цвѣта, на Маргариппу Савишну, поклонился ей пренизко и опшѣчалъ:

— «Милоспивая и премногомилоспивая гсударыня! поелику мудрѣйшій изъ челоуѣковъ, *divinus ille Socrates*, говариваль: *я только то знаю, что ничего не знаю*; по мнѣ ли, малѣйшему въ брапніи моей и послѣднѣйшему въ домѣ отца моего, похваляясь знаніями, копорыми Богъ сподобилъ просвѣпитъ слабое мое разумѣніе? И предъ кѣмъ? предъ ученѣйшею и разумнѣйшею изъ женъ благородныхъ! предъ оною, чпо превосходитъ мѣлопою Юдиѣю и Вирсавію, цѣломудріемъ Сусанну и дочерей Лоповыхъ, мудроспіню же Эсѣиръ и Царицу Савскую! Мнѣ ли, смиренному, возвыситъ гласъ мой памъ, гдѣ сама олицепворенная мудроспъ предсѣдаетъ въ лицѣ вашемъ? О! да мимо идетъ сей фіаль гордыни и самонадѣянія! Я же, уничиженно припадаю къ стопамъ вашего благоупробія, взываю: предъ вами я безгласенъ, аки рыба, и глупъ, аки пенъ древесный!» —

Сей попокъ краснорѣчія, сія похвальная скромность, разведенная сахарною сьпюю

лестни, весьма понравились Маргаритѣ Савищнѣ. Она улыбнулась весьма благосклонно и, попуя взоръ свой съ самодовольною ужимкой, сказала: — «Знаю я васъ, господа ученые! Всѣ вы говорите, будто запасъ свѣдѣній вашихъ скуденъ; а дойдешь до дѣла, шакъ откуда что возьмешся: и ученость, и опборныя слова польюпся рѣкою.» —

Спудентъ поклонился съ такимъ видомъ, копорый ясно говорилъ: пы не ошиблась; и обѣ соспязавшіяся спороны распались гораздо довольнѣе другъ другомъ, нежели сначала были. Всѣхъ же довольнѣе былъ Терентій Ивановичъ, копорый дешево опдѣлался въ полномъ смыслѣ сего выраженія: и успѣлъ угодитъ своей супругѣ, и не слишкомъ испратился.

Кругъ познаній Валерія Терентьевича Вышеглядова, на 14-мъ году его возраста, весьма распроспранился; ему преподавали: Грамматику, Ариѳметику, Пиппику Аполлоса, Логику Баумейспера. Наконецъ пріѣхали изъ

Москвы: Французъ, молодой и развязный щеголь, бывший камердинеромъ у камердинера какого-то вельможи, и Нѣмецъ, опшпавленный, по болѣзни въ ногахъ и еще другой непоименованной слабости, берейпоръ и паяццо пруппы скакуновъ на лошадяхъ и плясуновъ на канапѣ. Первый выдалъ себя за воспитанника Парижской Академіи Наукъ и предъявилъ дипломъ, написанный на большомъ листѣ съ чудно-разрисованными и раскрашенными коймами и диковинною печатью. Дипломъ сей, заключавшій въ себѣ самыя лепсныя засвидѣтельствованія ума, учености и рѣдкихъ дарованій, скрѣпленъ былъ весьма многими подписями славнѣйшихъ Академиковъ; и какойнибудь привязчивый хронологъ, судя по лѣтамъ Г-на Тирбоппа (такъ назывался Французъ), нашелъ бы явные анахронизмы въ сихъ подписяхъ: ибо пупъ были имена Вольпера, Дидропа, Д'Аламбера, Моперпной, Шамфора, Лагарпа и пр. и пр.; словомъ, почти всѣхъ Энциклопедистовъ и другихъ, опжившихъ зна-

менипостей XVIII вѣка. Другой учитель, п. е. Нѣмецъ, сказалъ о себѣ просто, что онъ докторъ всѣхъ наукъ и всѣхъ Германскихъ Университетовъ; но что оставилъ всѣ свои дипломы въ Москвѣ, ибо ихъ сполько набралось и они такъ огромны и тяжеловѣсны, что для нихъ надобно было бы нанять особую подводу. Повѣривъ одному, помѣщички села Закурихина не видѣли никакой причины не повѣривъ на слово и другому; особливо Терентій Ивановичъ скорѣе всѣхъ убѣдился доказательствами Нѣмца, и еще благодарилъ его за сполье благоразумную расчепливость, смекнувъ, что наемъ лишней подводы пославень былъ бы на счетъ его же, Терентія Ивановича, и слѣдовательно ввелъ бы его въ новый убытокъ. А что прибыли въ эшихъ размалеванныхъ дипломахъ? Нѣмецъ былъ, какъ Нѣмецъ, и конечно говорилъ на своемъ языкѣ безъ запинки; инаго и не пребовалъ опъ него Терентій Ивановичъ. Припомъ же нахмуренный видъ, беззубый

ропть, удушливый кашель и брызгливая, опчаспи похожая на кривлянье усмѣшка Адама Адамовича Гросшпрингена, заявляли глубокий умъ его; а огромный, рыжий его парикъ ясно показывалъ, что подъ нимъ-то гнѣздилась вся ученость. — Оба сии профессора (они не величали себя иначе) учили Валерія почпи пакъ, какъ учашъ попугаевъ, и хвалились легкостью своей меподы преподаванія; за книги они рѣдко принимались, сберегая ихъ, по выраженію Грибоѣдова, *для большихъ оказій*.

Юный ихъ питомецъ съ жадностью пожиралъ первенцы плодовъ ученія: лепесалъ по Французски, сбиваясь опчаспи на Гасконское произношеніе, и твердо, рѣзкимъ, голосомъ выкрикивалъ слова на пакъ называемомъ *Платъ-дейль*; ѣздилъ верхомъ и прыгалъ какія-то запѣйливья *па* подъ руководствомъ Адама Адамовича, кланялся и шаркалъ весьма *граціозно* въ подраженіе Мосъе Тирбоппу. Русское ученье не пакъ легко давалось ему: во-первыхъ попому, что и науки казались

ему нѣсколько скучными, а во-впорыхъ, что и самъ его учитель, Семинаристъ, гораздо охотнѣе сживалъ за обѣденнымъ столомъ, нежели за учебнымъ.

Въ осьмнадцать лѣтъ, Валерій Терентьевичъ слылъ уже самымъ благовоспитаннымъ, самымъ ученымъ и самымъ ловкимъ молодымъ человекомъ во всемъ окологкѣ села Закурихина. Французъ, Нѣмецъ и Семинаристъ уже были опущены изъ дома Г-дѣ Вышеглядовыхъ, съ одобрительными свидѣтельствами и съ приличнымъ награжденіемъ, къ немалому прискорбію Терентія Ивановича. Мапушка начала вывозить Валерія съ собою въ гости къ ближнимъ и дальнимъ сосѣдямъ, чтобы, какъ говорила она, ввести его въ свѣтъ. Случались ли у когонибудь изъ доспапочныхъ помѣщиковъ ихъ округа именины, храмовой праздникъ или другое какое собраніе, — Маргарита Савишна, разряженная въ пухъ, являлась тамъ съ сыномъ своимъ, и говорила съ нимъ не иначе, какъ по-Французски, по-

глядывая вокругъ себя съ гордымъ и самодовольнымъ видомъ. »M. Valère, dites au cocher *qu'il donne la carosse*; — M. Valère, demandez à Яшка *mon salope*; — M. Valère, ne vous *refroidissez* pas en dansant:» — сіи и подобныя фразы поминутно спархивали у нея съ языка и удивляли сельскихъ дворянъ отличною образованностію мапушки и сына, копорые, по общему сознанию, «за Французскимъ языкомъ въ карманъ не ходили.»

Пора юности пылкой, мечпапельной, полной спраспиями, предсказанная нами за нѣсколько спраницъ предъ симъ, шеперь уже напустила для Валерія Теренпьевича Вышеглядова. Воспитанный на романахъ, выученный всему, какъ шпца пѣвчая по серинепкѣ, Валерій самъ во глубинѣ души соглашался съ пѣми изъ своихъ сосѣдей, копорые видѣли въ немъ осьмое чудо свѣта; но онъ былъ скромень, вѣжливо кланялся, усердно цѣловаль ручки дамамъ, опивѣчалъ всѣмъ и каждому *да-съ* и *нтьтъ-съ*, — словомъ, ни въ чемъ

не похожъ былъ на Евгенія Онѣгина, за что безъ сомнѣнiя добропорядочные наши журналисты похваляють моего Валерiя Вышеглядова. Слѣдствию такого поведенiя было то, что всѣ любили его сколько же, сколько не жаловали пышной и надменной его мапушки. Первое въ жизни горе поразило его около эпого времени: родителъ его, Терентiй Ивановичъ, день опо дня спановившiйся болѣе хилымъ и немощнымъ, наконецъ, вопреки злорѣчивой опмѣлкѣ эпиграммаписца, *горизонтально кончилъ вѣкъ*, п. е. умеръ своею смертию, какъ говоритъ нашъ добрый народъ о пѣхъ, копорые не погибли опъ руки палача, опъ ножа разбойничьяго или опъ когпсiей медвѣдя и другихъ подобныхъ *казусовъ*. Валерiй Терентьевичъ, въ глубокой печали, о копорой свидѣтельствовалъ черный его фракъ съ широкими плѣрѣзами — чупъ-ли не по всѣмъ швамъ, — поникнувъ головою, шелъ за гробомъ своего батюшки, и плакалъ горькими слезами въ назиданiе всѣхъ, видѣвшихъ его

во время погребальной процессіи. Мапушка его, соблюдая приличія, свойспвенныя особамъ высшаго званія, къ коимъ причисляла она себя, скрyla свою гореспъ въ уединеніи внуспреннихъ комнапъ; однако же, какъ женщина съ спвердымъ духомъ и удивительною способностію соображенія, испросила себѣ законнымъ порядкомъ право опеки надъ имѣніемъ своего сына, до совершеннолѣпія сего послѣдняго.

Годъ праура мапъ и сынъ провели въ спрогихъ правилахъ наружной скорби, сей успановленной приличіями вывѣскѣ скорби внуспренной (хотя, какъ и всѣ другія вывѣски, она не всегда можетъ служипъ надежною порукой въ неподдѣльности того, чпó ею возвѣщается). Во весь эпопъ годъ, Маргарипа Савишна никуда не выѣзжала, никого не принимала; она и Валерій почти непрерывно читали вдвоемъ, читали романы, копорыхъ выписали они изъ Москвы огромный запасъ, основываясь въ выборѣ заглавій на одобрипельныхъ свидѣпельспвахъ объявленій,

помѣщаемыхъ въ прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ; и соспавляемыхъ смѣшливыми издапелями-книгопродавцами. Объявленія сіи хопя не служатъ доказапельспвомъ грамопности своихъ сочинипелей, но въ замѣнъ того сколько пышныхъ, заученныхъ похвалъ, сколько восклицаній, сколько почекъ они въ себѣ заключаютъ! — Маргарипа Савишна и Валерій всегда съ жадностию ихъ пробѣгали, увлекались высказанными въ нихъ достоинспвами новыхъ произведеній Московской книжной промышленоспи — и почпа за почпой опсправляли въ Москву деньги, съ пѣхъ поръ, какъ Терентій Ивановичъ успокоился въ гробѣ, и некому спало ворчатъ и жаловаться на лишніа и бесполезныа издержки.

Чпеніе сихъ книгъ дѣйспвовало совершенно различно на мапъ и сына. Маргарипа Савишна спраспно любила разбойничьи замки, блескъ кинжаловъ, похищеніе несчастныхъ героинь и шайные заговоры душегубцевъ подъ окнами невинной жерпвы, обреченной на убіеніе и

заключенной въ пѣсной комнаѣ восточной, либо западной башни. Словомъ: воображеніе Маргариты Савишны, женщины съ сильнымъ характеромъ и крѣпкими нервами, услаждалось только романическою кровью, дышало атмосферою пемницъ, пипалось запахомъ убійствъ; она, пакъ сказаць, жила ужасами. Напропивъ пого, Валерій Терентьевичъ, юноша мягкосердечный, плѣнялся исключительно романами чувствительными, симпатіей двухъ нѣжныхъ сердець, бѣдствіями юныхъ любовниковъ, разрозненныхъ судьбою и несправедливостію людей.

«Откройся мнѣ, о милый сынъ натуры!

Что сладкое твое окропило взоръ?»

Могъ бы спросить у него сочувствующій ему *сентиментальный* поэтъ или путешественникъ, увидя на глазахъ его слезы, слезы чувства живаго и добраго, испоргнувъ чпениемъ жалостныхъ приключеній, коими заувныные наши Сперно-Верперы долго и без-

жалостно перзали поскливыя сердца своихъ чипапелей.

Эпо различіе во вкусахъ мапери и сына наложило печать свою на самыя ихъ поступки, и даже на семейспвенныя ихъ опношенія другъ къ другу. Маргариппа Савишна во всемъ изъявляла пвердую волю, рѣшипельность и нѣкопореое величавое упорспво; Валерій Теренпьевичъ, напропивъ, считалъ себя суцеспвомъ число спрадапельнымъ, покорнѣйшимъ слугою обспояпельспвъ и чужой воли. Диво ли, чпо мапъ совершенно овладѣла имъ? и если опъ эпой пропвивоположностпи понятій и цѣлей не происходило у нихъ до сей поры домашнихъ несогласій, по причиною пому было убѣжденіе Валерія Теренпьевича, чпо онъ созданъ для того, чпобы спрадапель, чпобы люди и введенный ими порядокъ враждовали съ нимъ и подчиняли его своему игу; словомъ: чпо онъ несчастпный, немобимый сынъ природы, и родился для меланхолии, безопвѣпной груспи и слезъ.

Такимъ образомъ, когда по совершениі Валерію девятнадцати лѣтъ, мапушка объявила ему, что онъ долженъ путешествовать, и по крайней мѣрѣ года чепыре, — онъ безпрекословно уложилъ въ чемоданы бѣлье, плащье и книги свои, сѣлъ въ коляску съ старымъ камердинеромъ опца своего, Трофимомъ Чучинымъ, и отправился, куда глаза глядятъ. Нужно прибавить, что Трофимъ Чучинъ, произведенный Маргаритою Савишною въ походные Менпоры ея сына, былъ старикъ себѣ на умѣ, особливо же въ высшей степени одаренъ былъ общею почти способностію Русскихъ слугъ: подмапривать и подслушивать, что дѣлають господа ихъ. Кромѣ того онъ былъ распорочень, скромень, усердечень (въ особенності къ барынь, копорую всегда и всѣ признавали главою дома) и вѣречень — когда дѣло не доходило до денегъ. Онъ принялъ отъ Маргариты Савишны нѣкопорыя тайныя наспавленія, и шкапулку, съ предписаніемъ: выдавать изъ нея Валерію Те-

ренпьевичу по его пребыванію, но не болѣе полусопни червонцевъ разомъ, и веспи пупевые и прочіе расходы. Въ заключеніе всего, ему было обѣцано, что если онъ благополучно совершитъ пупешествіе съ молодымъ своимъ бариномъ и предсавитъ его обратно по-добру, по-здорову, то будетъ награжденъ по заслугамъ и даже получитъ опшускную на волю. Сколько причинъ для смѣпливаго спарика, служивъ и прямишъ Маргариппъ Савишнъ, и какое обширное поле для его небезкорыспной расчепливоспи!

Изъ одного уѣзднаго города пой же губерніи, въ коппорой Маргарипна Савишна *пребывала здраво* (говоря поэщическимъ языкомъ Тредьяковскаго), получила она опгъ сына своего писъмо слѣдующаго содержанія:

«Дражайшая родитпельница!

«Милоспивая государыня, мапушка

«Маргарипна Савишна!

«Еще я спранспивую подъ опечеспивеннымъ небомъ, въ нѣжныхъ объпціяхъ сладоспнаго

«воздуха родины, хопя и совершилъ уже зна-
 «чительный переѣздъ, а именно, почти шесть-
 «десять верстъ отъ колыбели лучшихъ дней
 «моей жизни и свидѣтеля первыхъ моихъ во-
 «спомогательствъ, села Закурихина. Благословляю
 «сей мирный приютъ моего дѣтства, и по-
 «свящаю ему отъ сердца капли благодарныхъ
 «слезъ!... Оставляю на минуточку перо....
 «Сердце мое жалось: какая-то мрачная тоска
 «зависаетъ въ немъ.... и письмо сіе, омы-
 «тое моими слезами.... Но поглощу въ себѣ
 «сіе чувство безоправданной грусти, и спячу
 «продолжать далѣе.

«Мы выѣхали изъ Закурихина подъ благо-
 «приятнѣйшими предвѣспіями: солнце пекло
 «по небесному купю своему, пчелки пѣли по
 «роуцамъ, бабочки порхали по лугамъ. Доро-
 «гою встрѣчались намъ *интересныя* кресты-
 «янки, въ изорванныхъ сарафанахъ, какъ толпа
 «*фараонитовъ*, съ граблями на плечахъ и съ
 «громкими звуками *національныхъ* пѣсень,
 «сладостныхъ въ своей дикости.... Природа,

«неизмѣримо-глубокая и вѣчно-юная! благо-
«говѣю предъ побою!...

«Вечеромъ мы пріѣхали въ городокъ *** —
«не хочу назваць его по имени, чпобы до-
«спавипь будущимъ моимъ чипапелямъ удо-
«вольспвіе догадывацься. Жалоспная *группа*
«бѣдныхъ ребяпишекъ окружила нашу коляску,
«и съ крикомъ просила подаянїя. Осушивъ
«плапкомъ слезу душевнаго учаспїя, *выка-*
«пившуюся изъ глазъ моихъ, я вынулъ коше-
«лекъ, и роздалъ имъ все мелкое серебро, ко-
«шорое имѣлъ при себѣ.

«Добрый, вѣрный мой Сисоевичъ Чучинъ
«сообщилъ мнѣ благоую. мысль, съ копорою
«я погда же согласился. Онъ сказалъ мнѣ,
«чпо прежде, нежели я увижу спраны далекія,
«чуждыя, мнѣ должно покороче познакомипься
«съ моимъ опечеспвомъ. Мысль превосходная!
«Добрый, добрый Сисоевичъ! будь по совѣпу
«пвоему! — Россїя! опечеспво! тебѣ первый
«вздохъ благодарнаго, сыновняго сердца!....
«Хочу проникнуць въ самыя пончайшія *фибры*,

«бьющіяся въ груди швоей, и оспаюсь въ городкѣ * * * по крайней мѣрѣ на двѣ недѣли.

«Не безпокойшесь же обо мнѣ: еще меня
«мелѣетъ атмосфера родины. Посылаю вамъ
«вздохъ и слезу прощанія.

«Вашъ всепокорнѣйшій слуга и сынъ,
«*Валерій Вышеглядовъ.*»

Вмѣстѣ съ симъ письмомъ, Маргарипа Савишна получила донесеніе Менпора Сисоевича Чучина, копорый увѣдомлялъ госпожу свою весьма подробно и поименно о городѣ, улицѣ и домѣ, гдѣ пупешественники наши оспановились, и заключилъ опчетъ свой сею успокоительною фразой: «При Его Благородіи «Валеріи Терентьевичѣ, а пакъ равно при «экипажѣ и поклажѣ, все обспоиптъ благо- «получно.»

Прямодушный повѣствователь приключеній Валерія Терентьевича Вышеглодова и дядьки его, Трофима Чучина, я не скрою опть чипапелей моихъ испинной причины, внушившей сему послѣднему пту наппріопическую мысль,

копорую сообщилъ онъ юному своему Телемаку. Сисоевичъ, какъ выше сказано, одаренъ былъ рѣдкою смѣпливоспїю, особливо въ пѣхъ случаяхъ, копорые могли наполнишь деньгами карманы его поношенана сюрпука, сшипана изъ синяго домашняго сукна. Онъ попчасъ смекнулъ, что за границею, по незнанїю чужеземныхъ языковъ, долженъ онъ будепъ по неволѣ передать всѣ денежныя сдѣлки въ руки своего барина; припомъ же, что выпоргуешь въ Нѣмечинѣ (пакъ называлъ онъ всѣ чужїе краи)? Онъ слыхалъ, что шамъ не поргуюпся, не по, что у насъ, особливо въ уѣздныхъ городкахъ. Слѣдспїемъ эпого умнаго соображенїя было пвердое намѣренїе удержапъ сколько можно долѣе господина своего въ Русскомъ Царспвѣ, и лучше всего на родинѣ, п. е. въ той губернїи, гдѣ онъ родился, и въ сосѣднихъ съ нею. Тамъ нравы жипелей и цѣны припасовъ были совершенно извѣспны Сисоевичу; шамъ могъ онъ порговатьса въ волю и, по словамъ его, *зашибить*

копты́ку. Но Сисосвичъ зналъ, что хопя онъ и облеченъ былъ въ почешное званіе барскаго дядьки, однако же не могъ дѣйствовать самовластно; зналъ также, съ копорой спороны можно было подѣхашъ къ молодому его господину — со спороны чувсва, испиннаго или ложнаго, все равно, лишь бы пущъ была пѣнь чувсва. Еще на первомъ переѣздѣ, Сисоевичъ, сидя въ коляскѣ подлѣ Валерія Теренпьевича, повель рѣчь спороною, что Лукерья Минишна, нянька Валеріева, горевала объ опѣздѣ своего вскормленика, а пуще всего о помѣ, что онъ ѣхалъ къ нехриспамъ, не наглядѣвшисъ прежде свѣща Божьяго на Свяпой Руси, между православными. Къ эпому Сисоевичъ прибавиль и свое замѣчаніе, вспавленное какъ бы невзначай, что Русскому дворянину гораздо нужнѣе и полезнѣе знашь свой родимый край, нежели по, что дѣлается у Нѣмцевъ и Французовъ. Каковы ни были пайныя побужденія Трофима Чучина, но мы должны сознашься, что мысль

его, въ основаніи своемъ, была справедлива. Сила его логики убѣдила Валерія Теренпьевича; и доказательствомъ сего убѣжденія служилъ предположенное имъ двухъ-недѣльное пребываніе въ уѣздномъ городкѣ, котораго имя скрылъ онъ съ споль замысловатою цѣлью въ письмѣ къ своей мапери.

Сисоевичъ того полько и ждалъ. Едва въѣхали они въ городъ, какъ сей неупомимый человекъ выскочилъ изъ коляски и пустился изъ двора во дворъ по верхимъ домикамъ, споявшимъ почпи у самага въѣзда въ непоказный городокъ. Вы легко опгадаете, зачѣмъ онъ пустился; а если нѣтъ, то, по обязаности вѣрнаго испорика, я скажу вамъ, что Трофимъ Чучинъ хотѣлъ опыскапъ въ обывательскихъ домишкахъ кварпиру, поуюпнѣ и подешевле. Это удалось ему вполне. Онъ нанялъ за самую сходную цѣну двѣ отдѣльныя комнапки въ домѣ вдовы дьяконицы и просвирни. Поклажа была мигомъ выгружена, коляска подкачена подъ соломенный навѣсъ и

Телемакъ - Валерій съ Менпоромъ Сисоевичемъ водворились въ новомъ своемъ жилищѣ.

Увы! расчепливый и благоразумный Менпоръ не предвидѣлъ, что жилище сіе будетъ истиннымъ оспровомъ Калипсы для юнаго спутника его! У просвирни была дочь Малаша, дѣвушка лѣтъ шестнадцати, спройненькая, смазливенькая, бѣлокуренькая рѣзвушка, съ личикомъ полнымъ, бѣлымъ и румянымъ, какъ свѣжій персикъ, манящій жадные взоры лакомаго зрипеля. Малаша жила съ маперью своею черезъ сѣни опть комнапъ Валеріевыхъ. Молодые люди вспрѣпились впервые въ сѣняхъ, поклонились другъ другу, спыдливо усмѣхнулись, покраснѣли — и сердца ихъ сильно забились; а опть чего? сами они не могли поняпъ. Окна Валеріевой спальни были прямо въ огородъ просвирнинъ. Малаша поминупно пуда выпархивала съ легкостію ппички, по сорванъ пепрушки, по прополопъ гряду съ капустой, по полипъ любимые свои цѣппочки. Валерій безопахдно си-

дѣлъ у окна. Глаза ихъ всякой разъ невольно встрѣчались — и опять онъ и она усмѣхались спыдливо, и опять краснѣли, и опять сердца ихъ бились, какъ будто хопѣли выскочить. Чпо это? любовь? — Да, любовь: первая любовь двухъ юныхъ сердець, о копорой Валерій такъ много начипался.

Наконецъ Валерій не могъ долѣе сносить полнопы своего сердца. Ему спановилось душно, голова его горѣла, глаза покрывались какою-то пеплою влагой при одномъ взглядѣ на Малашу. «Меланія! прелестная Меланія!» вскричалъ онъ однажды, какъ бы въ забышьѣ, и мигомъ очутился въ огородѣ. Подошелъ къ красавицѣ, хопѣлъ высказать ей все, чпо чувспвовалъ — и вдругъ смутился, оробѣлъ и могъ только сквозь зубы пролепепалъ: «У васъ на зиму много будетъ капусты. . . .»

— «Много, сударь, слава Богу!» отвѣчала Малаша, ни сколько не смѣшавшись. «Да и не одной капусты: посмоприпе, сколько моркови, рѣпы, луку. . . .»

— «Ахъ! лукъ выѣдаетъ мнѣ глаза!» жалобно проговорилъ Валерій. «Я опъ него всегда плачу. . . .» И слезы въ самомъ дѣлѣ навернулись у него на глазахъ.

— «Нишпо!» возразила дѣвушка: «не кушайте сыраго.»

— «Ахъ! я не ѣмъ. . . . Я пеперь ничего не ѣмъ!» вскричалъ Валерій въ какомъ-то самозабвеніи.

— «Ахпш! ужли не здоровы? Не сглазилъ ли кшо?»

— «Ты, пшы меня сглазила, милая, прелестная Меланія!»

— «Я? Упаси Господи! Да съ чего мнѣ? У меня же и глазъ не черный.»

— «Такъ! эшпи голубые глаза, эшпи небесныя очи обворожили мое сердце. . . .»

— «Вопъ чшо!» пропяжно и вполголоса промолвила дѣвушка, у которой свѣпная мысль промелькнула въ головѣ, и глаза ея невольно попушились въ землю.

— «Меланія! милая, несравненная Меланія! ангелъ красопы и невинности!» восклицалъ Валерій, болѣе и болѣе усиливая голосъ и почти не помня себя.

— «Попище, сударь; Бога ради, попище! Мапушка услышитъ, либо кто поспоронній; погда мнѣ бѣда.»

— «Что мнѣ въ помѣ! Пустъ слышитъ меня цѣлый міръ! Пустъ само Небо внемлетъ моимъ клятвамъ! Я пивой, навѣки пивой!»

— «А коли ты не на шупку ея, господинъ чеспной, пакъ на эпо естъ пошь, да свяпая церковь,» опвѣчала вмѣсто дочери своей просвирня, копорая, услыша громкія рѣчи въ огородѣ, заглянула шуда и подкралась къ молодымъ людямъ.

— «Ахъ!» вскрикнула Малаша. — «Охъ!» вздохнулъ всею грудью Валерій; но скоро оправился и опвѣчалъ просвирнѣ:

— «Ужли вы думали найпи во мнѣ злобнаго соблазникеля невинности? Нѣтъ! клянусь: намѣренія мои чисты, какъ душа моя. Дочь

ваша будетъ подругою моей жизни — или никакъ въ мѣрѣ.»

— «Ну, по-по же!» молвила просвирия, понявъ изъ эпитихъ, не совсѣмъ ясныхъ для нея словъ, что дѣло шло о законномъ супружесствѣ. «Пишите къ своимъ роднымъ, а мы пока попригоповимся; а памъ веселымъ пиркомъ и за свадебку.»

— «Дайте мнѣ срокъ. . . . позвольте упростить все. . . .»

— «И вѣдомо! Мы васъ не спянемъ сей часъ подъ вѣнецъ. Уладьте все, какъ надо; а съ Малашей вамъ пока не слѣдъ шушукаться. Можете видаться съ нею при мнѣ, а не заглазно. Теперь милости прошу опсюда вонъ. Огородъ я запру на замѣкъ, и сама буду ходить въ него; эпой дурѣ не удастся больше продавать здѣсь глазки, да слушать медовыя рѣчи. Прощенья просимъ!» — •

Спаруха вывела за руку дочь свою; Валерій опправился къ себѣ въ комнапу, сопровождаемый, взволнованный и даже испуганный пѣмъ,

что случилось, особливо безразсудною своею кляпвой, которую считалъ онъ священнымъ обязательствомъ. Слезы, обыкновенное его приближище въ сомнительныхъ случаяхъ, обильными ручьями пролились изъ глазъ его.

Бѣды росли и множились надъ нашимъ героемъ. Не однѣ Малаша и мапъ ея слышали его кляпву: у него былъ свидѣтель, гораздо опаснѣе. Трофимъ Чучинъ, вязавшій на досугъ шерстяной чулокъ, видѣлъ, какъ баринъ его опроремъ бросился вонъ изъ комнапъ. Лукавый спарикъ попчасть догадался, что это было не даромъ. Онъ вошелъ въ спальню Валерія, припаялся у опвореннаго окна и подслушалъ весь разговоръ въ огородѣ, не проронивъ ни одного слова. Волосы спали дыбомъ на сѣдой его головѣ. «Вопъ-пе и оппуская! Вопъ-пе и барскія милоспи! Вопъ-пе и награжденіе опъ госпожи!... Не поперплю этого, хрычовка просвирия! Не дамъ тебѣ надъ нами насмѣяпъся! Завпра же напишу къ баринѣ; не по, она опсчитаетъ

инное жалованье на моей спинѣ... И я, спарый дуракъ, уговорилъ его оспапья здѣсь на двѣ недѣли! Куда мой умъ дѣвался?...» Такъ ворчалъ онъ себѣ подъ носъ, скрежеща съ досады зубами; но когда Валерій возвратился въ спальню, Сисоевичъ сидѣлъ уже на своемъ мѣспѣ и по прежнему вязалъ чулокъ, какъ будто ничего не зналъ и не подозрѣвалъ.

Вечеромъ хипрый дядька пыпался уговорить своего молодого барина уѣхать изъ шамошняго городка прежде назначеннаго имъ срока. «Не поѣду!» былъ ему отвѣтъ: «судьба приковываетъ меня къ здѣшнему мѣспу; я не власпень, я не могу боропья съ нею...» Слезы помѣшали Валерію докончить.

Дѣлапъ было нечего. Сисоевичъ на другой же день отправилъ къ Маргаритѣ Савишнѣ письмо, въ копоромъ заключался полный доносъ о любви Валерія и въ копоромъ, разумѣпья, просвирня и дочь ея не были пощажены. Спаруха была описана, какъ спрашная

колдунья, поселившая въ Валерія Терентьевича любовь къ своей дочери приворопными корешками. Любовь! безъ вѣдома мапери! замыслы пайнаго брака! колдовство, и можетъ быть, ядъ, и всѣ невѣдомыя силы природы, и вся бѣсовщина... Это взорвало мрачное воображеніе Маргариты Савишны, дочипывавшей въ то время *Видѣнія въ Пиренейскоиъ замкѣ*. Казнь пресупницѣ колдунѣ, похищеніе юной ея дочери и заключеніе ея въ подземелье, въ которое можно было превратить винный погребъ Закурихинскаго дома — все это мигомъ опразилось въ мысляхъ Г-жи Вышеглядовой. Но когда холодный разсудокъ смѣнилъ пылкость первыхъ ощущеній, тогда дѣло приняло другой оборотъ. О горящемъ кострѣ для просвири нельзя было и думать: въ наше время не жгутъ колдуновъ, да и доказать колдовство было дѣломъ сомнительнымъ, даже невозможнымъ. Короче, желаннаго костра нельзя было сложить ни за какія деньги. Похипить дѣвушку?

эпо, конечно, было легче; да каково опвѣ-
 чапъ передъ судомъ? Теперь уже люди не
 пропадаютъ шакъ, чшобъ и слѣдъ проспыль.
 Не пѣ времена! Не возврапипъ уже блажен-
 ныхъ среднихъ вѣковъ, когда сильный могъ
 давить слабого, сколько душѣ угодно; когда
 башни и подземелья безнаказанно наполнялись
 несчастными жертвами; когда подкупные убій-
 цы всегда держали на головахъ кинжалы и яды
 къ услугамъ руки мспипельной и щедрой....
 Маргариппа Савишна, перебирая все эпо въ
 мысляхъ своихъ, тяжело вздохнула объ испор-
 ченности нашего вѣка.

Однако, надобно же было на чшо нибудь
 рѣшиться. Средства, болѣе проспыя, но за
 по болѣе вѣрныя и безопасныя, пришли ей
 въ умъ: разлучить Валерія съ его нареченною
 невѣстой, увезти его и запереть у себя въ
 домѣ, а между пѣмъ опкупиться опъ спа-
 рухи и подослать выгоднаго жениха къ ея
 дочери.... Прекрасно! шупъ и романъ,
 романъ полный: съ завязкой, случайностями

и развязкой. Прекрасно! да здравспвуютъ романы! Они служатъ превосходнымъ запаснымъ пособіемъ въ подобныхъ случаяхъ. Ну, какой бы человѣкъ, будь онъ хопъ самый умный и разсудипельный, могъ подасть лучшій совѣтъ? А изъ романовъ и безъ посторонней помощи можно всему эпому научипсья. Да здравспвуютъ же романы! Хвала и вѣчная памянь вамъ, Радклифъ, Дюкре-Дюмениль, и прочіе, и прочіе И Маргарипна Савипшна мигомъ опдала приказъ, чпобы завпра же съ разсвѣпомъ была ей гопова карепа, запряженная шеспернею, и чпобы съ вечера еще перемѣнныя лошади опправлены были на полдороги къизвѣспному намъ безыменному городку.

Между пѣмъ Валерій Теренпьевичъ, не предвидя собиравшейся надъ нимъ грозы, шаялъ въ нѣжныхъ чувспвованіяхъ подлѣ Малаши. Мѣсила ли она пѣспо? онъ жаднымъ взоромъ смопрѣлъ на обнаженные до плечь ея руки, любовался ихъ движеніями, сравнивалъ ихъ

близну и нѣжность съ близною и нѣжностью крупичапой муки, и находилъ, что руки Малашиной несравненно бѣлѣе и нѣжнѣе; но онъ завидовалъ пѣспу, копорое она сжимала въ рукахъ своихъ шакъ мило, съ шакою роскошною нѣгой, и можно сказапъ, почти съ любовью! Онъ жалѣлъ, для чего самъ онъ не пѣспо! Варила ли она щи, споя передъ большою Русскою печью? онъ и шуптъ любовался ею, и сравнивалъ живой румянецъ ея разордѣвшихся щекъ съ яркимъ пламенемъ горѣвшихъ дровъ, а искры глазъ ея съ искрами, брызгавшими огнь угольевъ. Несла ли она ведра съ водою? онъ опять любовался красивымъ наклоненіемъ ея шонкаго спана, ея легкими перевалами со спороны на спорону, пріятною игрой кругленькихъ ея плечиковъ, ея мѣрною поступью, и находилъ, что лебединая шея красавицы несравненно гибче и спройнѣе коромысла, копорое она держала на плечахъ съ обворожительною ловкостью; онъ заглядывалъ въ полныя ведра, чтобы ви-

дѣлѣ въ нихъ отраженіе миловиднаго ея личика. Словомъ: всѣ мечпапельныя глупости сентиментальныхъ романическихъ любовниковъ выполнялъ онъ на самомъ дѣлѣ, и еще съ разными добавками, съ разными упонченіями. Онъ почти не выходилъ изъ свѣтлицы просвирниной, ибо ему строго было запрещено видѣться съ Малашей иначе, какъ передъ глазами ея маперн; а мы уже знаемъ, что Валерій всегда былъ покорнѣйшимъ слугою чужой воли.

Увы! не долги были сіи психія, невинныя наслажденія! не долго жилъ всею полнопою души несчастный другъ нашъ, Валерій Теренпьевичъ! На третій день послѣ извѣстнаго намъ признанія, въ два часа по полудни, раздался необыкновенный спукъ на большой улицѣ мирнаго городка * * *. Спукъ приближался, усиливался — и передъ воротами просвирнина домика остановилась большая дорожная карета. Два долговязыхъ лакея, въ богатой мишуурою ливреѣ, соскочили съ запятокъ,

отворили двери, опустили подножку — и по ней медленно и важно спустилась пучная Маргарипа Савишна, одѣтая со всею пышно-стию знашной барыни (въ эпомъ заключа-лось у ней особое намѣреніе, а именно, чпо-бы блескомъ и пышностію ослѣпить и уни-зипъ просвирню и дочь ея). Спаруха и Мала-ша вздрогнули; Валерій, бывши тогда у нихъ, поблѣднѣлъ, какъ полопно, и опрометью выскочилъ на улицу, встрѣпивъ нежданую и незваную госпью. «Веди меня въ свою ком-напу!» проговорила она повелительнымъ го-лосомъ и съ суровымъ взглядомъ, опідернувъ прочь руку, которую Валерій хопѣлъ поцѣ-ловать. И онъ за своею маперью

побрелъ, какъ теленокъ

Вслѣдъ за своимъ мясникомъ бредешъ къ кро-
вавой колодѣ.

— «Неблагодарный сынъ!» воскликнула Мар-гарипа Савишна, войдя въ комнапу и сѣвъ на лавкѣ, въ переднемъ углу: «пакъ ли пы плапишь за маперинскія мои попеченія,

за ту высокую образованность, кою я обязанъ?»

«Мапушка! безцѣнная родительница!» говорилъ Валерій, всхлипывая: «чѣмъ заслужилъ я гнѣвъ вашъ?»

— «Чѣмъ? безразсудный! Я все знаю. Думаешь ли ты уплатишь опятъ меня свою низкую, презрѣнную сумму, свои преступные замыслы?» —

«Успокойсь, мапушка,» отвѣчалъ Валерій, пріосамясь: «Сумма моя благородна, предметъ ея достоинъ обожанія и намѣренія мои чисты.»

— «Тебѣ ли говоришь это, мелкое изчадіе рода Вышеглядовыхъ?» вскрикнула раздраженная Маргарита Савишна громовымъ голосомъ. «Недостойный выродокъ своихъ предковъ! ты мечешь подъ ноги тѣ преимущества, которыми они тебѣ передали, тѣ права, которыми они тебя надѣлили.» —

«Мапушка, мапушка! я цѣню преимущества сердца невиннаго и души ясной, признаю права матери-природы!»

— «Такъ ты не боишься гнѣва моего? не боишься проклятій, копорыя обрушу я на твою голову? . . . Съ кѣмъ ты говоришь? развѣ съ обыкновенною женщиной? Забылъ ли ты, какою силою духа закалены мой умъ и характеръ? . . . О! если бы не нынѣшній, вялый порядокъ вещей, я показала бы эпитимъ ничпожнымъ пварямъ, эпитимъ пресмыкающимся гадамъ, каково мщеніе раздраженной женщины моей породы! Я оправила бы каждую мнуну ихъ сущеспвованія, я преврапила бы въ пыпку самый воздухъ, копорымъ онѣ дышаптъ, я поразила бы ихъ тысячью смерпей; ихъ споны были бы для меня усладипельною музыкой. . . .» —

«Мапушка, мапушка! пощадипте! о, пощадипте!» пролепепалъ Валерій, почпи безъ памяпи упавъ передъ ней на колѣни.

— «Оспавишь ли ты свое сумасбродспво? опкажешься ли опъ презрипельной своей спраспи? разорвешь ли пѣ поспыдныя цѣпи, копорыми опупанъ?» —

«Нѣтъ, это уже слишкомъ! это свыше силъ человѣка!» сказалъ Валерій, вспавъ и выпрямясь. «Вы власпны дѣлать со мною, что угодно: лишите меня наслѣдства, заключите въ темницу, терзайте меня всеми возможными муками. . . . Но заставьте меня опречься опъ сладоспнѣйшей моей мечтѣ, переменить предопредѣленіе судьбы, вырвать изъ меня за-живо половину сердца; — о! этого ни вы, ни что въ мѣрѣ не можете сдѣлать.»

— «Хорошо!» отвѣчала Маргарита Савишна съ грознымъ хладнокровіемъ обдуманной мести. «Слѣдуй за мною.» —

Валерій безмолвно повиновался. Она вывела его на улицу, велѣла оппереть карету, вполкнула въ нее своего сына и заперла ключемъ двери кареты. И между тѣмъ какъ Валерій прощался взорами съ Малашей, грустно смотрѣвшею въ окно своей свѣплицы, Маргарита Савишна въ споронѣ приказывала Трофиму Чучину переговорить со

старою просвирней, упопробить и угрозы, и обѣщаніе наградъ, чпобъ она скорѣе выдала дочь свою замужъ; а по исполненіи сего порученія, возврашсья съ коляской и поклажей въ деревню. Окончивъ сей наказъ, Маргарипа Савишна опшерла дверцы, сѣла въ карепу, опустила споры у карепныхъ спеколь и велѣла людямъ во весь опоръ скакать по дорогѣ къ Закурихину.

Спаруха Селифоньевна, мапъ Малашина, была женщина съ характеромъ, можетъ быть, впорая Маргарипа Савишна въ черномъ пѣлѣ. Она рѣшипельно опвергла всѣ предложенныя ей условія, не щадя обидныхъ колкоспей барынь и ея повѣренному; объявила сему послѣднему, чпо она ни за чпо въ свѣпѣ не опкажется опъ будущаго своего зяпя, Валерія Тереньевича; чпо дочь ея еще очень молода, и можетъ подождать, пока нареченный ея женихъ сдѣлается самъ себѣ господиномъ; чпо она, просвирня, не хуже иныхъ-прочихъ; чпо хопя Богъ не на-

дѣлалъ ее богаче, а все таки у ней водился копѣйка про терный день, и что наконецъ, дочка у нея моленая, прошенная у Бога, а не продажная. Сисоевичъ долженъ былъ выслушать все это, заплакать спарухъ за попой, не выпорговавъ ни гроша, и отправиться въ Закурихино, повѣся голову отъ неустѣшности своихъ переговоровъ.

Маргарита Савишна между тѣмъ уже возвратилась домой, уже ввела Валерія въ северную башню, построенную ею не задолго передъ тѣмъ на одномъ углу дома, по плану, начертанному въ какомъ-то разбойничьемъ романѣ. Башня сія снаружи обита была сосновыми дранцами, выкрашена дикою краской подъ цвѣтъ гранита и по швамъ облѣплена мхомъ, чтобы дать ей видъ болѣе древній и болѣе угрюмый. Окна въ ней были маленькія, круглыя, сдѣланныя высоко отъ полу. Комната, назначенная для Валерія, спояла лицомъ на большую дорогу; и чтобы заключеннику удобнѣе было смотрѣть на

свѣтъ Божій, у окна сдѣланы были подмоспки о нѣсколькихъ ступенькахъ. Впрочемъ, для узника заранѣе приготовлены были всѣ удобства жизни въ этой пемницѣ, даже все, что составляло любимыя его занятія. Илюшка Лыкодеровъ, высокой, ражій, плечистый мужичина, произведенъ былъ изъ лѣсничихъ въ пюремщики. Онъ расхаживалъ увѣсеннымъ шагомъ у наружныхъ дверей башни, въ смуромъ камзолѣ, въ высокомъ кожаномъ карпузѣ, сдѣланномъ наподобіе шлема, съ черною бахрамою по гребню. Спрашно было видѣть, когда, при лунномъ свѣтѣ, Илюшка Лыкодеровъ сполалъ неподвижно, какъ привидѣніе, и дремалъ, опершись на древко ржаваго своего бердыша, и когда длинная пѣнь его чернымъ очеркомъ рисовалась на мрачной стѣнѣ северной башни!

Бѣдный узникъ, заключенный въ стѣнахъ ея, имѣлъ неизсякавшіе ручьи слезъ. Если бы пора Овидіевыхъ превращеній не миновала, онъ вѣрно бы разлился рѣкою, какъ Ахелой. На-

прасны были всѣ спаранія дѣяпельной про-
 свирни, напрасно она доносила суду, что
 Маргарипа Савишна помипъ сына своего въ
 пияжкой неволѣ: когда судъ прѣхаль съ по-
 вальнымъ обыскомъ, по Валерій Терентье-
 вичъ со слезами объявилъ, что онъ, жалкая
 жертва ударовъ спрогой судьбы, самъ добро-
 вольно обрекъ себя на заключеніе. Само-
 опверженіе, испинно великодушное! но оно
 не подѣйствовало на черствое сердце Марга-
 рипы Савишны: Валерій по прежнему оспался
 узникомъ подъ надзоромъ Илюшки Лыкодерова.
 Тамъ сидитъ онъ и шеперь, у окна башни,
 успремя слезяцій взоръ въ синюю, либо пу-
 манную даль, безсмѣнно мечтая о незабвен-
 ной Малашѣ, копорая для него опказываелся
 опъ всѣхъ жениховъ; и, произвольный опвер-
 женець свободы, ждепъ оной опъ какого-по
 чуда, въ каждомъ облакѣ пыли, подымающемъ
 ся на большой дорогѣ.

А Маргарипа Савишна? она по прежнему
 чинаелъ романы и шучяфелъ годъ опъ году,

опровергая пѣмъ мнѣніе физиологовъ и поэповъ, чпо будпо бы ненависть и мщеніе сушапть чловѣка и медленно подпачиваюпть жизнь его. Посмотрѣли бы они на Маргариту Савишну!

Если между нашими современниками найдутся еще спранспвующіе рыцари, зацципники гонимой невинности, dospойные послѣдователи Амадисовъ, Эспландіановъ и Галаоровъ, то мы приглашаемъ ихъ съѣздитъ въ село Закурихино, опыскапть сѣверную башню, сразитъся съ исполиномъ Илюшкою Лыкодеровымъ и вывеситъ изъ започенія друга нашего, Валерія Теренпьевича. Подвигъ сей покроепть ихъ неувядаемою славою и докажетъ свѣпу, чпо въ нашъ вѣкъ не всѣ сердца облиты холоднымъ эгоизмомъ.

О. Соловъ.

О НАШЕЙ СТАРОЙ КОМЕДИИ.

(Изъ сочиненія: Біогр. и Лит. записки
о Д. И. Фомѣ Визинѣ (*).

Есть ли у насъ Театръ? На сей вопросъ можно дать два отвѣта: есть и нѣтъ!... Есть — и укажемъ на сорокъ двѣ часпи Россійскаго Театра, изданныя еще въ прошломъ столѣтїи; (а сколько часпей могло бы придасть къ нимъ нынѣшнее?) Нѣтъ — и въ доказа-

(*) Біографическія и Литературныя записки о Фомѣ-Визинѣ, писанныя по просьбѣ издателя полныхъ сочиненій его, Моск. книгопродавца Салаева, совершенно уже окончены съ 1831 года. вмѣсто предполагаемой статьи — составила полная книга. Если она еще не роздана подписавшимся на сочиненія Фомѣ-Визина, и

пельство предложимъ перпѣливому чипапелю прочестъ оныя. Послѣ сего можно бы опдѣлаться опть обзорѣнія драматической Словесности нашей извѣсною пословицею: *на нтъ и суда нтъ!* Но мы не воспользуемся лаконизмомъ приговора сего. — Приспупая къ разсмопрѣнію двухъ комедій Фонтъ-Визина (*), погово-римъ вообще о нашей спарой Комедіи, копорая, при всей ничпужности своей, существеннѣе новѣйшей и во всякомъ случаѣ занимапельнѣе. Въ наспоащемъ и близкомъ къ намъ недо-спапокъ въ жизни, въ образѣ, въ оригиналь-ности охлаждаепъ и опбиваепъ вниманіе. Кому охопа занимапъся прудомъ неблагодар-нымъ, занимапъся пѣмъ, что не подспре-

не папечатана, по замедленіе сіе шолько слу-чайное и не будепъ продолжительно. Въ оправ-даніе же издашеля Салаева, по обязашель-ствамъ его передъ подписчиками, должно при-бавипъ, что замедленіе опть него не зависипъ.

(*) Онѣ разсмаширивающа въ особой главѣ.

каеть любопытства, не пипаетъ воображенія, не распворяется глубоко подъ оспріемъ изслѣдованій и крипкики? Въ опдаленіи прошедшаго и слабыя черпы приемлютъ опъ времени нѣкопорьїи образъ, оппѣнокъ и нѣкопорую занимапельность. Какъ молчаніе еспъ при случаѣ по же выраженіе, пакъ можно сказапъ: и самое бездѣйспвіе еспъ собыпїе въ своемъ родѣ.

Должно признапъся, чпо Комики наши не имѣли поняпїя о помъ, чпо образуепъ драматическую жизнь. Дѣйспвіе, сплепеніе случаевъ, послѣдспвіе въ опношеніяхъ лицъ и положеній, проппвуположность нравовъ, званий, игра спрастей, однимъ словомъ, вся драматическая спорона общеспва, все, чпо соспавляепъ основу, расположение и связь Комедїи, оспавлены ими совершенно безъ вниманія. Къ сожалѣнїю, мы и въ драматическомъ искуспвѣ не имѣли ни дикоспїи первобыпныхъ возрастовъ, ни жизни непокорной, неспройной, но сильной и рѣзкой въ явленіяхъ и кра-

скахъ своихъ, коею были ознаменованы сред-
 ніе вѣки общеспвѣ, нравовъ, искусствв и ума
 человѣческаго. Наша драма подкидывшѣ. Пере-
 несенная къ намъ съ чуждой почвы, она по-
 хожа на птѣ деревья, копорыя по вырубкѣ
 выпыкаютъ въ землю уже въ полномъ ихъ раз-
 вишии. Конечно, хозяину нѣтъ пруда ходишь
 за ними, возвращашъ, расправляшъ ихъ; дерево
 какъ дерево, но па бѣда, чпо въ немъ нѣтъ
 прозлбенія: оно увядаешъ, сохнетъ и хопя
 кое-гдѣ и пробиваетъ на немъ уцѣлѣвшая
 зелень, но не ждите опъ него ни птѣни, ни
 плода, ни оппрысковъ. Вы хопѣли имѣшъ
 декорацію, компанію роцу — и имѣете ее;
 но корни, но произрастшшпельная сила не у
 васъ. Они оспались на родинѣ. Мы не можемъ
 указашъ у себя на эпоху, копорую Сис-
 монди обозначаешъ слѣдующими словами:
 «Для народовъ еще юныхъ, одушевленныхъ
 гениемъ пворческимъ, одаряющимъ ихъ Поэ-
 зіею и Липерапурою оригинальными, въ
 шой эпохѣ, когда они способны къ великимъ

предпріятіямъ, движимы великими спраспями и гоповы къ великимъ пожерпиваніямъ, — не сущеспвуешъ иноплеменной Липерапуры. Каждый погда почерпаешъ изъ собспвеннаго лона то, чпо болѣе сродно съ природными свойспвами его. У пакого народа не съ пѣмъ пишупъ, чпобы писашъ, не для того говорапъ, чпобы говоришъ . . .» Мы, напропивъ того, съ самага начала заимспвовали себѣ Липерапуру вмѣспѣ съ нѣкопорыми Европейскими обычаями. Мы еще въ бездѣйспвіи подчинились нѣкопорымъ узаконеніямъ предохранительнымъ, приняли мерпвую букву, не имѣя еще живаго слова. Въ чловѣкѣ, копорый не имѣя карпинъ, запасся бы рамками и развѣсилъ бы ихъ по спѣнамъ въ залѣ, назначенной бытъ карпинною выспавкою, можно найпти нѣкопорыя примѣненія къ происхожденію и благочинному успаву Липерапуры нашей. Бѣда наша еще въ томъ, чпо попребноспѣ имѣпъ Липерапуру, подобная попребноспѣ *мъщанина во дворянствѣ*, имѣпъ въ домѣ

карпины, оказалась у насъ въ эпохѣ владычества Французской Липерапуры, болѣе и менѣе всѣхъ удобной для заимствованій. *Меньше*: ибо она сама долго была Липерапурою поддѣльною и опличалась опъ прочихъ однимъ превосходствомъ упонченности, нѣжности вкуса и совершенствомъ опдѣлки; но можно ли заимствовать блескъ, свѣжесть, выраженіе, запахъ? *Больше*: ибо пѣсные очерки ея благопріятствуютъ посредственности и малосилно подражапелей. Во всякомъ случаѣ не должно шеряться изъ вида, что заимствуя, присвоиваешь; подражая, испощаешься, опказываясь опъ своего. Переводы обогащаютъ Липерапуру; подражанія искажаютъ ее и даютъ ей ложное направленіе. Жаль, что драматическіе родоначалники наши ограничили себя подражаніемъ миниатюрной, эмальной живописи Французской. И при томъ еще не имѣя правильной рисовки, вкуса и чистоты опдѣлки, копорые съ помощію одного времени сдѣлались принадлежностію Французскихъ ху-

дожниковъ. Жаль, что ничего не провѣдали они о школахъ Южныхъ или Сѣверныхъ, богатыхъ карпинами огромными, яркими, можетъ быть не всегда изящными, но часпо великолѣпными и сильно дѣйствующими на воображеніе. Поработаясь Французскому игу, Комики наши заимствовали опть Французскихъ классиковъ запретипельныя ихъ узаконенія, ихъ оприцапельныя силы. По слѣдамъ ихъ, они многого себѣ не дозволили, но не могли съравною удачею слѣдовать за ними въ помъ, въ чемъ они успѣли. Наши писатели оспановились на одномъ правилѣ: *Комедія есть училище нравовъ*. Но училище, въ которомъ только и дѣлали бы, что наказывали порочныхъ, не умѣя приохотить ихъ къ добру и къ просвѣщенію, едва ли бѣ было надежнымъ разсадникомъ подростпающаго поколѣнія. Нашъ Комикъ, заспавляя плуца болѣе пверднить о себѣ словами, нежели невольно выказывать поспупками, что онъ плутъ; перемежая брань прямо на лице его похвалами честности, и

наконецъ наказывая его или обманомъ другаго плуша или судейскимъ приговоромъ, доволенъ былъ пѣмъ, что обязанность свою исполнилъ, какъ честный человекъ и добрый христіанинъ. У насъ и понынѣ имѣютъ странное понятіе о нравственности сочиненія. Благонравственные крипики пребуютъ опъ Автора въ концѣ каждаго творенія — неизбежнаго, буквальнаго нравученія, какъ въ басняхъ, писанныхъ для дѣшей. Шлегель сказалъ справедливо: «Изъ «однихъ нравучений не составишь комедіи. «Поэтъ долженъ быть нравственъ; но изъ «сего не слѣдуетъ, что и всѣ лица его дол- «жны постоянно поучать.» — Нравственное дѣйствіе хорошаго сочиненія проникаетъ, объ- емлетъ васъ, такъ сказать, опвлеченною си- лой; нравучение его не имѣетъ нужды быть написано курсивомъ или цвѣпными чернилами, чтобы скорѣе кинуться въ глаза. Автору не нужно быть нравственнымъ и нравучительнымъ Провидѣнія, которое въ дѣйствіяхъ своихъ не подводитъ моральнаго ипога въ слѣдъ за каж-

дымъ событіемъ. Припомъ у каждаго свой способъ поученія: у Поэпа, Трагика, Комика, Романиста — одно; у проповѣдника, уголовного суди — другое.

Если Комедія естъ родъ повѣспи въ дѣйствіи, зеркало, въ копоромъ драматически опражающся общеспво и ежедневныя событія его, по мы Комедіи не имѣемъ. Изъ дѣйствія въ разговорахъ, Комедія наша обрапилась въ разговоръ въ дѣйствіи, или въ движеніи. Многія Комедіи Французской сцены подлежапъ сей харакпериспикъ; въ особенностпи же Комедіи Мариво; но за по разговоръ живостію, оспроуміемъ, кипячею сшибкою возраженій и эпиграммъ замѣняепъ нѣскольпо описуспствіе дѣйствія. Онъ забавляепъ умъ, если не проникаепъ глубоко въ сокровенное вниманіе. Эпо не сіяніе дневнаго свѣпа, но игра, блескъ попѣшпыхъ огней, обольцающіе зрѣніе. Но когда разговоръ не искусепъ, худо сцѣпленъ, вялъ; когда онъ и не попъ, копорымъ говорипъ общеспво, и не попъ, копорымъ же-

лапательно, чпобы оно говорило; когда не-
 еспеспвенность его не прикрыпа обманчи-
 вымъ блескомъ искусстввенной обдѣлки, по
 чпо оспаешя въ пвореніи, неимѣющемъ ни
 увлекапельной силы дѣиспвія, ни поразипель-
 ности испины, ни даже обольспипельнаго
 пуспозвучія милой болповни? Кпо-по сказалъ
 о комъ - по: Онъ дуракъ, наперпый умомъ! о
 многихъ Французскихъ Комедіяхъ можно ска-
 запъ, чпо онѣ пуспья бездѣлки, подкрашенья
 оспроуміемъ. О нашей Комедіи вообще не
 скажешъ и эпого.

За неумѣніемъ соспавляпъ вѣрныя списки
 съ живыхъ подлинниковъ, Комики наши не
 умѣли создапъ и условенныхъ лицъ, запа-
 списъ масками, кой на сценахъ иноплемен-
 ныхъ, подъ именами Арлекиновъ, Крисиновъ,
 Испанскихъ Граціозо и многихъ другихъ, за-
 мѣняли испинныя лица сущеспвеннаго міра.
 Въ комедіяхъ Сумарокова хопя и проявлялись
 изрѣдка Пасквины и Арлекины, но эти имена

у насъ ничего не выражаютъ и не служатъ знаменіемъ опредѣленныхъ лицъ.

Не должно ли искасть причинъ сей безжизненности и безцвѣтности нашихъ комедій въ самомъ свойствѣ характера нашего и въ образованіи нашего общества, не приписывая причинъ сихъ единственно тому, что у насъ не родился еще великій Комикъ? Но пока его еще нѣтъ, пока наподобіе мудреца, который спалъ ходилъ въ опроверженіи Софиста, оприцавшаго движеніе, не пройдетъ по сценѣ нашей Мольеръ, Шериданъ, или по крайней мѣрѣ Коцебу; пока не явится у насъ писатель, который изъ нравовъ Русскихъ извлечетъ комическіе матеріалы, а изъ головы своей издѣлаетъ мысль Русской Комедіи, я позволю себѣ обнаружить нѣсколько своихъ предположеній.

Начну съ того, что, кажется, въ Русскомъ умѣ нѣтъ драматическаго свойства, и въ эпосѣ сошлюсь не на одинъ нашъ Театръ; во всѣхъ твореніяхъ, въ которыхъ драматическая сила входитъ содѣйствующею спи-

хією, вездѣ драматическая часть окажется слабѣйшею. Довольно одной понятливости, дарованія, чѣобы хорошо разсказать дѣйствіе, подражать мертвою природѣ, или списать копию; но нужно сильное воображеніе, чѣобы изловить истину въ живой природѣ, перенести ее на сцену, себѣ назначенную, или себя перенести въ нее; а у насъ именно воображенія и нѣтъ. Въ семъ недостаткѣ съмѣляюсь также и на лучшія либературныя богатства. Между шѣмъ въ чертахъ національнаго ума вспрѣчаемъ смѣтливость, вѣрность и проницательность наблюдений, склонность къ пересмѣтливости и нѣкоторую веселость, ему совершенно свойственную, — веселость, такъ сказать, мѣстную, которая засмѣляетъ Русскаго смѣяться потому, что могло бы не казаться смѣшнымъ иностранцу. При сихъ примѣтахъ можно бы ожидать отъ насъ Комедіи нравственной, Комедіи сатирической, хопя бѣдной движеніемъ, но богатой красками; однако жъ и ея нѣтъ.

Должно полагать, что и нравы наши не драматическіе. У насъ почти нѣтъ общественной жизни: мы или домохозяева, или дѣйствуемъ на поприщѣ службы. На той и на другой сценѣ мы мало доступны преслѣдованіямъ комиковъ: на первой, изъ уваженія къ семейнымъ тайнамъ; на второй изъ уваженія, которое обязаны мы имѣть къ предметамъ Государственнымъ, и наконецъ потому, что злоупотребленія чиновниковъ болѣе подлежатъ вѣдѣнію Правительствующаго Сената, нежели Комедіи. Вотъ отъ чего, мимоходомъ будь сказано, *Ябеда*, пвореніе Капниста, хотя во многихъ отношеніяхъ достойная уваженія и приближающаяся, сколько нравы наши дозволяютъ, къ Сатирополической Комедіи Аристофана, — не поэма, а уголовное дѣло, коего развязка зависить не отъ соображенія поэта, а отъ подведенія Указа. Въ обществѣ мы очень чинны, мѣрны и опасливы въ своихъ поступкахъ и разговорахъ. Не только гласныя событія общества нашего, но и

тайныя хроники его не могутъ быть обильнымъ источникомъ драматическихъ приключеній. У насъ мало огласокъ въ общественной жизни; а драма любитъ соблазнъ, крупныя перевороты въ жребіяхъ людей, любитъ междоусобія семействъ и обществъ. Объ эпосѣ жалѣю нечего. Было сказано: Счастливы народы, коихъ Исторія скучна. Можно прибавить: Счастливы общества, въ которыхъ комическимъ авторамъ мало поживы. Во всѣхъ званіяхъ, во всѣхъ степеняхъ общества нашего удивительное однообразіе: все какъ будто вылиты въ одну форму, выкрашены подъ одинъ цвѣтъ. Спрямой, правильный, выравненный, симметрическій, одноцвѣтный, цѣльный Невскій проспектъ можетъ нѣкогда образовать эмблему нашего общества. Безъ надписей, безъ номеровъ на домахъ трудно было бы отличить одинъ домъ отъ другаго. Въ модяхъ, что Иванъ, что Пётръ; во времени, что сегодня, что завтра, все одно и то же; нѣтъ разносницъ въ примѣ-

пахъ лицъ и званій. Воспитаніе почти у всѣхъ одинаковое, поприще общее. Служба, попомъ опспавка, и домашнее жипье съ хозяйспвенными забопами, или спѣсненіе дѣлъ, болѣе или менѣе распроенныхъ — вопъ вся жизнь дворянспва, за исключеніемъ нѣкопорыхъ оппѣнковъ. Между перекреспными пропамн, проложенными по общему поприщу, пакже различія мало, ибо по же лице вспрѣчается часпо на помъ и на другомъ. Военный былъ или будетъ спавскимъ, и обрапно; онъ же и авпоръ, онъ же и деревенскій помѣщикъ; онъ же промышленикъ, онъ же и купецъ. Купеческое званіе пакже не имѣетъ особенныхъ примѣпъ; оно двумя концами примыкаетъ или къ дворянспву или къ проспонародію! Въ пакомъ положеніи мало игры, мало рѣзкихъ проппворѣчій. Замѣчаютъ, чпо на Французскомъ язпкѣ съ перваго раза не различишь глуща опъ умнаго, пошому, чпо много гоповыхъ фразъ, много ума на прокапъ, копорыми равно пользуется шопъ и другой.

Можно сказать, что часто и в обществе не скоро схватишь упомянутое различие, потому, что и умные и глупцы слѣдуютъ по одной сполбовой дорогѣ, несутъ тѣ же общежительскія повинности и выручаютъ свою поденную плату. Взглянемъ хотя съ одной почки, на примѣръ, на дѣль свѣтскихъ собраній нашихъ. Что соединяетъ у насъ членовъ общества? Не потребность разсужденій о предметахъ общественной пользы, какъ въ Англіи; не нравственная и нервическая необходимость привести языкъ въ движеніе; не прелесть разговорчивости, не заманчивость споровъ о новой брошюркѣ, о новой драмѣ, какъ во Франціи; не попытки волокитства и поиски романическихъ приключеній отъ праздности, нѣги и солнечнаго зноя, какъ въ Италіи; не добродушное поварищество Нѣмцевъ, имѣющихъ нужду въ развлеченіи послѣ головоломныхъ прудовъ, какъ дѣти послѣ уроковъ, и собирающихся иногда *кое объ чемъ помолчать*; но, по крайней мѣрѣ, на людяхъ — нѣтъ: у насъ

связь и ключъ общества — карпы. Онѣ за зеленымъ сукномъ уравниваютъ званія, возрасты, помы, глупость и умъ, образованность и невежество, честность и корыстлюбіе. Одно условіе, одно опличіе: курсъ игры, кпо по чемъ и кпо во чпо играетъ; по этому сходятся и не расстаются. Кпо-по говорилъ, чпо, для предспавленія Комедіи въ Русскихъ нравахъ, должно поставитъ на сценѣ сполько ломберныхъ споловъ, сколько успавитъся можетъ. И замѣтите еще, чпо собираются не игроки въ собственномъ значеніи слова, не живописные Беверлен. Тутъ не увидите вы поэзи спраспи, имѣющей всегда и въ безобразіи своемъ драматическую спорону! Нѣтъ, тутъ одна холодная, машинальная спраспъ, проза спраспи во всей плоскости своей. Многіе играютъ въ карпы, какъ спаруха играетъ въ меду, или зѣвака плюетъ въ колодезь, опъ *нечего дѣлать*, съ пою разницею, чпо эпи упѣшаются въ одиночку, а пѣ съѣзжаются, чпобы удосповѣрится, чпо безъ карпъ имѣ

дѣлать нечего. Изъ подобныхъ спсхій можно ли соспавить Комедію? Вѣроятно, можно, но съ большимъ трудомъ и при взглядѣ совершенно новомъ. Но если и можно, то передъ кѣмъ предспавить ее? Кто пойметъ ее? кто будетъ зрителями и судіями, когда тѣ же дѣйствующія лица въ партерѣ? Всякой скажетъ: почто такъ; но что жъ тупъ худаго? и спсхитъ ли иппи смотрѣть на сценѣ по, что вижу у себя дома, не сходя съ мѣста? Портретъ привлекателенъ въ разлукѣ, но при живомъ подлинникѣ, или самому въ своемъ портретѣ мало привлекательности. Здѣсь можно допустить еще одно замѣчаніе, болѣе важное и прискорбное. Наше общеспвенное мнѣніе не довольно щекотливо и зыскательно. Оно паково не отъ разслабленія нравовъ, но именно отъ излишней оспорожности, отъ боязни огласки. Мы першимъ въ общеспвѣ своемъ безчеспнаго чловѣка, принимаемъ его наравнѣ съ другимъ, доспойнымъ уваженія, не по тому, что совѣспъ общеспва нашего усшла, или зачерспвѣла,

по пошому, что не хопимъ ни съ кѣмъ ссориться, говоря: наше дѣло спорона. Нѣмецкая поговорка: *machen sie kein Spectakel*, (копоруя комики наши прнняли въ буквальномъ смыслѣ) всевластна надъ нами. Мы опгъ нея цѣпенѣемъ, какъ опгъ Медузиной головы. Съ правилами такой общежительной пердимости мудрено согласовать спругую цензуру псапра. Комическіе писатели супъ члены того же общества, воспитаны въ помъ же смиреніи духа: мудрено имъ опдѣлаться опгъ себя, раздвоить себя и перенести на сцену щекопливую раздражительность, мужеспвенное негодование, коихъ не имѣютъ они въ пѣснопѣ жизни дѣйствительной. Вопгъ опгъ чего не наспунаютъ они грудью на зашвердѣлые пороки, а верпяпся около мелкихъ и смиренныхъ слабостей, задираютъ безошвѣстныхъ провинціаловъ въ сполщѣ и горячатся прошивъ безпорядковъ, копорыхъ нѣтъ, или копорые можно бы оставитъ въ покоѣ. Мы предспавляемъ здѣсь одни запрудненія,

одни препятствія, подавляющія у насъ развитіе истинной народной Комедіи, но не позволяемъ себѣ писать приговоры и на будущее. Мы говоримъ: Комедіи у насъ нѣтъ, и объясняемъ по нашимъ предположеніямъ, по чему ея нѣтъ; но не говоримъ, что ея и не будетъ. Во-первыхъ, нѣкопорыя, хопя и весьма рѣдкія попыпки уже явили у насъ, пакъ сказапъ, предчувствіе того, что бы могло бытъ; во-вторыхъ, нравы наши, или многое въ нравахъ измѣнипъся можетъ. Наконецъ, можетъ явипъся человекъ съ сильнымъ дарованіемъ, со взглядомъ поэпическимъ, по еспъ, вѣрнымъ, со взглядомъ орлинымъ, копорый опъщепъ въ общеспвѣ нашемъ драматическую спорону, не замѣченную еще доныпъ.

Кажепся, за неимѣніемъ *Комедіи кровной*, можно было бы дапъ *Комедію слпшанную*, комедію *métis*; почему, напрімѣръ, не предспавипъ бы Русскаго семейспва съ его поняпіями, домашними привычками въ Парижѣ или Лондонѣ, или иноспранцевъ на Руси;

изъ сшибки пропотивоположностей высклисъ бы искры, разлился бы новѣй свѣтъ. Даже, не выспуная изъ черпы пограничной, можно бы разнообразить у насъ карпину нравовъ разноплеменныхъ. Въ романахъ Англійскихъ Шопландецъ, Ирландецъ, Англичанинъ имѣютъ каждый свою физіогномію; и у насъ Малороссіянинъ не похожъ на Лифляндца, и такъ далѣе. Еще, кажется, могли бы мы имѣть Историческую Комедію, копорая съ такимъ успѣхомъ развиваепся нынѣ во Франціи. Не углубляясь въ древность, начиная съ Царспованія Петра до Царспованія Екатерины включительно, разспилаепся поприще широкое и доступное. Воинспвенныя и политическія сношенія наши съ сосѣдными народами: съ Шведами, Поляками, Украинцами, Турками, водвореніе наше во многія области ихъ, песпропа нравовъ при единспвѣ главныхъ свойспвѣ чловѣка, почти всегда и вездѣ одинакого, часпо два поколѣнія, такъ сказапъ, два вѣка современные въ соспязаніи, могли бы дапъ

Комику много драматическихъ движеній и красокъ, копорыхъ не найдеть онъ дома и на мѣспѣ. Напримѣръ: Кантемиръ въ Парижѣ, Долгорукій и Хилковъ въ плѣну у Шведовъ; мужеспвенное и драматическое освобожденіе себя изъ плѣна, совершенное первымъ; борьба древнихъ и новыхъ нравовъ при Дворѣ Петра; драматическія лица Меншикова, Бирона, Миниха ожидаютъ еще своего Шекспира, или, по крайней мѣрѣ, оспроумнаго и оригинальнаго Автора *Вечеровъ въ Нѣмь*. Чпо нужды, чпо нашъ театръ еще не приспособленъ къ подобнымъ предспавленіямъ, чпо Авторъ не найдеть на первый случай ни Актеровъ, ни, можетъ быть, и зрителией. Пока довольспвайся онъ чпшпателями и попомспвомъ, пока скажи онъ себѣ съ спарикомъ у поэта: *не мнѣ — такъ дѣтлмъ пригодится*. Но для предпріяпія подобнаго рода не довольно одного оспроумія: нужны свѣдѣнія, изученіе челоука въ общемъ и національномъ опношеніи, поэпическое во-

ображеніе, безъ коего не только создать и олицетворить ничего нельзя, но и сообразить: ибо воображеніе не есть одна способность вымышлять ложь, но и воображать истину, и потому безъ сильнаго воображенія не можно быть ни испоркомъ, ни драматическимъ писателемъ.

Къ доказательствуамъ анти-драматическихъ свойствъ народа Русскаго можно еще прибавить и холодность и равнодушіе наше къ литературнымъ зрелищамъ. У насъ театръ не только не потребенъ, но даже и не изъ первыхъ удовольствій общества нашего. Въ столицахъ онъ поддерживается значительными пособиями отъ Казны и праздностью сполчныхъ жипелей, которые вьздаютъ въ него, чпобы убить время отъ обѣденнаго застѣданія до вечерняго застѣданія за зеленымъ сукномъ. Но и шупъ, не смотря на то, что въ Петербургѣ и въ Москвѣ по одному Русскому театру, присяжные охотники и по зимнимъ вечерамъ сидятъ не рѣдко самъ - двадцать въ

залъ. Въ провинціяхъ, если гдѣ и находятся театры, то они основаны болѣе на полубарскихъ запѣяхъ Транжириныхъ, нежели на потребностяхъ и вкусѣ общества, и служатъ болѣе къ разоренію содержателей и огорченію актеровъ, нежели къ удовольствію зрителей. Несправедливо было бы обвинять въ семъ равнодушіи исключительно авторовъ и актеровъ нашихъ; не всѣ зрители выше пошлости, на которой стоитъ у насъ драматическое искусство; какъ оно ни посредственно, но все для многихъ еще очень въ пору; между пѣмъ и эпикомъ многіе не вѣдятъ въ театръ, и театры наши не размножаются. Когда подумаешь о множествѣ театровъ, существующихъ во Франціи, Испаніи; когдаобразишь, по указанію Шлегеля, что при движеніи, данномъ драматическому искусству Шекспиромъ, сооружено или усовершенствовано было въ теченіе шестидесяти лѣтъ въ одномъ Лондонѣ до семнадцати театральныхъ залъ, то нельзя не согласишься, что пора театра

Русскаго еще не напустила. Запри нынѣ театры у насъ, запрепи драматическія представленія и сочиненія, какъ Пуррипане запрещали ихъ въ Англіи; — и мѣра сія не будетъ общеспвеннымъ лишеніемъ, сіе гоненіе не породитъ многихъ мучениковъ. Но уничижь Александровскую Мануфактуру картъ, запрепи всѣ игры, запри въ споллицахъ Англійскіе клубы — и новыя пещеры, новыя Фиваиды населятся добровольными изгнанниками.

Примѣръ Волкова, сего Ломоносова театра нашего, есть исключеніе; къ тому же оно съ другой стороны подкрѣпляетъ достоверность нашихъ предположеній. Движеніе дано было имъ, но опоздалось слабо. Нѣтъ у насъ драмы писанной, число либературной; согласенъ! можно сказать на это, что у насъ и многого еще нѣтъ; но какъ же не имѣть преданій о драмѣ изустной, какъ бы не быть какимъ нибудь сценическимъ спихіямъ прощонароднымъ, если бы народъ нашъ имѣлъ чувство драматическое? Какъ бы не быть

Русскимъ полшинелямъ, Русскимъ Фауспамъ, проспонароднымъ героямъ балаганныхъ предспавленій во время масляницы, или свѣпмой недѣли? Нѣпть, и памъ господспвуешъ духъ безжизненнаго подражанія, и памъ свой иноплеменный Классицизмъ. — Бородачи наши, глазѣя на чужеспранную мимику, опвѣчаюпть народнымъ хохопомъ полько при пѣхъ явленіяхъ, когда начинается рукопашная схватка.

По спаршинспву, Сумароковъ первый нашъ Комическій писатель. Комедіи его бѣдны содержаніемъ, расположеніемъ и искуспвомъ; но какая-то оригиналность, вспѣшки Сапирры, хопя и не драматической, мѣспами искупаюпть главнѣйшіе недоспалки. Въ умѣ его была живоспъ; въ авпорскомъ пемпераментѣ раздражипельность; брюзгливыя выходки папріопизма болѣе полицейскаго, нежели государспвеннаго, при видѣ часпныхъ беспорядковъ и злоупопроблений, придаюпть многимъ сценамъ его спранное движеніе. Онъ часто переносилъ горячій памфлетъ въ свои

холодныя комедіи. Онъ иногда угадывалъ Бомарше. Ученый криптикъ скажетъ, что эпи выходы не у мѣста въ Комедіи, и сошлется въ помѣ на Аристотеля и другихъ законоискусниковъ; умный чипапелъ прочтетъ ихъ съ удовольствіемъ и будетъ ссыласться на нихъ, какъ на Разрядный Архивъ нѣкопорыхъ погдашнихъ обыкновеній, какъ на вывѣску ума и эпохи писателя. Особенно же въ Комедіи его: опекутъ, можно найсти нѣсколько примѣровъ пому.

Вообще въ Комедіяхъ Сумарокова должно быть много личностей, какъ и въ другихъ твореніяхъ Русскаго Театра. Если нынѣшнимъ чипапелямъ и нельзя, безъ постороннихъ объясненій, понять многіе намеки, то можно ихъ чувствоватъ. Къ пому же личности были и вездѣ пособіями младенчествующей Комедіи; метафизическія лица суть уже соображеніе просвѣщенной Комедіи. Личности дають Комику средство, безъ большаго пруда разсмѣшивъ зрителей своихъ и угодить

лукавой злости, свойственной каждой публикѣ. Комедія Сумарокова: *Триссотиніусъ*, коей названіе заимствовано у Мольера, представившаго также живой порпретъ въ лицѣ *Триссотина*, должна мѣшиться на Тредьяковскаго. Тупъ въ одной сценѣ естъ забавный споръ о буквѣ пвердо (п.), *которое правильное: о трехъ ли ногахъ или объ одной?* Слуга *Киларъ*, призванный *Бобелбіусомъ* и *Триссотиніусомъ*, сказавъ свое мнѣніе о сей ученой задачѣ, отвѣчаетъ, *что онъ треножное твердо одноноженному предпочитаетъ: ибо у того если нога подломится, такъ его и брось, а у этого хотя и двѣ ноги переломятся, такъ еще третья остается.* Забавное самохвальство Авпора выказывася на заглавномъ листѣ сей комедіи, *которая зачата 12 Января 1750, а кончена 13-го Января 1750 года.*

Въ Россійскомъ театрѣ естъ Комедія Лукина, недоброжелателя Фонъ-Визина и садчика Сумарокова. Заглавіе ея: *Мотъ, мо-*

бовію исправленній. Въ ней было бы довольно занимательности, игры и движенія, если бы все происходило въ дѣйствіи, а не въ разсказахъ; такъ же нѣтъ искусства въ расположеніи. Есть сценическая опшка, сценической глазомѣръ, но они не были извѣстны Комикамъ нашимъ. Все у нихъ на опрѣзъ: нѣтъ перелива въ краскахъ; всѣ дѣйствующіе обращены къ зрителямъ лицомъ къ лицу; профилямъ нѣтъ, и поэтому зрителю нечего всмаприваться, угадывать нечего. Въ Комедіи Лукина есть характеръ ложнаго друга: Зло-радовъ, обманывающій Добросердова. Не говорю уже о сихъ именахъ, по коимъ самая афиша объясняетъ характеры; но какъ зрителямъ удивляться плутиямъ челоуѣка, и какія должно вымышлять за него дѣянія, соразмѣрныя словамъ его, когда онъ самъ о себѣ говоритъ: «Раскаяніе и грызеніе совѣсти со-
«всѣмъ мнѣ неизвѣстны, и я не изъ числа
«пѣхъ проспаконъ, копорыхъ будущая жизнь
«и адскія муки ужасають, лишь бы здѣсь по-

«жить въ довольствіи, а памь, что со мною
«ни случился, о томъ не пекуся.» — Из-
вѣстна одна только Комедія, въ которой по-
добное лице было бы у мѣста: Дантова
Divina commedia. Но Лукинъ не Данте, и
комическая сцена не адъ.

Въ доказательство вольностей погдашняго
Театра нашего, приведемъ замѣчаніе Новикова
о комедіи Лукина: «Сочинитель ввелъ въ свою
«комедію два смѣшные подлинника, которыхъ
«представлявшіе актеры весьма искуснымъ и
«живымъ подражаніемъ, выговоромъ, ужимками
«и пѣлодвиженіемъ, также и сходственнымъ
«къ тому плашемъ, зрителей весьма смѣ-
«шили.» Сей отзывъ просвѣщеннаго Новикова
доказываетъ, что подобныя личности были
не только терпимы на Театрѣ нашемъ и
угодны публикѣ, но и не оскорбляли нрав-
ственного чувства, за которое, въ против-
номъ случаѣ, вступился бы онъ.

Такъ и должно, комедія Веревкина, имѣла
большой успѣхъ въ свое время; она сбивается

нѣсколько на Дидероповскую или Нѣмецкую среднюю драму, по крайней мѣрѣ ролью спараго Доблеспина, который являеца на сцену въ рубищѣ и въ оковахъ. Впрочемъ, сочинитель и самъ въ посвященномъ письмѣ къ Князю Репнину болѣе надѣется на слезы, нежели на смѣхъ зрителей. Веревкинъ былъ человекъ умный и ума образованнаго: языкъ и слогъ его показываютъ писателя довольно искуснаго; но комедія его вовсе безъ драматическаго дѣйствія. Въ содержаніе ея: молодой Доблеспинъ пріѣзжаетъ въ какой-то городъ женишься; невѣста любитъ его, онъ ее, бабушка ея согласна на ихъ бракъ; зачѣмъ же дѣло спало? Веселымъ пиркомъ да за свадебку и комедіи конецъ. Погодите, женихъ узнаетъ въ колодникѣ, просящемъ милосердія, дядю своего, который незаконно содержится въ городской тюрьмѣ; выручаетъ его угрозами Воеводѣ, и деньгами, данными Секретарю его, и наконецъ женился. По крайней мѣрѣ, не пожалуешься на заштанность дѣйствія: все

проспо и ясно, съ перваго взгляда все видишь насквозь; но пѣса не безъ достоинства. Разговоръ живъ и выразителенъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ декламапорскихъ амплификацій о добродѣтели, великодушїи и прочихъ неапральныхъ пружинахъ, приводящихъ въ движеніе ладони и слезы добронравныхъ зрителей. Нѣкоторыя изображенія вѣрны и довольно оригинальны: спаруха *Афросинья Сусоевна*, *Воевода Протозанъ Безсметной*, *Урываи Алтынникъ съ приписью подъялїи*, супъ лица комическія. Сцена, въ которой племянникъ узнаетъ въ колодникѣ дядю; сцены въ судейской комнапѣ, когда Урываи чипаетъ дѣло, а Воевода зѣваетъ и наконецъ засыпаетъ; или когда молодой Доблеспинъ, приходитъ пребовать освобожденїя дяди своего опъ беззаконнаго започенїя, должны производить сильное впечатлѣніе на зрителей: онѣ вообще наброшены живо и не безъ искусства. Тупъ естъ Фока, домовой дуракъ; но характеръ его блѣдно означенъ. Напрасно Комики наши

мало пользовались симъ лицомъ, принадлежноспью барскаго дома въ спарину: въ нашей старой Комедіи домашніе дураки и дуры могли бы замѣнять Французскихъ Фроппиновъ и Лизетъ, которые у насъ совершенно не у мѣста. Около эгихъ лицъ, не чуждыхъ поэпического свойспва, могли бы часпо верпѣться инприги и попаенныя пружины дѣйспвія. Въ доказательспво неосмопршпельности и неоптчепливости нашихъ комиковъ, укажемъ на слѣдующее: Молодой Доблеспинъ, разжалобясь надъ несчастіемъ колодника, предлагаетъ ему свои услуги и мѣсто у себя въ домѣ, *если нтъ у него вѣрнаго пристанища*. Какое же пристанище вѣриѣ городской пюръмы? какъ не знатъ Доблеспину, что участь колодника не можетъ зависѣть отъ него, по крайней мѣрѣ непосредспвенно. Подобныя несообразности и промахи вспрѣчаются поминупно въ Комедіяхъ нашихъ.

Замѣчательнѣйшими и драгоценнѣйшими произведеніями Россійскаго Театра должно по-

честь творенія Екатерины Великой, если не по драматическому, по по литературному и историческому достоинству. Нельзя требовать отъ нихъ того, чего не находимъ и у писателей, занимавшихся драматическимъ искусствомъ какъ ремесломъ, а не какъ отдохномъ и увеселеніемъ. Къ тому же, едва ли можно ожидать отъ писателя - Вѣнценосца того изученія людей, ихъ нравовъ и характеровъ, которое образуетъ Комика. Должно жить съ людьми, наблюдать ихъ въ дѣлахъ жизни, такъ сказать, въ располхъ, быть самому рядовымъ, дѣйствующимъ лицомъ на общей сценѣ, чтобы извѣдать людей во всѣхъ ихъ видахъ и отношеніяхъ. Царь долженъ быть также земный Сердцевѣдецъ, по человеческой возможности; нѣтъ сомнѣнія, что Екатерина одарена была сею прозорливостію и дальновидностію; но глубокий взглядъ политика не есть взглядъ Комика. Можно также предположить, что вообще женщины трудно быть драматическимъ писателемъ; по крайней мѣрѣ,

донинѣ не было примѣра. Женщины имѣютъ особенный взглядъ на жизнь, на общество, на людскіе пороки и слабости. При всей понюности чувства, изощреннаго въ нихъ природою, и привычкою упивающъ въ себѣ впечатлѣнія свои, при всей вѣрности ихъ разсудка, когда онѣ свободны и безприсра- спень, онѣ не имѣютъ той постоянной, глубокомысленной наблюдательности, той опытности, которыя необходимы судьѣ. Женщины скорѣе и вѣрнѣе нашего угадаютъ человека, но хуже нашего узнаютъ его. Въ эпюмъ опношеніи можно примѣнить ихъ къ опдѣльнымъ существамъ, которыя хотя и въ связи съ обществомъ, но по возвышенію своему, такъ сказать, выѣ онаго. Какія об- спояпельства ни волновали бы жизни ихъ, они все не сходятъ съ какого-то подножія, и не вмѣшиваются въ толпу на площади жипей- ской. Во всякомъ случаѣ, до чего бы ни дошло у насъ драматическое искусство, но творенія Екатерины останутся всегда драгоценными

памятниками. Кистью Ея водило всегда патристическое чувство; осмѣивая пороки и дурачества, Она забавлялась и поучала. Нельзя безъ признапельности, безъ живѣйшихъ впечатлѣній слѣдовать за Нею, когда Она державною рукою, съ чувствомъ какого-то самоопроверженія, обращалась для поученія къ средствамъ, заимствующимъ силу свою отъ умственного владычества. Комедии Ея въ эпическомъ отношеніи блестящая дань, принесенная Ею силѣ мысли и нравственному господству Литературы. Почтенный сочинитель біографическихъ спавей, напечатанныхъ въ *Другъ Просвѣщенія*, говоритъ: «Придворныя и поспоренія: сплеши, пронырства и запѣи осмѣивала Она своими комедіями.» По этому должно бытъ въ нихъ много порпреповъ и частныхъ изображеній. Конечно, порпрепы не составляютъ картины, а безъ картины нѣтъ дѣйствія; но здѣсь позволительно допустить особенную Пиппку. Уже самая мысль Екатерины: писать для Театра,

есть событіе въ Исторіи Искусства. Ея историческія предпавленія въ подражаніе Шекспиру (хотя въ нихъ Шекспировскаго и немного), были у насъ первыми романтически-ми опытами; они могли бытъ великолѣпными псапральными зрѣлищами. Намѣреніе счастливое и поэтическое! Жаль, что сей примѣръ не былъ богатѣе послѣдствіями. При скудо-спи своей, нашъ Театръ могъ бы оживиться и обнародоваться подобными предпавленіями. Вообще лирическое свойство поэзіи нашей оказалось бы съ успѣхомъ на семь по-прищѣ. Не довольствуясь преподаваніемъ Со-бою примѣра, Императрица задавала дра-матическіе уроки и приближеннымъ своимъ. Въ слѣдствіе подобной задачи, Княгиня Даш-кова написала комедію. Вопрь подробности о сочиненіи семъ, извлеченныя изъ неизданныхъ записокъ Княгини: послѣ нѣкоторыхъ сер-дечныхъ огорченій, она была въ большомъ уныніи духа; жизнь спановилась ей въ пятоспѣ, и самыя мрачныя мысли пипали въ ней жела-

ніе скорого конца. Императрица, услыша опть нея самой признаніе въ шакомъ пагубномъ расположеніи духа, спаралась всячески развлекать ее. Наконецъ присовѣповала ей написать Русскую Комедію для Эрмипажнаго псапра, говоря, что по собспвенному опыту знаепть, сколько подобный прудъ услаждаетъ и занимаепть Авпора. Княгиня долго опговаривалась, не признавая въ себѣ ни малѣйшаго драматическаго дарованія; наконецъ должна была согласиться на повпоренное пребываніе, съ пѣмъ однако жъ условіемъ, что первые акты будутъ предварительно показаны Императрицѣ и по Ея опкровенному приговору брошены въ огонь, если того спояпть. Въ топъ же вечеръ написаны были два акта комедіи: *Тоусёковъ*; на другое утро предспавлены на судъ Августѣйшаго крипника. — «Ея Величество,» говоритъ Авпоръ: «благово-
«лила пойпи со мною въ спальню Свою, для про-
«чпенія экспромпта моего, копорый не спойлъ
«сей чеспн. Государыня смѣялась при мно-

« тихъ явленіяхъ, и по снисходительному ли
« благоволенію, или по нѣкопорому приспра-
« спію: ко мнѣ, которое въ Ней иногда ока-
« зывалось, Она сказала, что оба акта совер-
« шенно хороши. Я изложила предполагаемые
« планъ и развязку, для прерпяго акта. Тогда
« Ея Величество снова спала меня принуж-
« дать, уговаривая распространить комедію
« до пяти дѣйствій; но распянувъ ее такимъ
« образомъ, я полагаю, что піеса пѣтъ менѣе
« опть пого выиграла, что я скучала эпою рабо-
« пою, а инпрята должна была оспыть опть
« ненужнаго дополненія. Наконецъ я дописала
« ее какъ могла, и чрезъ два дни переписанная
« набѣло, была она уже въ рукахъ Импе-
« ратрицы. Сія комедія была представлена на
« Эрмпіажномъ театрѣ и вскорѣ послѣ
« пого напечатана.» Любопытные могутъ
« опыскавъ ее въ Россійскомъ театрѣ. Исто-
« рія сего произведенія гораздо замѣчательнѣе
« и занимательнѣе липературнаго его достоин-

спва, и попому не скажемъ ничего о немъ въ семъ послѣднемъ отношеніи.

Обозначивъ нѣкопорыми чертами нѣскольکو комедій Россійскаго Театра, мы дали понятіе почпи о цѣломъ. Все различіе въ слабыхъ оппѣнкахъ, въ легкихъ признакахъ бѣльшаго или мѣньшаго искусствва; но полноты въ дѣйствіи нѣтъ нигдѣ. Сказанное Крыловымъ въ разборѣ комедіи Клушина: *Смѣхъ и Горе*, о Въпронѣ: что эпонгъ характеръ, кажешя, *зашель въ эту поэму изъ другой комедіи*, можетъ бытъ примѣнено вообще и къ лучшимъ лицамъ Театра нашего. О Княжинѣ здѣсь не упоминаемъ, ибо онъ достоинъ отдѣльнаго разбора. Въ его твореніяхъ нѣтъ природы истинной, чистой: она переработана въ природу искусственную, условную. Но если допустимъ, что на сценѣ позволено созидать міръ театральнй, только по нѣкопорымъ отношеніямъ соопвѣспвеннй міру дѣйствительному, то безъ сомнѣнй должно его признатъ первымъ Коми-

комъ нашимъ. *Хвастунъ* его не въ нашихъ нравахъ, но и не въ нравахъ иноплеменныхъ, а развѣ въ нравахъ классической комедіи; *Чудаки* по же. Но эту и другую комедію перечитываемъ всегда съ удовольствіемъ и смѣхомъ, чего не скажемъ о другихъ комедіяхъ нашихъ, и въ особенності писанныхъ стихами; между сими послѣдними упомянутое вниманіе отдыхаетъ и освѣжается при нѣкоторыхъ черпахъ остроумія и счастливыхъ стихахъ, встрѣчающихся въ *Клушинѣ* и *Ефимьевѣ*, *Авпорѣ* комедіи: *Братомъ проданная сестра*.

Совсѣмъ пѣтъ жаль, что старій псапръ нашъ въ подобномъ забвеніи. Воскресить его на сценѣ, вѣроятно, уже не возможно; но выбравъ для чтенія изъ многопомнаго собранія его тома при, или чепьре, мы заплашили бы дань признапельности и уваженія къ людямъ вѣка минувшаго, копорые были не хуже нашего. Между пѣтъ и нынѣшнее поколѣніе имѣло бы чтеніе любопытное и, если не поучительное въ отношеніи къ искусству, по

не бесполезное въ другомъ. Должно бы издасть сей сокращенный Театръ съ коменпаріями болѣе историческими, нежели чисто крещи-ческими. Пока слѣды еще не совсѣмъ проспы-ли и спарина хранился въ нѣкопорыхъ живыхъ преданіяхъ, должно постѣшишь опбидь опг нея, что можно. Мы упомянули выше о са-спирическомъ и личномъ направленіи Комедіи нашей: она пользовалась правами, опкровен-ностію, свободою, копорья нхнѣ не были бы допущены правами нашими. Тѣмъ не менѣ можемъ мы обраппшь въ пользу свою нескром-ности ея и своевольства. Къ чести нашей спарой Комедіи замѣпимъ, что она не въ бровь, а въ самый глазъ колола пороки и злоупотре-бленія, не щадя ни ихъ, ни промышляю-щихъ ими. Такія опкрышья нападенія мало благопріятспвуюпть искусству, копорое, со-дѣйспвудя и самой испинѣ, должно бытъ нѣ-сколько лукаво. Назвапть глуща глущомъ, плупа плупомъ, еспъ обязанность испины и подвигъ прямодущія; но плупъ нѣпть ни эпи-

граммы, ни оспроумія. Сапира дѣйствуесть
спрѣлами, а не дубиною, копорая пакже
испина — и самая убѣдительная. Зрипелямъ
голая правда невыгодна, ибо погда проспопа
въ ущербъ удовольствію; но намъ, опдален-
нымъ судіямъ, копорымъ испина дороже удо-
вольствія — намъ, чѣмъ нравы обнаженіе,
чѣмъ выраженіе ихъ грубѣе, тѣмъ лучше, ибо
тѣмъ вѣрнѣе могутъ бытъ наши наблюденія
и изслѣдованія. Главныя пружины Комедіи на-
шей были злоупотребленія судей и домашней,
по естъ хозяйственной власти. И въ эпомъ
отношеніи она естъ въ нѣкопоромъ смыслѣ
политическая Комедія, если нужно ее обозна-
чить какимъ нибудь особеннымъ родомъ.

Князь Вяземскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ТАРТИНИ.

ИНТЕРМЕДИЯ-ФАНТАЗИЯ, ВЪ ТРЕХЪ ЧАСАХЪ.

(Дѣйствіе въ Падуѣ.)

ЧАСЪ ПЕРВЫЙ.

ЯВЛЕНІЕ: *Трактиръ, по срединѣ столъ съ кружками, бутылками и кушаньями.*

ВЫХОДЪ 1.

Фравьелли, Мавриціо, Бомьино, Гидо, и другіе Студенты Юриспруденціи, сѣдять вокругъ стола.

Бомьино.

Что молодецъ, по молодецъ Тартини! —
Мнѣ правяшся его напѣвы; помнишь
Ту пѣсенку, что сочинилъ онъ въ классѣ,
Когда отецъ угрумый Джіамбашиса
Намъ излагалъ de testamentis Римлянъ?
Поспой... дай мнѣ припомнишь... вспомнилъ...

вспомнилъ:

(п о е т њ .)

Напрасно, опче Джіамбашпеша,
Ты хочешь сдѣлать изъ меня
Непобѣдимаго Юриспа —
Бъ судейству неспособенъ я!

Я незаконно и безправно
Ищу фортуны на-прямикъ;
Ея характеръ своеправной
Я ужъ давнымъ давно проникъ...

Мы съ ней живемъ довольно дружно,
И если женщина она,
То не зови се замужней, —
Она безмужняя жена...

Мнѣ нравишся идея, что фортуна
Безмужняя жена... оно и правда!
Кого она, не измѣняя, любишь?
Кого она не любишь безусловно?
Вчера со мной, сегодня съ нимъ, а завтра
Ужъ съ прешьимъ пиръ и славу раздѣляешь.

Ф р а в ъ е л л и .

Все такъ, но вошь бѣда, что это счастье
Нужда предупреждаетъ! Какъ Гораций

Прекрасно описалъ приходъ форшуны:

Te semper anteit saeva Necessitas,
Clavos trabales et cuneos manu
Gestans athena; nec severus
Uncus abest, liquidumque plumbum.

М А В Р И Ц И О.

Я не люблю Гораціанскихъ одъ,
А только шѣ, гдѣ дышеть сладоспращье,
Гдѣ блестятъ перлъ кипучаго вина!
Какъ превосходна ода ad sodales:
Nunc est bibendum, nunc pede libero
Pulsanda tellus!

Б О М Б И Н О.

Мавриціо! ты знаешь ли: Таршини
Къ ней музыку impromptu сочинилъ.

М А В Р И Ц И О.

Что-жъ, хороша?

Б О М Б И Н О.

Прелестна.

М А В Р И Ц И О.

Ты не помнишь?

Б О М Б И Н О.

Какъ можно помнить канзусть Таршини!
Припомъ же онъ опасный человекъ —
Боишься попросишь...

Ф Р А В Ъ Е Л И И.

Да, это правда!

Таршини смѣсь и добраго, и злаго!
 Люблю его, когда, въ просномъ восторгѣ,
 Подъ сумерки, играетъ онъ на скрипкѣ;
 Замолкнешъ онъ — и въ роцѣ соловей
 На звуки тѣ тихонько отвѣчаетъ;
 Таршини запоешь — его соперникъ
 Опяшь молчишь. Такъ нѣсколько почей
 Они поюшь чудесные дуэты —
 И побѣдишемъ — всегда Таршини!
 Люблю его, когда крылатой шапкой
 Онъ мешлинъ за чесиль шоварица и брама;
 Когда людей безразличныхъ и подлыхъ
 На грозный бой ошважно вызываешь —
 И побѣдишемъ — всегда Таршини!
 Но не люблю, когда съ своимъ собратомъ,
 Съ поваричемъ прудовъ и удовольствій,
 За слово каждое, за взоръ, улыбку,
 Идешъ сражаться! Счастливъ онъ, что спла,
 Что дивное въ его рукахъ искусство!
 Но счастье еще не оправданье!
 И я тогда Таршини ненавижу!
 Тогда, кшо побѣжденъ, пошь побѣдитель!
 Еще одно я не люблю въ Таршини,

Что женщины онъ безъ мѣры ненавидишь.
 Какъ рѣчь зайдетъ про женщину, — въ глазахъ
 Его — огонь, какъ адъ, засвѣпишь; злоба
 Въ немъ сердце раздираешь; — спрашно слышашъ,
 Какъ женщинъ онъ ругаешь и порочишь.

Г и д о.

Онъ нехорошъ собой, вошъ и причина!

Ф р а в ъ е л л и.

Ты думаешь? . . . О, нѣтъ! другая тайна
 Скрываешься въ его глубокомъ сердцѣ!
 Но впрочемъ, можешь бышь, нивол догадка
 И справедлива; женщинъ хладнокровье,
 Бышь можешь, самолюбье оскорбило. . .
 Да, можешь бышь! Жаль, если эшо правда!

Г и д о.

Какъ жаль?

Ф р а в ъ е л л и.

Въ пустынь жизни все мертво!
 Пустыхъ спрасней ничтожная горячка
 Не разогрѣешь сердца чловѣка! . . .
 Когда проснешся юность, дѣлства спрасни
 Запахнушь въ немъ — тогда забьется кровь
 Совѣмъ другимъ и пламеннымъ желаньемъ. . .
 Всѣ мысли, всѣ движенія, всѣ чувства
 Въ одну шоску безмолвную сольются, —

Въ поску о неизвѣстной красотѣ!
 И юноша, въ таинственномъ недугѣ,
 На небеса, въ огнѣ, въ слезахъ, въ уныньи,
 Глаза подъемлеть. — Долго ждетъ несчастный
 Опъ праведнаго Неба облегченій, —
 И Небо, внявъ моленіямъ спрадальца,
 Глаза его на дѣву обращаетъ. —
 О, что тогда въ душѣ его кипишь!
 Весь въ существѣ своемъ преображенный,
 Какъ бы весной духовной обновленный,
 Онъ разцвѣшетъ, какъ пышный цвѣтъ полей;
 Возвысится въ толгѣ просыхъ людей,
 И рѣчь его, безъ блеспокъ украшенья,
 Покажется музыкой вдохновенья!
 И если взоръ невинной красоны
 Въ немъ тайныя обрадуетъ мечты;
 И если смыслъ безмолвнаго опвѣта
 Изобразитъ знакъ тайнаго привѣта, —
 Тогда онъ Царь! кипучая толпа.
 Покажется ему — мелка, глупа!
 Въ мечтахъ любви, восторговъ, сладоспращья,
 Онъ плаваетъ въ роскошномъ морѣ счастья;
 Играетъ жизнь въ пылающей крови,
 И дышетъ онъ лишь воздухомъ любви!
 — Но если взоръ красавицы надменной,

Презрѣиємъ холоднымъ омраченный,
 И сердца пылъ, и жаръ его ланишь
 Убийственной насмѣшкой охладишь;
 Но ежели съ пуши его мечшаній,
 Съ безчувственной, безправственной душой,
 Въ чаду надеждъ порочныхъ и желаній,
 Его сполкнешь соперникъ молодой;
 И ежели онъ въ зеркалѣ увидишь,
 Чпо самъ собой несчастный побѣждетъ —
 Разрушился его прекрасный сонъ,
 Любовь бѣжишь — онъ только ненавидишь! —
 Чпо жизнь ему тогда? — Сосудъ разбишый,
 Гдѣ драгоценное вино хранилось!
 Не жалко ли сморѣшь на человѣка,
 Который, по душѣ своей, по чуспвамъ,
 Достоинъ высшаго земнаго блага, —
 И чпо же? онъ на свѣсѣ, какъ преступникъ —
 И смерть, не жизнь, его манишь надежды!

Б о м б и н о.

Брависсимо! Ты бѣ славный былъ орапоръ!
 Ты Цицеронъ!

М а в р и ц и о.

Ты Квинтильлянъ!

Б о м б и н о.

Послушай!

Ты никогда не присылавъ стиховъ.

Ф р а в ь е л л и.

Иѣшь, никогда! *(встаетъ, отходитъ въ размышленіи
въ сторону.)*

Б о м б и н о.

Совѣшую заняшься:

Въ шебѣ шаланшъ замѣнешъ.

Г и д о.

Иѣшь, поварищъ!

Не пошь поэшь, кто риемы плесшь умѣешъ;
Не пошь герой, кто жизнь, за взоръ кокешки,
Несешъ на смершнй поедниокъ! — Слава
Имѣешъ избранныхъ любимцевъ; шрудно
Бышь стихошворцемъ, безъ восшорга. —

М а в р и ц и о.

Правда;

Но все-таки Таршини нашъ — герой!

Г и д о.

Иѣшь, для меня Таршини спашъ неспосенъ!

Я жду его, чшобъ доказашъ Таршини,

Чшо не одна его опасна шнага,

Чшо кровь моихъ шоварищей и брашъевъ

Во миѣ родила шакже жажду крови! —

Онъ вспылчивъ, гордъ; легко найду причину

Таршини поединокъ предложить!

Пусть онъ узнаешь также боль отъ шпаги
И отъ сшуда До смерти не дойдешь,
Но до сшуда дойдешь, дойдешь до крови.

М л в р и ц ю .

Помилуй, Гидо, ты рискуешь жизнью!

Г и д о .

Ничѣмъ, друзья! я научу безумца

Б о м б и н о .

Эй, берегись; онъ самъ давно училель —
И не захочешь бышь ученикомъ

Г и д о .

Увидимъ!

Б о м б и н о .

Да, увидимъ! Вотъ Таршини,
И недалеко твой поединокъ, Гидо!

Г и д о .

Со скрипкой?

Б о м б и н о .

И со шпагой! Два оружья —
Тѣмъ и другимъ онъ ловко побѣждаетъ
Зависчивыхъ клеветниковъ своихъ.

Ф р а в ъ е л л и (у о к н а .)

Смотрите! онъ склонился на колѣни
Передъ дверьми Соборной церкви; Гидо,

Онъ набожень и Небомъ защищенъ
 Но вошь онъ вспаль, задумчиво идешъ,
 Оспановился, поднялъ взоры къ небу,
 Въ объяшіяхъ свою онъ списнулъ скрипку.
 О Гидо, берегись! запомни слово:
 Непобѣдимъ Таршини вдохновенный! —

В Ы Х О Д Ъ 2.

Т Ъ Ж Е И Т А Р Т И Н И. (*Входитъ, и не видя никого, прибли-
 жается къ столу и ставитъ на немъ ящикъ со скрипкой.*)

Б о м б и ц о.

А здравствуй, Падуанской соловей!

Т А Р Т И Н И (*беретъ ящикъ, идетъ
 къ дверямъ и говоритъ громко,
 не обращаясь ни къ кому.*)

Я полагаю, что никого здѣсь нѣтъ.

Б о м б и ц о.

Вошь комплиментъ! Ты насъ бѣжишь, Таршини!

Т А Р Т И Н И.

Я опъ себя бѣгу; гдѣ люди, тамъ
 Миѣ душно! да, по нѣснонѣ сердечной,
 Я узнаю присущеніе людей. — (*хочетъ идти.*)

Б о м б и ц о.

Вошь эшо новостъ! Подожди, Таршини!

(*удерживаетъ его.*)

Ты вѣрно сочиняешь что нибудь?
 Не правда ли? уединенья ищешь —
 И не находишь? —

Т а р т и н и.

Да, я сочиняю,

Ищу, не нахожу уединенья;
 И жаръ внутри, какъ зной палачій солнца!

Б о м б и н о.

Залей его одной, другой буылкой!

Т а р т и н и.

Пить? не могу! не уполился жажда
 Опъ хладнаго, ничтожнаго вина!

Б о м б и н о.

Вотъ чепуха! Таршини, образумься!

Т а р т и н и.

Мнѣ образумишься? Ахъ, нѣтъ, Бомбинно,
 Мнѣ нужно умереть, не жить, не мыслишь!
 О, далъ бы Богъ, чпобъ блескъ очарованья
 Мнѣ ослѣпилъ пылающія очи!
 Чпобъ громъ небесный оглушилъ меня!
 Чпобы болѣзнь мою убила память!

*(Садится и задумывается; вст, кромь
 Гидо, съ участіемъ глядятъ на него.)*

Г и д о.

Богъ наказалъ! Бшо слишкомъ опрощивъ,

Кто на поварища и брата дерзко
 Безъ шрепеша подъемлеть руку смерли:
 Тотъ долженъ выпить чашу покаянья (*Тартини*
встаетъ, беретъ скрипку, и съ окон-
чаніемъ рѣчи Гидо нагиаетъ играть.)

Случается довольно часто, люди
 Смѣются надъ другими, въ то же время
 Въ одну и ту же яму упадая....
 Случается, что руки у ребенка
 Вдругъ опроснутъ уродливо-огромно,
 И онъ на драку лѣзетъ съ исполиномъ....
 Случается, церковный органистъ
 Надъ скрипачемъ кочующимъ смѣется,
 Что онъ безъ нощъ играетъ превосходно.....
 Случается...

(Тартини входитъ въ трудный пассажъ двойныхъ нотъ.)

Б о м б и н о.

Вошь и опвѣль тебѣ,

Орапоръ!

М а в р и ц и о.

Тише! Вошь смычекъ чудесный!

Б о м б и н о.

Какъ заллелъ прекрасный соловей!

М а в р и ц и о.

Какъ чисто онъ беретъ двойныя ноты!

Б о м ъ и п о .

Какъ шрель онъ бьетъ, какъ плачешъ онъ на
скрыпкѣ!

*(Таршини послѣ трудныхъ и трогательныхъ пассажей,
заливается слезами, опускаетъ смычекъ и скрыпку;
встѣ, не исключая Гидо, съ возрастающимъ участіемъ
окружаютъ его.)*

Ф р а в ъ е л л и .

Таршини! чпо съ шобой?

Т а р т и н и .

Зачѣмъ, о Промыслъ,

Изъ эшихъ крѣпкихъ звуковъ шы се
Освободилъ! Я видѣлъ дивный сонъ —
Я видѣлъ: шла она передо мною,
Съ своею милою, свѣплой красошою,
Съ божественной улыбкой на устахъ
И съ черными, блестящими очами!
Я вспомнилъ даръ моей души убогой —
И гимнъ любви на скрыпкѣ заигралъ;
И звуки, ондѣлясь отъ инструменна,
Вокругъ нея въ сѣшь шокую сплелались,
Сплелась — и чпо жъ? она упала въ звуки
И слялася ихъ связи разорвать;
Но мой смычекъ ихъ множилъ непрерывно,
И крѣпла сѣшь, а дивная слабѣла,

Въ шумящемъ морѣ звуковъ упоая!
 И я надъ ней торжествовалъ побѣду, —
 Приблизился; но жаркое лобзанье
 Въ ней прежнія одушевило силы;
 Порвалась съшь — она изъ глазъ пчезла,
 Я самъ изъ чаръ освободилъ ее, —
 И пѣсню убійственпо-печальной
 Разсыпалсь разорванные звуки!...

Б о м б и н о.

Таршини! ты влюбленъ!

Т а р т и н и.

Ахъ! я влюбленъ!

Бпо вамъ сказалъ? Въ кого влюбленъ Таршини!
 И можешь ли влюбиться шопъ, кого
 Всѣ женщины упорно ненавидяшь;
 Да, милые! Ешь благо для Джюзеппо —
 И высочайшее земное благо!
 Но онъ, ничтожное шворенье неба,
 Ничѣмъ купишь шого не можешь блага!

Ф р а в ѣ е л л и.

Таршини! перестань скорбѣть и плакать!

Т а р т и н и.

Я не скорблю, не плачу;... Чшо же дѣлать,
 Когда судьбѣ мое прошивко счастье;

Я постараюсь бышь благоразумнымъ,
Забышь ее

Б о м в и н о.

Но кто жъ она, скажи:
Мечша, или красавица земная?

Т а р т и н и.

Мечша! Мечша! Хошя я часшо вижу
Мечшу мою; учу ее музыкъ,
Съ ней говорю иной разъ часъ и больше, —
Но все въ ся сущесшвенносшь не вѣрю!
Мнѣ кажешся, она — лешучій Геній,
Сошла съ небесъ, чшобъ бѣдному Таршнини
Опкрышь и рай на свѣшное мгновенье,
И адъ на вѣчносшь!

Ф р а в ъ е л л и.

Кшо жъ она, Таршнини!

Т а р т и н и.

Друзья! какъ злобны вы; къ чему вамъ знашь
Чужія шайны? — Впрочемъ, шакъ и бышь!
Я не скрывалъ ошъ васъ, друзей и брашій,
Ни радосшей моихъ, ни огорченій!
Послушайте! вы знаеше шошъ домкъ,
Гдѣ прежде жилъ Соборный Органшсшъ,
Съ большимъ крыльцемъ и съ окнами на сѣверъ? —

Б о м б и н о.

Ну, знаемъ!

Т а р т и н и.

Тамъ теперь живетъ Феличи,
 Богатая какая-то вдова;
 У ней есть дочь — прекрасная Клариса!...
 Семнадцать лѣтъ Кларисѣ будетъ завтра,
 Семнадцать лѣтъ!! Ахъ, если бъ вы видали
 Прекрасную, невинную Кларису!
 Ахъ, если бъ вы могли ее услышать!
 О, какъ она божественно поетъ!
 Какъ сладостны созданія Тартини
 Въ ея устахъ; въ ея пріятномъ пѣньи
 Невыразимая шалшея прелесть!
 И вся она — богатое созвучье
 Изъ неземныхъ, непоспѣжимыхъ звуковъ!

Б о м б и н о.

Вопь чуда! Ты, женоненавистникъ,
 Ты, проклинашеть красоны — влюбился!

Т а р т и н и.

Влюбился? пѣшь! Влюбилсья — это значитъ:
 Очаровансья прелестями дѣвы,
 Искать взаимности; не шакъ ли? —

Б о м б и н о.

Да!

ТАРТИНИ.

Но можно ль мнѣ взаимности искашь,
 Когда, въ мечсахъ любви и наслажденья,
 Я на лицѣ красавицы чишаю
 Холодное къ Таршини равнодушье!
 Но можно ль мнѣ мечтать о свѣтломъ счастьи,
 Когда мой взоръ, мой голосъ и движенья
 Прекрасную шревожапъ, беспокояпъ!
 Умышленно, — я эшо ясно вижу, —
 Уроки сокращаешъ; взора, слова
 Привѣшнаго не подарипъ Таршини!

ФРАВЬЕЛЛИ.

Ты ей даешъ уроки?

ТАРТИНИ.

Да, даю;

Меня просилъ объ эшомъ Графъ Корнано!

В с ъ.

Корнано!

ФРАВЬЕЛЛИ.

Чшо жъ она ему, родная?

ТАРТИНИ

Машъ говоришъ, чшо онъ ихъ покровишель!

ФРАВЬЕЛЛИ. (*про себя.*)

Корнано — покровишель! Бышь не можешъ!

(*Отводя въ сторону Таршини.*)

Несчастный другъ! забудь свою Кларису!
 Я проникаю замыслы Корнано...
 Семнадцать лѣтъ! Богатая вдова,
 Живешь въ шиши, далеко.... Понимаю!
 Ахъ, какъ мнѣ жаль тебя, Джузеппо бѣдный!
 Оставь ее, оставь свои уроки!
 Ты самъ готовишь жертву сластолюбію,
 Ты самъ ее искусствомъ украшаешь,
 Чшобъ умножаешь пресщупные воспорги.

Т А Р Т И Н И.

Фравьелли! ради Бога, объясни мнѣ,
 Скажи мнѣ все... Уничтожай Тартини!
 Въ пвоихъ успахъ остановилось слово —
 То молнія, пусши ее, Фравьелли!

Ф Р А В Ъ Е Л Л И.

Я не убью, но вылечу тебя!
 Такъ, ты влюбленъ въ любовницу Корнано!

*(Тартини съ пронзительнымъ крикомъ выбѣгаетъ изъ
 горницы; всѣ, обративъ изумленные взоры на
 Фравьелли, стоятъ, полны удивленія.)*

Ч А С Ъ В Т О Р О Й.

ЯВЛЕНІЕ: *Комната.*

В Ы Х О Д Ъ 1.

Ф Р А Н Ч Е С К А. (*Одна.*)

Я не могу на бѣдную Кларису
 Сморгнуть спокойно. Какъ? Я, мать ея —
 И продаю шакъ хладнокровно счастье
 И честь моей Кларисы! Не возможно
 Проживишься ужасному Корнано!
 Она ему, какъ жершва, ошдана —
 И завшра день послѣднаго союза!

В Ы Х О Д Ъ 2.

Ф Р А Н Ч Е С К А И К О Р Н А Н О.

К О Р Н А Н О.

Франческа! Здравствуй!

Ф Р А Н Ч Е С К А. (*про себя.*)

Боже! это онъ!

Что я скажу злодѣю, сластолюбцу? —

К О Р Н А Н О.

Здорова ли прекрасная Клариса?

Ф Р А Н Ч Е С К А.

Здорова, слава Богу...

Корнано.

Очень радъ!

Я прихожу вамъ предложивъ: сегодня
Придши ко мнѣ на вечеръ; будущъ пѣшь,
Играшь. Пусть и моя Клариса также
Придешь ко мнѣ блеснушь своимъ шалапомъ!

Франческа.

Осмѣлюсь ли просить... просшите, Графъ!...
Но какъ иппи Кларисѣ во дворецъ?
Что спанушь думаешь ваши гости, слуги? —

Корнано.

То, что велю! и въ Падуѣ Корнано
Зависливыхъ клеветниковъ не вспрѣмишь!

Франческа.

Жестокій Графъ! для мысли нѣтъ шемницы!
Въ безмолвіи она чпшаетъ шайны;
Безъ словъ — другимъ шѣ шайны сообщаетъ!
Конечно, вамъ никшо шого не скажешь;
Но бѣдную Франческу — всадкій нищій
Преступницей опважно назовешь!
И ваша власнѣ не зацпнишь меня
Опѣ спрашнаго общественаго мнѣнья!

Корнано.

Общественное мнѣнье... что оно?
Монхъ рѣчей покорный опгдосокъ!

Ф Р А Н Ч Е С К А .

Такъ! во дворцѣ богатаго Корнано!
 Но въ шѣхъ домахъ, гдѣ бѣдность обитаетъ,
 Гдѣ честности еще законы святы, —
 Тамъ строгій судъ, тамъ даже Графъ Корнано
 Имѣетъ яшца!

К о р н а н о .

Что съ тобой, Франческа?

Ф Р А Н Ч Е С К А .

Я такъ несчастна! Графъ! довольно горя
 И безъ того я въ жизни прешерпѣла:
 Съ сумой въ одной, и съ дочерью въ другой
 Рукъ — пять лѣтъ жила я подаившемъ!
 Сумы меня лишило прешупленье,
 И прешупленье — дочеря лишаешь!
 Но это злое жжетъ меня, Корнано!
 Сначала блескъ его манилъ Франческу,
 Когда собой я жерпвовала только!
 Но не теперь, когда невинность дѣвы
 Я продаю за это злое! Злое!! —
 Мнѣ кажешся, что это злое — совѣсть,
 Палящая мучительнымъ укоромъ!
 Кто знаетъ? можетъ бышь, союзъ поспыдный
 Дасъ душу злату! мрачнымъ привидѣнемъ
 Оно начнешъ пугать Франческу! — Графъ!

Повѣрьте мнѣ, у васъ есть шакже совѣсть! —
 Но спишь она... О, Графъ! что съ вами будете,
 Когда она проснется въ вашемъ сердцѣ?
 Но, можешь быть, у васъ спальное сердце!...
 Я женщина — и сердце у меня
 Не твердый камень! Пусть я совершила
 Два грѣшныя, презрѣнные поступка; —
 Зачто же ихъ позоромъ обнаружишь,
 И выставишь несчастную Франческу
 Въ посмѣшище чешныхъ людей!

Б о р н а н о.

Франческа!

Что за позоръ, что дочь своя съ шобой же
 Приидеть въ домъ благородный?

Ф р а н ч е с к а.

Благородный!!

Что пользы въ шомъ?... Давно весь городъ знаешь,
 Что женщина въ богатомъ вашемъ домѣ —
 Увишая цвѣтами жертва! Завтра
 Всему конецъ! но пусть же спыдъ Франчески
 И дочери ея въ спѣнахъ безмолвныхъ,
 Какъ тайное убійство, совершился....
 Пусть только свѣшь не знаешь этой тайны!

Б о р н а н о.

О, перешагъ ребячишься, Франческа!

Я такъ хочу — и горе непослушнымъ!
 Вошь я принесъ двѣ пѣсни для Кларисы;
 Пущь выучишь и ввечеру приходишь,
 Съ шобой, иль безъ себя — мнѣ все равно;
 Но спрахъ и месъ послушникамъ Корнано!

Ф р а н ч е с к а .

Ахъ, ради Бога, Графъ!

К о р н а н о .

Ни слова больше!

Я все сказалъ, — невѣрная жена!
 Чшо честь тебѣ? игрушка сласполюбья!
 Не ты ль сама опверзла мнѣ объяшья,
 Когда тебя изъ нищихъ я извлекъ,
 И обезпечилъ жизнь твою; не ты ли
 Сказала мнѣ: Корнано, я сшаръю!
 Но, за твои ко мнѣ благодарья,
 Я дочь тебѣ дарю; она прекрасна!
 Пущь шолько ей семнадцать лѣтъ ударишь, —
 Она твоя! Семнадцать лѣтъ ей завшра,
 И завшра же она моя! — Франческа!
 Не забывай, чшо счастье и довольство,
 Копорыми ты пользуешься нынѣ —
 Въ моихъ рукахъ; скажу — и все исчезнешъ!
 Изъ шихаго убѣжища любви

Пойдешь съ сумой, какъ гнусная порговка,
 Чшо за обманъ народъ стоняешь съ рырка!

Ф р а н ч е с к а .

Корнапо!

К о р н а п о .

Да! пущь я злодѣй, но кшо же
 Во мнѣ зажегъ злодѣйскія желанья?
 Не ты ль сама, — за злошо, за боганство,
 Когда къ шебѣ моя любовь хладѣла, —
 Въ замѣнъ любовь Кларисы предлагала?
 Франческа! помни, чшо съ шобой разорванъ
 Союзъ любви! чшо прелесни Кларисы
 Оперочили пивою со мной разлуку!
 Чшо, если непослушный швой языкъ
 Захочешъ мнѣ прошивурѣчишь, — горе
 И машери, и дочери несчастной, —
 И мрачный день рожденія Кларисы
 Я какъ разбойникъ пропирую

Горе

Ослушникамъ! Франческа, повинуйся!

(Уходитъ, оставляя въ рукахъ Франчески свитокъ съ аріями.)

ВЫХОДЪ 3.

ФРАНЧЕСКА. (*Одна.*)

Вошъ до чего людей доводишь бѣдность!
 Несчастливая! Онъ говоришь такъ смѣло,
 Что я сама объявляю опровергла!
 Не я, — а голодъ, нагота и жажда,
 Да дочь моя — ввели во искушенье!
 О, дочь моя! я жертвовала чѣстью,
 Я жертвовала совѣстью, покоемъ,
 Чтобы спасти несчастную малютку,
 Чтобы устроить счастье Кларисы!
 Устроила! въ огонь спрасшей порочныхъ
 Она сгоритъ; въ безчестьи и стыдѣ
 Последнюю слезу свою уронитъ....
 А сколько слезъ у женщины несчастной!!

ВЫХОДЪ 4.

ФРАНЧЕСКА И КЛАРИСА.

 ФРАНЧЕСКА (*не видя вошедшей
Кларисы*)

Ахъ, дочь моя! зачѣмъ ты такъ прекрасна?
 Зачѣмъ въ глазахъ твоихъ shines прелесть?
 Зачѣмъ въ устахъ твоихъ живетъ улыбка?
 О! красота меня два раза губитъ!
 И что она? мгновенныя румяны!

К л а р и с а .

Ахъ, маменька! чшо съ вами? Ради Бога....

Ф р а н ч е с к а (*въ смущеньи.*)

Сомной? А? — чшо сомной? Не знаю.... право,

Я ничего не думала.... Клариса!

Да! проучи съ Таршини эши пѣсни!

Сегодня ввечеру мы ѣдемъ къ Графу!

К л а р и с а .

Къ Корнано?

Ф р а н ч е с к а .

Да!

К л а р и с а .

Ахъ, маменька!

Ф р а н ч е с к а .

Ну, чшо?

К л а р и с а .

Такъ, ничего.... Но какъ же мнѣ одѣшьяся?

Ф р а н ч е с к а .

Какъ хочешъ, все одно; но мнѣ, чѣмъ проще,

Тѣмъ лучше!

К л а р и с а .

Какъ?

Ф р а н ч е с к а .

Красавица не знаешъ

Большой нужды въ нарядахъ. — До свиданья!

(*Уходитъ.*)

В Ы Х О Д Ъ 5.

Б л а р и с л а (одна.)

Какъ полковашь несвязныя слова? —
 Мы ъдемъ, слава Богу! Тамъ богашество,
 Тамъ дивныя плоды искусства въ залахъ
 На золотыхъ покояшся опорахъ!
 Тамъ въ первый разъ услышу я музыку,
 О коей мнѣ шакъ много говорилъ
 Таршини. Ахъ, Таршини, мой Таршини!
 Зачѣмъ нейдешъ со мною раздѣлишь
 Души моей певинное веселье?
 Когда къ нему я, съ ласковымъ привѣтомъ,
 Спѣшу на встрѣчу, — онъ, нахмурясь, смошришь,
 Въ безмолвіи берешъ смычекъ и скрипку,
 Не говоря, велишь мнѣ пѣсни пѣшь,
 Прелесно вшоря мнѣ на чистыхъ струнахъ,
 И никогда не взглянешъ онъ на пошы.
 Глаза его по потолку блуждаюшъ,
 А сердце по струнамъ волшебной скрипки.
 Онъ никого не любитъ! Говоряшъ,
 Чшо женщинъ онъ, какъ фурій, ненавидишь....
 Знакомые мои надъ нимъ смѣюшся,
 А мнѣ шакъ жаль!... Какъ не жалѣшь Таршини,
 Чшо онъ съ шакой душой, съ шакимъ шаланшомъ,
 Подруги для себя сыскашъ не можешъ!

Нѣтъ дѣвушки, мнѣ кажется, на свѣтѣ,
 Которой бы не правился Джузеппо, —
 А онъ всеѣхъ ненавидишь!

В Ы Х О Д Ъ 6.

К Л А Р И С А И Т А Р Т И Н И *(безъ шляпы.)*

К л а р и с а.

Ахъ! Maestro!

Безъ шляпы вы, безъ скрипки и безъ ношъ!!

Т а р т и н и.

Добавьше: безъ ума, безъ чувствъ, безъ мыслей!

К л а р и с а.

Что съ вами, добрый другъ?

Т а р т и н и.

Я другъ, Клариса!

К л а р и с а.

(Про себя.) Что я сказала? онъ меня не понялъ...

(Громко.) Обычай...

Т а р т и н и *(разстѣяно.)*

Свящъ обычай добрыхъ нравовъ;

Но спарина была полна обмановъ....

Который часъ?...

К л а р и с а.

Не знаю.... Но, Тартини,

Корнано....

Т А Р Т И Н И (*въ ужасъ.*)

Что Корнано?

Б л а р и с а.

Эпи пѣснп

Велѣлъ мнѣ проучишь сегодня вечеръ
Въ его дворцѣ

Т а р т и н и.

И вы пойдете къ Графу,
Какъ будто бы наемная пѣвица?

Б л а р и с а.

Да, онъ велѣлъ, а онъ мой покровишель!

Т а р т и н и.

Какъ понимаешь протосердечный лепешъ
Невиннаго, какъ кажешься, созданья!
Невиннаго! — но хитроссти порока
Обманчивѣ призраковъ ночныхъ!

Б л а р и с а.

Вы что-то говорите?

Т а р т и н и.

Ничего!

Б л а р и с а.

Тарпини! жаль мнѣ васъ! вы очень скучны!

Т а р т и н и.

Вамъ жаль меня! я въ эпномъ сомнѣваюсь!
И можешь ли преслушная кокетка

Къ несчастному оказывашъ участые!...
 Вамъ жаль меня? Ахъ, ваше соспраданье
 Во мнѣ надежду счастья пробудило...

К л а р и с а.

Что я могу вамъ сдѣлать? — Я гошова!

Т а р т и н и *(долго и пристально
 смотритъ на нее.)*

Клариса! Нѣтъ! мы снова обманулись!
 Намъ старые слышались пѣсни!
 Мы вздумали припомнимъ ихъ; напрасно!
 Онѣ давно, давно уже пропѣшы;
 А намъ оспались только ошголоски!
 И нѣ уйдушъ, оспавя въ сердцѣ нашемъ
 Уныніе, поску и пустошу!

К л а р и с а.

Я васъ не понимаю.

Т а р т и н и.

О Клариса!

Я потерялъ умѣнье говорить
 И объясняюсь какъ-то спрашно.

К л а р и с а.

Спрашно,

Да, очень спрашно! съ вашей ученицей
 Вы говорите должны ясно, поцашно;

И помнишь, что вниманіе дѣвицы
 Двусмысліемъ обманывашь не должно!
 Тѣмъ болѣе, Таршини, что меня —
 Какъ кажешся — вы корошко узнали!

Т а р т и н и.

Какая ледяная рѣчь! Блариса!
 Я васъ узналъ! О, кто проникнешь сердце
 Прекрасной женщины!

К л а р и с а.

Опять презрѣнье
 И ненависть! — Зачто, скажите мнѣ,
 Вы такъ не любите невинныхъ женщинъ?
 Что женщины вамъ сдѣлали худаго?
 И кто она, — ша гордая кокешка,
 Которая весь полъ несчастныхъ женщинъ
 Унизила въ воображеньи вашемъ?

Т а р т и н и.

Я ненавидѣлъ женщинъ! это правда! —
 Я женщину считалъ блестящей чашей,
 Въ которой заключался драгоценный
 И сладкій ядъ! И я бѣжалъ отъ нихъ!
 Я рано разгадалъ, что женскій умъ —
 Безуміе мужчины! сердце — камень!
 Что въ нихъ умна — одна паружность только,
 А разумъ глупъ! что чувства въ нихъ холодны...

Но вы мой разсѣли сомнѣнья!
 Вы, первая, мое существованье
 Украсили шанцевенной надеждой!
 Вашъ образъ пробуждалъ въ моей душѣ
 Тѣ сладкіе, волшебные шѣ звуки,
 Чѣно подѣ смычкомъ рождался мгновенно,
 Плѣняли слухъ поварницей моихъ,
 А душу наполняли чуднымъ счастьемъ!
 И кто внималъ созвучьямъ сладкогласнымъ,
 Благословлялъ небесное искусство...
 Миѣ одному шѣ звуки рвали сердце,
 Воспоминаніемъ объ васъ, Блариса!

Когда душа моя, въ поскѣ убійства,
 Чужой алкала крови — образъ вашъ
 Удерживалъ желѣзо — и рука
 Не смерть, а спыдѣ сопернику дарила! —

Повѣришь ли прекрасная Блариса,
 Чѣно часто я, въ свирѣпой жаждѣ крови,
 Хотѣлъ себя уонить — но образъ вашъ
 Изъ рукъ моихъ оружье вырывалъ
 И въ жизнь манилъ шанцевенной надеждой!
 Давно меня шоска любви снѣдаетъ,

Давно хошѣлъ я вылишь чувства сердца
(падаетъ на колѣни.)

У ногъ твоихъ, прекрасная Клариса!
 Скажи шеперь спасительное слово!
 Дай жизнь несчастному сирадальцу! Слово,
 Единое, божественное слово
 Любви взаимной!

*(Клариса заливается слезами и падаетъ
 въ объятія Тартини).*

В Ы Х О Д Ъ 7.

Т Ъ Ж Е И Ф Р А Н Ц Е С К А .

К Л А Р И С А И Т А Р Т И Н И *(увидѣвъ Францеску.)*

Ахъ!

Ф Р А Н Ц Е С К А .

Что это значить?

Ахъ, ты негодный бакалавръ! давно ли
 Оснавилъ ты ученіе — и вошь
 Чему тебя ученые учили!
 Вошь изъ дому, чинобы нога швоя
 Черезъ порогъ перешупись не смѣла!
 Чинобъ никогда швой голось...

Т а р т и н и (*падая предъ Франческаю на колѣни.*)

Ахъ Франческа!

Умилосердись! Я люблю Кларису, —

Она моя! въ ней сердце ошвѣчало!

Ф р а н ч е с к а .

Оставъше насъ! я вамъ уже сказала!

Т а р т и н и. (*встаетъ.*)

Осшавишь васъ! — Не думайте, Франческа,

Что я спрашусь порочнаго Корнано!

Нѣтъ! завшра же весь городъ будешъ знашь

Объ вашей шайнѣ и моемъ убійствѣ!

Ф р а н ч е с к а .

Кшо вамъ сказалъ?

Т а р т и н и .

Миѣ сердце все ошкрыло,

А грозный мечъ всю шайну обшаружиншь!

Сегодня мы увидимся!... Прощайте!

Она моя!... Вы больше ей не мать,

Благословенье ваше намъ не нужно.

(*Франческа уводитъ Кларису; Тартини, воспользувшись
идя, продолжаетъ.*)

Вы низкая и гнусная шорговка,

И совѣсемъ почишашъ васъ зашрещашъ!

Она моя! — Тартини завоюешъ

Себѣ жену и счастье цѣлой жизни,
 И онъ же вамъ напишетъ панихиду —
 Въ ней будущъ слышны: хохотъ адскихъ духовъ,
 Приемлющихъ пресшупницу въ объяпья,
 И грозный гласъ небеснаго прокляпья!

(Уходятъ.)

Ч А С Ъ Т Р Е Т І Й.

ЯВЛЕНІЕ: *Картиный залъ; въ углубленіи приготовлены мѣста для музыкантовъ; инструменты и ноты на своихъ мѣстахъ:*

В Ы Х О Д Ъ 1.

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ И МУЗЫКАНТЫ.

(*Въ разныхъ мѣстахъ зала разсматриваютъ картины, бюсты и пр. другіе между собою тихо разговариваютъ.*)

1-й Музыкантъ.

Какъ хороша!

2-й Музыкантъ.

Да, эпо Форнарина

Рафаэля!

1-й Муз.

Оригиналъ?

2-й Муз.

Нѣтъ, снпмокъ;

Но впрочемъ много Форнаринъ на свѣтъ,
Его рабошы.

1-й Муз.

Кажется, она

Была его любовницей!

2-й Муз.

Бышь можешъ!

1-й Музыкантъ.

Какая красота! какія плечи!

Какія губки! а глаза, глаза!!

Ахъ, Боже мой! за поцѣлуй одинъ

Я ошдалъ бы, мнѣ кажется, полжизни!

2-й Муз.

Да перестанъ болшашъ, пришла жъ охоша —
Понравилась, безмолвно восхищайся.

3-й Муз.

Сальвадоръ Роза! что за кистьъ, пріятель!

Какихъ чудесъ онъ не вкленлъ въ каршину;

А все не много сухо... нѣтъ огня,

Нѣтъ красоны — одинъ холодный ужасъ!

4-й Муз.

Ты правъ, пріятель. — Видѣлъ ты рабошы
Франческа Тревизани?

3-й Муз.

Нѣшъ, не видѣлъ!

4-й Муз.

Вошъ посмотри... Не правда ли?

3-й Муз.

Прекрасно!

Онъ кажется миѣ лучше Сальвадора,
И даже лучше Рафаэля.

4-й Муз.

Трудно

Рѣшить; но лучше Сальвадора Розы,
А съ Рафаэлемъ право паравиѣ. —

1-й Муз.

Ахъ, посмотрите! эши пшицы, фрукшы!
Ну такъ и съѣлъ бы абрикось пушистый!
А шупъ цвѣшокъ, ну шолько чшо не пахнетъ!
Прекрасно!

2-й Муз.

Вошъ и нашъ Андрей Маишенъа.

1-й Муз.

Онъ въ Падуѣ родился.

2-й Муз.

Да; но впрочемъ,
Онъ такъ давно на свѣнѣ жилъ, чшо краски
Въ какой-шо сѣрый превратились прахъ!

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ.

Охопа же шакой предашься спрашки,
 Которая едва переживаетъ
 И самого Художника.

2-й МУЗЫКАНТЪ.

Maestro!

Вы вѣрите въ безсмертье вашихъ нощъ?
 А я, такъ нѣтъ! Пройдетъ два, три столѣтя —
 И ваши нощы также прахомъ будутъ!
 И ни въ какомъ искусствѣ нѣтъ безсмертья!
 И нашъ Таршини также смерть найдетъ. —
 А кажешся, что самъ безсмертный геній
 Живешъ въ его рукахъ!

1-й МУЗ.

Зачѣмъ, Maestro!

Не пригласили вы въ концертъ Таршини?

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ.

Признашься ль вамъ? Таршини чрезвычайный
 Солистъ; но, къ сожалѣнью, очень шибокъ,
 Не наблюдаешъ шакша: умедляетъ
 И ускоряешъ произвольно. — Впрочемъ
 Другая естъ причина

1-й МУЗ.

Ахъ, Maestro!

Скажице намъ!

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ.

Извольте! эшо шайна,

Но я надѣюсь....

(Музыканты собираются вокруг Капельм.)

1-й Муз.

О! къ чему сомнѣнья?

Вы, кажешся, насъ корошко узнали.

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ.

Не всѣхъ; однако такъ и бышь! — Корнано

Писалъ ко мнѣ, за полчаса до пробы,

Чшо, ежели я пригласилъ Таршини,

Такъ, чшобъ ему немедленно сказаль,

Чшо нашъ концертъ не сосполяся....

1-й Муз.

Право?

Какая же причина?

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ.

Я не знаю,

Но говорять, что будно бы Корнано....

ВЫХОДЪ 2.

ТѢ ЖЕ И КОРНАНО.

КОРНАНО.

А! здравствуйте. Готовы ли?

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ.

Гоговы!

КОРНАНО.

Я къ вамъ писалъ... чипали вы?

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ.

Чипаль!

КОРНАНО.

Исполнили?

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ.

Исполнилъ, свѣшлый Графъ!

КОРНАНО.

Благодарю! — Начнемше жъ нашъ концертъ.

ВЫХОДЪ 3.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ КОРНАНО.

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ.

Ну, господа, садитесь по мѣстамъ!

Начнемъ съ большой Симфоніи Beethoven;

Потомъ дуешь изъ оперы: *Norma*,

Потомъ пѣвица пропоешь одна

ТѢ АРИИ, ЧТО СОЧИНИЛЪ КОРНАНО;

А наконецъ Финаль изъ Альмери.

ВЫХОДЪ 4.

ТѢ ЖЕ И ТАРТИНИ (*который, вошедъ,
у одного изъ заднихъ Музыкантовъ беретъ
изъ рукъ смычекъ и скрипку.*)

4-й Муз.

Тарши

ТАРТИНИ (*зажимаетъ ему ротъ.*)

Молчи! давай свою мнѣ скрипку,

А самъ сиди спокойно ни полслова!

Ты знаешь: я училель фехшованья!

1-й Муз.

Что жъ, начинаешь?

БЛПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ.

Корнано знакъ подаспъ.

ВЫХОДЪ ПОСЛѢДНІЙ.

ТѢ ЖЕ И КОРНАНО; за нимъ входящъ Франческа, Клариса, Маркизь de W., Русскіе путешественники и множество гостей. — (*Садятся:*

*Корнано возль Кларисы, Маркизь
de W. возль Франчески.*)

КОРНАНО (*при входъ.*)

Прошу сюда! я выбралъ для музыки

Карпинный залъ: нуспъ два искуссва вмѣспъ

Друзей моихъ радушно угощающъ!

М а р к и з ъ .

Но знаете ль? въ прекрасномъ эпомъ залѣ,
 Мнѣ кажется, для музыканшовъ шрудно
 И, вмѣсто нотъ, они на стѣны смотряшъ.
 Не полагалъ я въ Падуѣ найши
 Такихъ чудесъ искусства Рафаэля!
 Въ прекрасномъ выборѣ и размѣщеньи
 Каршинъ я вижу шолько вкусь опличный
 Хозяина!

К о р н а л о .

Маркизъ! одно желанье
 Хозяина доставишь вамъ пріятность,
 Вамъ, дорогимъ гостямъ (и вамъ Клариса, —
 Вы для меня дороже всѣхъ госпей.)

Г а р т и н и .

(Опъ шепчетъ ей любовныя желанья,
 А бѣдная краснѣетъ и молчитъ)!

К о р н а л о (*къ Русскимъ.*)

Вамъ правяшся искусствъ произведенья?
 1-й Русскій Путешественникъ.
 У насъ одно искусство — мечъ спальной!

М а р к и з ъ .

Скажете мнѣ: въ Московии далекой
 Есть музыканшы, живописцы?

1-й Рус. Пут.

Есть!

Искусство Божій даръ! онъ служилъ намъ
 Для украшенья православныхъ храмовъ!
 Мы радостно сливаемъ голоса
 Въ свѣтлую пѣснь торжественной молитвы;
 А громъ трубы и звукъ шимпановъ мѣдныхъ
 Употребляемъ мы для войска полько,
 Чѣмъ ободряетъ воинственную душу,
 Когда она по родинѣ покусаетъ.
 Но ежели у насъ искусство нужно,
 Великій Петръ введетъ его на Русь!
 Единый Оцъ умѣетъ постигать,
 Чѣмъ вредно намъ, чѣмъ истинно полезно!

Вотъ прелѣтый годъ, величіемъ Царя,
 Я спрассивую по суешному свѣту;
 Вездѣ расцветъ и крѣпнеть просвѣщенье,
 Вездѣ искусство блещетъ, украшаетъ,
 И, молвинъ грѣхъ, все хорошо; но полько
 Весь эполтъ блескъ — наружная кора,
 А подъ корой живетъ недобрый духъ!
 И ежели развратъ всеобщій правовъ
 Произвели изящныя искусства, —
 То да не знаешь ихъ Святая Русь!

Пусть блескомъ ихъ покроется Европа —
 Свяшая Русь безъ нихъ великолѣпна;
 Границы ей — желѣзный мечъ и море!
 Владыка ей — въ порфирѣ полубогъ!
 Искусства въ ней — шорговля, земледѣлье!
 А просвѣщенье — честность, добродушие,
 Любовь къ Царю, благоговѣнне къ Вѣрѣ —
 И словомъ, вся она — Великій ПЕТРЪ!

*(Корнаго подаетъ знакъ, музыка начинаетъ играть
 adagio изъ Симфоніи и заглушаетъ рѣчь Русскаго.)*

1-й Рус. Пут. *(ко 2-му.)*

Не попуштру кичливымъ иностранцамъ
 Рѣчь Русская! — Не заглушишь музыка
 Московской правды-машки...

2-й Рус. Пут.

Полно! слушай,
 Да примѣчай! все можешь пригодиться!
 Насъ Царь послалъ не говоришь, а слушаешь!
 Учишься, не учишь!

1-й Рус. Пут.

Ты правду молвишь;
 Но какъ молчашь, какъ вступишь про Петра,
 Про машушку Свяшую Русь...

2-й Рус. Пут.

Довольно!

Графъ морщился! мы имъ мѣшаемъ слушать.

(Музыка перестаетъ играть *adagio* и начинается *allegro*; необыкновенное искусство, скорость и выразительность скрипки Тартини обращаютъ на него взоры всѣхъ музыкантовъ, которые останавливаются.)

Всѣ Музыканты.

Тартини!

Тартини (продолжая играть.)

Продолжайте, господа!

Капельмейстеръ.

Какъ будешь золь Борнано; что мнѣ дѣлашь!

Борнано.

Нѣшъ! демоны преслѣдуюшъ Борнано!

Маркизь (къ Франческѣ.)

Signora! вы блѣдны, какъ шѣнь!

Франческа.

Я знаю,

Зачѣмъ онъ здѣсь!

Между гостями.

Прекрасно, превосходно!...

Какая чистота!... какое чувство!...

(Тартини оканчиваетъ *allegro*; всѣ хлопаютъ и кричатъ.)

Браво!

Брависсимо!

1-й Рус. Пут.

И я скажу: прекрасно!

Позволь себя обнять!

(Тартини выходитъ на средину зала, Русскій его обнимаетъ.)

На эпой скрипкѣ

Ты каждый Божій день хвали Творца!

Я Русскій, а у Русскихъ грудь шверда,

Съ шрудомъ въ нее искусство проникаешь;

Но ошъ швоихъ пріяшнихъ, сладкихъ звуковъ

Расшюншися и ледяная кровь.

Да, подъ швою прекрасную игру

И у меня играло сердце пѣсни,

И на глазахъ почувствовалъ я слезы!

Дай Богъ мнѣ плакать чаще шакъ, какъ нынче!

Благодарю! еще благодарю! —

Ахъ! если бъ ты сыгралъ Псаломъ духовный

Царя Давида! То-шо бъ было любо! —

Т а р т и н и.

Извольте!... *(Играетъ Псаломъ, по окончаніи Русскій снова обнимаетъ его.)*

1-й Рус. Пут.

Ахъ, искусникъ! брось палаши!

Ничтожные дворцы людей ничтожныхъ!

Играй Псалмы, по твоему закону,

Во храмъ Божіемъ! людей молшвы

Съ твоей игрой, какъ ѳиміамъ, сольюшея. —

Какая честьъ передъ людьми и Богомъ

Борнано (*стараясь прервать его рѣчь.*)

Запойте намъ, прекрасная Клариса!

Москвиняне опятьъ услышатъ диво!

1-й Рус. Пут.

Покорно просимъ! Мы не знаемъ лести

И говоримъ открыто наше мнѣнїе!

Клариса (*начинаетъ пѣть.*)

Клянусь и небомъ и землей,

Клянуся маперью мою, —

Клянусь и сердцемъ и душой

Любитьъ шого

Тартини (*Вырываетъ изъ рукъ ея свитокъ.*)

Остановись, Клариса!

Прочти слова еще разъ, — въ нихъ шаншея

Злодѣйскій замыслъ! кляшва! кляшва въ чемъ?

Въ любви — кому? Естественнo, шому,

Кшо пригласилъ тебя, кшо пѣшь заславилъ,

Какъ будто бы наемную пѣвицу;

И кто въ словахъ коварной эпой пѣсни
Двусмысленно, но лясшвенно описаць!

Ю р н а н о.

Таршини!

Т а р т и н и. (*Вынимаетъ шпагу.*)

Графъ! ошвѣщъ я приготовила! —

Прекрасная Клариса! ты невинна,
Ты прелести шанишвенной полна,
Для радости, для счастья создана,
Ты создана для сердца и для чувства!
Ты шоржештво природы и искусства —
Ты цвѣшь любви, къ кому во шмѣ почей,
Ласкается роскошный соловей!
И мерзкій эпошъ гадъ, налишый ядомъ,
Скрывая смерть подъ золошымъ нарядомъ,
Ничшожный гадъ хошѣлъ себя купишь
У мапери несчастной и преступной!
Храня во шмѣ шемницы недосшупной,
Хошѣлъ себя безчешіемъ убишь —
Несчастлиная! день швоего рожденья
Назначенъ днемъ ужаснымъ прешупленья!
Ужъ созрѣвалъ прешупный заговоръ,
Но прозорливъ любви неспящій взоръ —
И сквозъ шуманъ мнѣ сердце указало
Надежный пушь; я поднялъ покрывало, —

И замысль весь открылся самъ собой!
 Ты удивляешься, — проспой душой
 Не вѣришь ты коварству преступленья!
 Взгляни на мать! Сей прелесть, страхъ, сей стыдъ,
 Мигъ кажешся, plainly говоришь,
 Что рѣчь моя ясна безъ объясненья!
 И ты дрожишь! ты съ ужасомъ иѣмымъ
 Глядишь на мать, на дерзкаго злодѣя!
 Преступники! краснѣя и блѣднѣя,
 Они молчашъ передъ судомъ людскимъ!
 Но, обвинивъ несчастнаго Корнано,
 Какъ я начну мою вшорую рѣчь?
 Какъ мнѣ швое молчаніе пресѣчь?
 Какъ судъ людской призвать къ себѣ на помощь?
 Передъ тобой слова мои дрожащъ! —
 Когда взгляну на роскошь красоты,
 На прелести чудесныхъ Кларисы,
 Я самъ дрожу... морозъ и жаръ по членамъ
 Какъ буря ходящъ; мысль моя мушится....
 То вдругъ во мнѣ родится смѣлость, дерзость,..
 То пренецу, какъ робкое дитя,
 Боюсь взглянуть на чудное созданье!
 Въ глазахъ швоихъ укоръ какой-то вижу —
 Слова мои невнящны, взоры спранны....
 Передъ людьми я исповѣдалъ чувство,

Божное меня влечешъ къ себѣ

(Въ изступленіи.)

Клариса! Богъ свидѣтель словъ моихъ

Я весь въ огнѣ . . . уста ошъ спрасши сохнушъ,
Жаръ внутренній воспаменя, множа!

Вокругъ меня горитъ ужасно воздухъ

Богъ судія! пусть громъ Его караетъ
Судомъ людскимъ несчастнаго Таршини, —

Но ты моя — и эпошъ поцѣлуй

Да будешь нашимъ обрученьемъ!

(Таршини въ изступленіи цѣлуетъ Кларису.)

В с ъ. *(За исключеніемъ Корнано
и женицынъ, хлопал.)*

Браво!

Брависсимо!

Т а р т и н и.

Благослови, Франческа,

Союзъ любви! ты слышишь, хвалишь люди
Открытое признаніе Таршини!

Мой поцѣлуй клеймо стыда и чести!

Соедини Дзюзеппо и Кларису,

И поцѣлуй мой будешь первымъ камнемъ

Священнаго и честнаго союза;

Но разлучи Таршини и Кларису —

И поцѣлуй клеймомъ безчестья будешь!
 Огнь изсушишь роскошныя ланиты,
 Какъ шайный ядъ, до сердца онъ доспанешъ,
 Сожжешь его воспоминаемъ спрашнымъ:
 Сей блескъ, толпа госпней и музыканшовъ,
 Безмолвныя картины, бюсты, урны —
 Ей, до конца спрадацій, будущъ снисься!
 А будешь ли конецъ ея спраданьямъ?
 Въ объятіяхъ злодѣя - сластолюбца
 До спаросши она не доживешь!
 А на конецъ безцвѣтной, горькой жизни,
 Ты думаешь, она успеетъ спокойно?
 Пѣтъ, смерть приносишь сны до пробужденья,
 А пробужденье — Божій спрашный судъ!

К о р н а н о.

Га! гдѣ я былъ? что видѣлъ я? что слышалъ?
 Какой ударъ и ошъ руки кого?
 Ошъ жалкаго, ничтожнаго Таршини!

Т а р т и н и.

Несчастный Графъ! ничтожесшво мое
 Украшено небесной благодашью!
 Передъ Творцемъ и я, и пы — ничто!
 Но благосши Его было угодно
 Сокровица мнѣ даровать: одно —
 Прекрасное и чистое искуссшво,

(указывая на Русских.)

Которое просыше эши люди
 Умѣли лучше оцѣнить, чѣмъ ты,
 Чѣмъ всѣ свои напудренные гощи!
 Другое — шпага и руки проворство!
 Я признаюсь: во зло употребляя
 Всевидающимъ дарованный талантъ;
 Но въ эпошъ день я все уразумѣлъ!
 Я понималъ, чшо желѣзу эпош шпаги
 Дано одно святое назначенье:
 Невинность защищать, карать пороки
 И честь беречь... Когда ты небезчестенъ,
 Когда въ душѣ шлоей...

К о р н а н о.

Молчи, Тартини!

Я принимаю вызовъ — и на мѣсцѣ
 Разрушу я безумныя надежды!

(Выхватываетъ шпагу и нападаетъ на Тартини, который съ необычайною силою выбиваетъ ее изъ рукъ Графа.)

Т а р т и н и.

Насъ Богъ судилъ! да будешь спыдъ тебѣ
 Опиниѣ и довѣка! —

В с ѣ.

Браво! Браво!

Б О Р Н А И О.

Франческа! ты должна окончишь дѣло,
Изъ рукъ его освободишь Кларису. —

Ф Р А Н Ч Е С К А.

Нѣшь, Графъ! и я уразумѣла чудо!
Ты самъ сказалъ, что нашъ союзъ разорванъ,
Что дочь моя была звеномъ послѣднимъ!
Оно разорвано надеьемъ шпаги —
И я скажѹ: да будетъ смѣдъ шебѣ
Опныцѣ и довѣка. Такъ! — Таршини,
Клариса! я благословляю васъ.

1 - ѣ Р у с. П у т.

И мы шебя благословимъ, Таршини!
Достоиня ты семейственнаго счастья!
Исторія, отвѣчный льстецъ сильнѣйшихъ,
Послунокъ честный пвой обезобразишь!
Но не спрашисъ клеветниковъ всесвѣтныхъ,
Какъ ты не успрашилс предъ порокомъ!
Предъ Божесивомъ безсилекъ человекъ;
А на молва, что славой называютъ,
Помощсва не обманеть! Будушь люди,
Которые дѣянїя честныя
Изобразятъ безъ гнѣва и приспрашья!
Пусть клевета опишетъ жизнь пвою;
Но двѣ строки проснаго очевидца

Сильнѣйшую разрушанъ клевету
 И цѣлый свѣтъ благословишь себя,
 Какъ мы теперь благословляемъ!

В с ѣ (*кромя Корнано.*)

Браво!

Мы всѣ его, какъ вы, благословляемъ!

Н. К — ъ.

ДВА РАЗГОВОРА

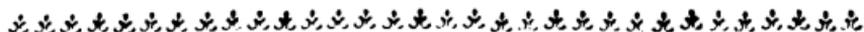
ВЪ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ.

«Чѣмъ занимаешься теперь Гизо Россійскій?»
 — «Да вѣрно пѣмъ же все: какой нибудь подпиской
 На книгу новую, которую — Богъ дастъ —
 Когда нибудь и онъ напишетъ да издася!»

«Пусть говорятъ, что онъ спешашель скучныхъ
 вракъ;
 Но публики *никто, какъ онъ, не занимаетъ!*»
 — «Какъ, публики? Богъ вѣсть, кто вкусъ ея
 узнаешь?
 У публики — вошь это *такъ!*» —

ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ.

Жизнь: ночь, а день нашъ: смерть! иль смерть:
ночная жизнь,

А крапкій день нашъ: жизнь! но къ цѣли безопасной
Равно привесшь должна послѣдняя снупень!

Прохожій гощь земли, ошвергни спрахъ на-
прасный!

Или по бурномъ днѣ насъ сонъ носшигнешь ясный,
Иль бурной ночи вслѣдъ проглянешь ясный день!

Князь Вяземскій.

Опричнина вдругъ запелась сарапчюю —
 Шесть тысячъ мучишелей вокругъ одного
 Сплохивлясь, сгустились *кромьшиною тьмою*,
 И Русь ужъ не видишь Царя своего
 На *Землицу* взводяшъ они небылицы,
 На честныхъ безстыдно клеветешъ павѣшъ;
 Спрашилица - *метлы* и *псы* - кровопійцы (*)
 Мешупъ и грызупъ — и спасенія пѣшъ!

Тревога въ народѣ; ударили въ бубны;
 Бромѣшники буйные вопяшъ: *гойда!*
 Сбѣжался весь городъ на пиръ душегубный —
 Горбашые-Шуйскіе, вамъ череда!
 Уже ли святой Всеволодовой кровью
 Топоръ неправдивый сейчасъ обольюшъ?
 Вошь, объ-руку, съ миромъ, мольбой и любовью
 Родишель и сынъ на закланье пдушъ!

(*) Опричники вѣдали всегда съ собачьими головами и съ метлами, привязанными къ сѣдламъ, въ ознаменованіе того, что *грызутъ* лиходѣевъ Царскихъ и *метутъ* Россію. (*Карамзинъ.*)

«Будь твердъ до конца, не показывай страха,
 Какъ руку палачъ на тебя занесешь;
 Мой сынъ! не безчестяишь невинныхъ и плаха,
 А въ волѣ Царевой и смерть и живость!
 Спокойно гляди на мірскую тревогу;
 Будь твердъ: чрезъ кровавый порогъ мы шагнемъ
 Въ обитель блаженства — и Господу Богу
 Мы вмѣстѣ предстанемъ со свѣтлымъ лицомъ!»

— «Родимый, я слушаю! молодъ лѣшамъ,
 Ощцу-Государю я могъ бы служить
 И вѣрой и правдой, и биться съ врагами,
 И доброе имя въ народѣ нажить!
 Ты мужъ знаменишый, сѣдой воевода,
 И памянны людямъ дѣянья твои!
 Зачѣмъ же и я знаменишости рода
 Не могъ поддержашъ? гдѣ заслуги мои?» —

«Иное судило тебѣ Провидѣнье;
 Блю сердцемъ невиненъ, пошъ Господу милъ!
 Оставъ же шеперь о мірскомъ сожалѣнье —
 Царю ты молишвой своею служилъ!
 Ты мученикъ юный, прославишь казнью;
 Ты агнецъ Господень — скрѣпился душой!
 Будь пвѣрдъ до конца, не смущися боязнью —
 И будешь ты выше, чѣмъ вишязъ простой!»

— «Мы къ плахѣ подходимъ... смошри: я слокоенъ,
 И сердце мое не забилося сильнѣй!
 Я швердъ! я ни чуюшь не смущенъ, не разспроенъ;
 Миѣ жаль не себя, а главы лишь швоей!
 Мы душу другъ другу бесѣдой опшводимъ;
 Мы шесшвуемъ къ Богу — Господь милосердъ!
 Ахъ, женщины плачущъ... подходимъ, подходимъ...
 И вошь — подошли!.. посмошри же: я швердъ!» —

Взшумѣли кромѣшники въ стройномъ порывѣ
 У лобнаго мѣста — и спали кругомъ.
 На площади чернъ, что колосья на нивѣ;
 Несчастливые моляшся, къ церкви лицомъ.
 Родителю сынъ поклоняешся въ ноги:
 — «Мои предъ шобою грѣхи опшпусти,
 Ошецъ ты мой ласковый, добрый, неспрогій!
 Впослѣднее сына цѣлуй — и просши!»

«Просшишь шебѣ нечего, милое чадо!
 Я молвилъ во весь православный народъ,
 Чтоо добрый ты сынъ, и чтоо лучшихъ не надо,
 И съ эшимъ же словомъ ошецъ швой умрешъ!
 Ты швердъ и неблѣдешъ, и очи съ сянъемъ —
 Сейчасъ закапишся симъ яснымъ очамъ!
 Цѣлую послѣднимъ шебя цѣлованъемъ...
 Во имя Господне гряди къ Небесамъ!»

Простившись съ ошцемъ, онъ къ сѣкирѣ подходитъ
И легъ было юной на плаху главой

Ощецъ всрепенеулся — сѣкиру отводитъ
И сына объемлетъ дрожащей рукой

«Мнѣ ль видѣшь безглаваго сына драгаго?

Нѣтъ, цѣтъ! не могу: шакъ я лягу сперва!»

— «А мнѣ ли смотрѣшь, какъ ошца-шо роднаго
Со плахи скашишься сѣдал глава?»

«Я спарь! и я чувствую, сынъ ты мой милый,
Не болѣ казни одной мнѣ снести!

Ты шверже меня: ты не вѣдаешь силы

Ощцевскихъ спраданій за сына — пусти!

Пусти, ради Бога!» — «Господь же съ тобою!

Въ преддверіи Неба меня подожди!

Мы выѣсшъ у плахи — и шамъ будь со мною,

И сына въ Небесное Царство введи!» —

И сына суровый палачъ оподвинулъ,

Полою одежды покрывнаго ликъ

И звукнулъ шоноръ — и полу ошъ откинулъ,

И ужасъ ножемъ его сердце проникъ

Беренъ ошъ ощцевскую голову въ руки,

И нѣжно цѣлуешъ и къ шѣлу кладешъ

— «Палачъ, поскорѣй!» — Заунывные звуки

Кругомъ расходящійся шпоритъ народъ.

Давно миновалась кровавая снрасти!
 Какъ Ювъ, безропошный, край нашъ родной
 Былъ вѣренъ поставленной Господомъ власи —
 И Богъ осѣнилъ его опчей рукой....
 И Русь, въ испышаніи шяжкомъ и спрогомъ
 Недаромъ священную кровь проліявъ,
 Любима Царемъ, возвелчена Богомъ,
 Сподобилась первенства въ ликѣ Державъ!

Баронъ Розенъ.

Д У М А.

Злапо, опецъ обольщенія, сынъ заботы и горя!
 Сстрахъ шебя и имѣшь, — и горе шебя не имѣшь!

Г.

Какъ плющъ, къ тебѣ я льну съ воскресшею
душою;

Единого въ тебѣ я друга обнимаю —

Ранна, ты о ней заговори со мной! . . .

И. Лесинъ.

С.-Петербургъ.

Ф О Р Т У Н А

У ДВЕРЕЙ БЕЗЗАБОТНАГО.

Токъ, шокъ! — «Кшо шамъ!» — Пусти! — «Да
кшо ты?» — Я Фортуна:

Пусти, и богачемъ ты сшанешь съ сей поры!

Вошь груди золаша, всѣ Плутуса дары,

Кораллы, жемчуги, сокровища Непшуца —

Пусти. — «Да гдѣ мнѣ ихъ дѣвашь?» —

Вошь Знацшосшь, и Чины, и Слава,

Вошь Пышшосшь, Роскошь и Забава. . . —

«Нѣшь! ихъ толпа шумца, — а я ложуся спашь!»

ЕВРЕЙ и ЦЫГАНЪ.

Тамъ, гдѣ вѣки за вѣками
 Бурно въ вѣчность ушекли,
 Гдѣ такъ мирно надъ гробами
 Спяшъ гроба, какъ слой земли;
 Гдѣ Давидъ, смыкая вѣжды
 Предъ ковчегомъ роковымъ,
 Видѣлъ радугу надежды
 Надъ восшокомъ громовымъ;
 Гдѣ, засыпанный скалами,
 Какъ мершвецъ, умокъ Кедропъ,
 И печалень надъ холмами
 Сирошбующій Сіонъ:
 Тамъ — Христу враждебный пицій,
 Въ безошвѣтной пишииѣ,
 На родное пепелище
 Жадно смошришъ при лунѣ...

Видишь онъ безплоды пашепъ,
 Видишь гробъ своихъ Царей
 И, въ сосѣдствѣ древнихъ башепъ,
 Рядъ мечешей и церквей.
 Но, какъ призракъ, онъ донышъ,
 Подъ небесною грозой,
 Бродишь сирь, какъ на чужбинѣ,
 По гробамъ земли родной!

Тамъ, гдѣ вѣчный ропотъ Нила
 Вшоришь опгулъ дикихъ скалъ,
 Гдѣ дремоты Крокодила
 Вѣсель плескъ не возмуцалъ;
 Гдѣ въ пустышѣ беззащитной
 Мчися буря безъ громовъ,
 И почишь Сфинксъ гранишной
 Въ желтомъ рубищѣ песковъ;
 Гдѣ, бывало, жрецъ Изиды,
 Въ часъ расчесливой мольбы,
 У могильной пирамиды
 Прорицалъ міровъ судьбы;
 Гдѣ могучій шрудъ народа
 Обезсмершилъ гордецовъ,
 И донесъ, во мракъ свода,
 Споришь съ шлѣниемъ персь гробовъ: —

Тамъ опшельникъ вѣчно-юный,
 Скрывъ подъ хмелемъ сѣдину,
 Ударяя въ звѣнки спруны,
 Смѣхомъ будишь тишину.
 Цѣлый міръ ему опчизной;
 Пляшешъ оцъ, среди гробовъ,
 И разгульныхъ пѣсень призной
 Дразнишь шѣнь своихъ опцовъ!

Трилуный.

ЗАВѢТНЫЯ СЛОВА.

Надъ Дунаемъ, надъ рѣкою,
 Въ бусурманской спороцъ,
 Умирая, послѣ бою,
 Воцъ молвилъ слово мнѣ:

— «Опнеси, братъ, въ край любимый,
 Послѣ дружныхъ похоронъ,
 Челобипьце — родимой,
 И родимому — поклонъ!»

«А женѣ? — своя ей воля
 Спашь въ другорядѣ подѣ вѣнецъ;
 Видно, брашъ, моя недоля —
 И женѣ не мужъ — мершвецъ!

«Вѣспѣ спеси вдовѣ шакую:
 Чшо женашъ я на другой,
 Чшо съ другою вѣкъ вѣкую
 Я подѣ крышей вѣковой;

«Чшо за нею, на погоспѣ,
 Взялъ я каменный накапъ;
 Пуля — свашала, а госпи
 Были пушки, да булапъ!..

Л. Якубовичъ.

Л А С Т О Ч К А.

Ласпочка, ласпочка, какъ я люблю твои все-
нія пѣсни!

Милый твой видъ я люблю, какъ весна и живой
и веселой!

Пой, весны провозвѣстница, пой и кружись надо
мною;

Можетъ быть, сладкія пѣсни и вѣнъ напоены ты
на душу.

Птица, любезная людямъ! ты любимъ сама
человѣка;

Ты лишь одна изъ пернатыхъ свободныхъ госпоинъ
въ его домѣ;

Днями счастливой любви подъ его наслаждаешься
кровлей;

Дружбѣ его и свой маленькій домъ и семейство
ввѣряешь,

И зимы лишь бѣжа, оставляешь домъ человѣка. —

Съ первымъ паденьемъ листовъ улетаешь ты,
милая гостыня!

Но куда? за какія моря, за какіе предѣлы

Странспвуешь ты, чѣшбъ искашь обновленія
жизни прекрасной,

Пѣсней искашь и любви, безъ кошорыхъ жить ты
не можешь?

Кто, по пусынямъ воздушнымъ, досель неоп-
гаданный нами

Пушь для себя указуешь, чѣшбъ снова предъ
нами являешься?

Съ первымъ дыханьемъ весны ты являешься снова,
какъ съ Неба,

Пѣснями насъ привѣчаешь съ воскресеньемъ без-
смертной природы. —

Хашу и пышный черпогъ избираешь ты, вольная
пшница,

Домомъ себѣ; но ни хашы жилецъ, ни черпога
владыка

Дерзкой рукою не можетъ гнѣзда швоего прико-
снуться,

Если онъ счастья дома съ лобой пошеряшь не
спрашишься.

Счасье привоешишь ты въ домъ, гдѣ приютишь не-
 тревожный находишь,
Божія птица (*), какъ набожный пахарь себя
 называетъ:

Онъ, какъ священную пшцу, себя почищаетъ и
 любитъ.

(Такъ Пѣснопѣвцевъ народы въ вѣка благочесія
 чтили). —

Кто жъ, нечестивый, посмѣешь гнѣзда швоего
 прикоснуться, —

Домъ ты его покидаешь, какъ бы говоря чело-
 вѣку:

«Будь покровишелемъ мнѣ, но свободы моей не
 касайся!»

Пшца любви и мира, ты недругъ всѣхъ хищ-
 ныхъ пернатыхъ:

Первая крикомъ тревожнымъ — домашнимъ ты
 пшцамъ смиреннымъ

Вѣшь подаешь о наемѣ погибельномъ коршуна
 злаго;

Брикомъ встрѣчаешь его, и до облакъ преслѣ-
 дуешь крикомъ,

(*) Такъ въ нѣкошорыхъ полуденныхъ губерніяхъ Россіи
 народъ называетъ Ласпочку.

Часшо крылашаго хищника умысль кровавый нич-
пожа. —

Чисная птица, на прахъ земномъ шы ногъ не
покоишь;

Газвъ на мигъ, чшобы пицу восхипнишь, сядишься
на землю:

Цѣлую жизнь, и поя и гуляя, шы плаваешь въ
Небѣ,

Такъ же легко и свободно, какъ мощный дель-
финъ въ Океанѣ.

Ты съ высоты поднебесной смопришь на бѣдную
землю:

Горы, лѣса, города и всё гордыя зданія смерт-
ныхъ

Кажушся взорамъ швоимъ не выше долинь и по-
поковъ:

Такъ для взоровъ Поэша — земля и все, чшо
земное,

Въ шаръ единый сливаешься, свыше лучемъ оза-
ренный.

Пой, любезная ласпочка, пой и кружись падо
мною!

Можешъ бышь, пѣснь не послѣднюю шы миѣ на
душу напѣла.

Н. Гнльдиць.

ГРАФИШЬ КАРОЛИШЬ ПОТОЦКОЙ.

На языкѣ, для Васъ чужомъ,
 Я подношу Вамъ стихъ покорной —
 Онъ будетъ данью непришворной,
 Внесеной молча къ Вамъ въ альбомъ!
 Такъ наши жертвоприношенья,
 Что ни скажи Вамъ, ни пиши —
 Все будетъ Вамъ безъ выраженья,
 Все буквой мертвою, безъ души!
 Какой холодный онъ и грустной,
 Языкъ Поэзіи изустной!
 Какъ ограниченъ, бѣденъ онъ —
 Условныхъ знаковъ, риземъ условныхъ
 И оборотовъ многословныхъ
 Однообразный Лексиконъ!
 Но есть Поэзія другая,
 Природы пламенная дочь!
 Разнообразная, живая,
 И машь-красавица щочь въ щочь:

Поэзія улыбкой милой,
Чела младаго, свѣшлыхъ глазъ,
Бошорая съ волшебной силой
Такъ сладко - говорлива въ Васъ!
Такъ ваши очи голубыя,
Румяно-свѣжія уста,
И плечи пышно молодыя,
И всѣхъ движеній красота,
И прелести прососердечья,
Живаго чувства нѣжный цвѣтъ —
На всѣ глаза, на всѣ нарѣчья
Поэзія — какой здѣсь нѣтъ!

Князь Вяземскій.

КАЗНЬ ОТЦА ВЪ СЫНѢ.

(Эстонская быль 1221 года.)

Поднялася брани шуча;
 Угнешеніемъ наскуча,
 Иго Дашчанъ, Вѣры креспъ
 Сбросилъ съ плечъ спропшивый Эспъ!
 Разыгрался въ дикой волѣ
 Зѣмокъ Вѣрбола — и шлеспъ
 Съ грознымъ Юммалою въ поле
 Свой озлобленный народъ!

Съ шой же буйноспью возспала
 На ширановъ и Саккала; (*)
 Въ селахъ, башняхъ и лѣсахъ —
 Повсемѣстно гибнешъ врагъ!
 Сердце вражье вырывающъ,
 Жарящъ, дѣлящъ межъ собой:
 Ихъ сердца да укрѣпляютъ
 Боги въ месни роковой!

(*) Окресность Феллна.

Жиль-быль сей порой суровой
 Въ домъ Эша гощь порговой,
 Иносшранецъ — посему
 Смершь гошовишся ему.
 Вошь, хозяинъ къ гощю входишь;
 Понялъ гощь! смущишь душой,
 Ненарокомъ онъ наводишь
 Взоръ на мѣсяцъ молодой.

«Ради мѣсяца младаго,
 Лучезарнаго, злашаго,
 Ты меня не убивай
 И другимъ не выдавай!
 Мѣсяцъ богъ швой! мѣсяцъ свѣшишь,
 Чести шребуешь себѣ!
 Мѣсяцъ съ Неба все замѣшишь,
 Взыщешь грѣхъ швой на шебѣ!»

Но убійцы не смушило
 Лучезарное свѣшило.
 — «Здравешвуй, мѣсяцъ молодой!
 Злашу быть швоей красой!
 Поспарѣшь шебѣ чредою, —
 Миѣ межъ шѣмъ помолодѣшь
 И здоровьемъ и душою
 Крѣпче спали опвердѣшь!» —

«Посмотри: швой богъ завѣшныи,
 Богъ домашній, змѣи привѣшныи —
 Онъ въ рукахъ моихъ скользишь,
 И не жалишь, не шипишь!
 Ради Бога, ради змѣя,
 Постояльца пощади!
 Змѣи залѣзешь въ грудь злодѣя
 И возбуждешся въ груди!»

— «Змѣя въ домѣ мы лелѣемъ;
 Наши дѣшки шушяшь съ змѣемъ;
 Мы его и богомъ чшимъ,
 И на счастье ѣдимъ!
 Только волки - Христіане
 До конца загрызли насъ!
 Ликовали вы заранѣ —
 Наши боги судяшь васъ!» —

Онъ кичаломъ госпя починъ,
 Грабляшь, въ перемъ пошь волочишь,
 Гдѣ съ беременной женой
 Зришься дѣшокъ рѣзвыи рой.
 Ужаснулись мать и дѣши,
 Завизжали: «Сколько ранъ!»
 Онъ же: — «Чшо вамъ раны эши?
 Такъ-шо всѣхъ бы Христіанъ!» —

Мѣсяцъ мертвый ликъ цѣлуешь;
 Змѣй, віясь, шипишь, бушуешь;
 Но хозяицъ не смущень,
 Трупъ выпаскиваетъ вонь.
 Пировали псы да враны!
 Родила жена — увы!
 На младенцѣ шѣ же раны,
 Тѣ жь опъ ногъ до головы!

Кровь изъ ранъ печешъ струями....
 Неподвижными очами
 На дышя ошецъ глядишь;
 Вскрикнувъ, изъ-дому бѣжишь —
 Волкомъ кинулся въ дуброву,
 Вылъ и бѣгалъ, и спрадалъ;
 Набѣжавъ на рашь Хриспову,
 Копья грудію пріалъ.

Баронъ Розенъ.

С В И Д А Н И Е.

По дорогѣ сполбовой
 Я лешѣль къ тебѣ спрѣлой;
 Дважды бурю обогналъ.
 Тщешно дубъ, краса полянъ,
 Какъ могучій Ерусалаъ,
 Мнѣ дорогу заслонялъ:
 Я лешѣль къ тебѣ спрѣлой,
 По дорогѣ сполбовой!
 Тщешно липа, въ шишинѣ,
 Проспирала вѣлви мнѣ:
 Юной дѣвицѣ дубровъ
 Я кивнулъ, не спраша словъ,
 И лешѣль къ тебѣ спрѣлой,
 По дорогѣ сполбовой!
 Сосна черную главу
 Мнѣ склоняла вдалекѣ;
 Но пустынную вдову
 Я покинулъ на песокѣ —

И, дорогой сполбовой,
Долешъль къ шебъ спрѣлой!

Трилунный.

Д О Р О Ж Н А Я Д У М А .

Колокольчикъ, замошайся,
Зазвени-ка, загуди!
Пыль, волнуйся, подымайся!
Чшо - шо будешъ впереди!

Не сидишя мѣ на мѣспѣ;
Спершый воздухъ давишь грудь:
Какъ женихъ спѣшитъ къ невѣспѣ,
Я спѣшу куда нибудъ!

Даль — невѣсша подъ шапою!
Даль — шаншвенная даль!
Сочешаешся съ побою —
И въ женѣ невѣсны жаль!

Князь Вяземскій.

Д В А К А М Н Я .

Зачѣмъ не на родныхъ скалахъ,
 Подъ паннихиду океана,
 Почіешь швой опальный прахъ?
 Державный призракъ великана!
 Съ печальной думой на чель,
 И въ шляжкомъ панцырѣ чугуномъ,
 Ты предстаешь въ полночной мглѣ,
 Какъ башня, при мерцаньи луномъ;
 И море бурное шумишь
 У стогъ швоей шюрьмы грацишной,
 И робко веслами скользишь
 Пловецъ надъ бездной ненасышной.

О, какъ печаленъ швой удѣлъ!
 Восшокъ швоей звѣзды — прекрасенъ,
 Торжешшвенъ полдень, хошь ужасенъ,
 Но западъ бурно пошемнѣлъ...

Къ друзьямъ, гонимый въ гробъ позоромъ,
 Ты изъ шеницы длапъ проспёръ —
 И встрѣшилъ вдохновеннымъ взоромъ
 Бездушной спражи нагмый взоръ!
 Какъ будто мщенье Альбіона,
 Судьба хошѣла довершитьъ,
 Чтобъ гордый духъ Наполеона
 Съ послѣднимъ вздохомъ уловить!

Но вошь, весеннею правую
 Бурганъ воиншвенный заросъ!
 И я не мраморный колоссъ
 Воздвигъ бы падшему Герою;
 Не знамя биввы бѣ водрузилъ
 Тому, кто былъ грозою сильныхъ, —
 Но два бы камня положилъ
 Взамѣнъ всѣхъ надписей могильныхъ:
 И первый камень взял бы я
 Изъ сердца древней пирамиды,
 Еспорой — изъ Русскаго Кремля:
 Эмблема Русской Немезиды!

Трилуный.

ЭСТЫ ПОДЪ БЕВЕРИНОМЪ. (*)

(Быль 1207 года.)

Эстъ и Лешъ между собой
 Дышашъ кровною враждой.
 Эстъ поклонникъ Торавишы;
 Лешъ ужь Иъмцами крещенъ.
 То одинъ въ бою сраженъ,
 То другой бѣжитъ, разбишый!

Эшовъ землю разоривъ,
 Все безжалостно убивъ,
 Лешы къ крѣпости Русина (**)
 Пошянулся домой
 И съ добычею большой
 Входящъ въ сѣны Беверина.

(*) Беверинъ, нынѣ Буршиекъ, въ Лифляндіи, у озера
 того же имени.

(**) Снарѣйшина Лешовъ, знаменитый своею звѣрскою
 жестокостью.

Грѣпокъ замокъ Беверинъ!
 Грѣпче мужъ, отецъ и сынъ,
 Въ дикой прѣ за избіенныхъ!
 Местъ несчастнаго врага
 Достигаешь очага
 Разорителей надменныхъ!

Эсы шумъ — и съ ними смерть!
 Обшекая Лешшовъ швердъ,
 Спягъ безчисленный снаговяшъ
 И, зубами скрежеща,
 Киснецемъ врага лица,
 Присхупъ гибельный готовяшъ!

Эсовъ дикій, бранный гласъ
 Спѣны древнія пошрлсъ;
 Воцъ — на присхупъ побѣжали...
 Горе Лешшамъ! Опъ чего
 Вдругъ, средь дѣла своего,
 Всѣ, какъ вкопанные, спали?

На спѣнѣ, среди превогъ
 Ясенъ, смѣлъ, какъ нѣкій богъ,

Пѣснь молишвы подъ фіолу
 Пасшырь набожный поснь —
 И языческій народъ
 Внемлешъ дивному глаголу.

«Что за чудо-колдовство!
 Не слышали мы шого;
 Да откуда эши звуки?
 Злобу мигомъ ошвело;
 Сердцу сладко и шепло;
 Опущились наши руки!»

И обрадованный Лешпъ
 Со стѣны нмъ шлешъ ошвѣшъ:
 — «Всѣ пріяли мы крещенье,
 Да о Господѣ своемъ
 Веселимся и поемъ
 Хрещіанское моленье!»

— «Эшой дивной пѣснью Богъ
 Силу ада превозмогъ!
 Чудотворная фіола
 Намъ ошъ Бога вручена!
 Подвижнесь: шо она
 Васъ безъ боя поборола!» —

Эсты слушающъ, глядящъ,
 Удивляющся, молчашъ,
 Чующъ слабость силы рапной
 Передъ пѣснiю свяшой. . .
 И встревоженной полпой
 Спягъ ошхлынулъ въ пушь обратный!

Баронъ Розенъ.

КАМЕНЬ ДАНТА.

(Въ Альбомъ В. Д. П.)

На площади сполничной незамѣченъ,
 Ничтожный камень въ прахъ возлежалъ:
 Его проходъ, кладенъ и безпеченъ,
 Презрипельной спопою поциралъ.
 Но камень сей пѣвецъ ошдохновецъемъ
 Ошъ горнихъ мукъ навѣки освяшилъ,
 И страшикъ днесъ идещъ къ нему съ почщенъемъ,
 И юноша не разъ главу склонилъ,
 И дрожъ беретъ надменнаго Педанша,
 Когда надъ нимъ чипашъ: *Камень Данта!*

Въ красавицахъ полуденныхъ краёвъ,
 Одна цвѣла красою незамѣшной,
 Пока на ней Орла земныхъ пѣвцевъ
 Не опочилъ случайно взоръ привѣшный:
 Онъ къ ней на грудь съ своихъ небесъ лезалъ,
 Ошъ горняго полета упомленный,
 И лучъ пѣвца надъ нею возсіалъ, —
 И юноша, лучемъ шѣмъ ослѣпленный,
 Въ ней полюбилъ не цвѣшъ, не красошу, —
 Но грѣшную Байронову мечшу.

С. Шевыревъ.

КНЯЖНѢ АБАМЕЛЕКЪ.

(Передъ отъѣздомъ въ Москву.)

Любезной родины прекрасное свѣшло!
 Привѣтствую тебя на чуждой сторонѣ!
 На небесахъ родныхъ ты улыбалась мило,
 Но на чужбинѣ ты еще милѣе мѣ!

Другихъ ты радуешь красою свѣтлозарной
 И яркою игрой живыхъ швоихъ лучей;
 Но ты не говоришь ихъ мысли благодарной
 О милыхъ шапцешвахъ завѣшныхъ сердцу дней!

Съ другими наравнѣ поклонникъ богомольный
 Звѣзды любви, звѣзды поэзіи молодой —
 Одиць, волнуемый заботою невольной,
 Задумываюсь я, люблюся тобой.

Мечшой переношусь въ край милый, въ жизнь иную...
 Воспоминаній лучъ скользнулъ глубоко въ грудь,
 И, радуясь тебѣ, о небесахъ поскую,
 Къ копорымъ ты опъ насъ склоняешь свѣтлый путь!

Князь Вяземскій.

С. - Петербургъ.

ЭРОТИЧЕСКІЯ СТАНСЫ

Индійскаго поэта Амару.

I.

Новобрачная.

«Ояъ спитъ: усни и ты,
 О, милая подруга!»
 Такъ сеспры, мнѣ шепнувши,
 Оставили одну...
 И я, съ чиспѣйшей спраспью,
 Въ невинной проспомѣ,
 Тихонько приближаю
 Усна мои къ щекѣ
 Супруга молодого...
 Но ояъ запрепешаль,
 И поздно я узнала,
 Что юкюна лукавый
 Лишь спомъ припворнымъ спалъ...

О! какъ мнѣ спыдно спало!
 Но милый незамѣпно
 Разсѣялъ мой испугъ...

II.

Покорный любовникъ.

«И такъ, ужъ рѣшено!
 И ненависть смѣнила
 Любовь въ груди швоей!...
 Пусть будешь такъ! согласенъ!
 Ты пребуешь — и должно
 Неволей покорисься.
 Но возвращи, прошу,
 Передъ разрывомъ нашимъ,
 Всѣ ласки, всѣ лобзанья,
 Мною данныя тебѣ.»

III.

Нетерпѣливе.

«О, если бъ знала ты,
 Мой другъ, какъ ты прекрасна,

Безъ эпихъ покрываль! . . .»
 И жадною рукою
 Любовникъ ужъ искалъ,
 Играя, разрѣшивъ
 Ему докучный полсъ
 Межъ пѣмъ рой юныхъ жецъ,
 Сопущспвовавшихъ дѣвѣ
 Къ убѣжищу любви,
 Замѣшивъ огонь желанья,
 Въ очахъ ея блеснувшій,
 Спѣшашъ уйти; но прежде
 Съ усмѣшкой хитрой шепчущъ
 Ей наухо совѣшы,
 Которые лукавство
 Внушило ихъ уснамъ.

IV.

Раскаяніе.

«Увы! зачѣмъ его
 Я спраспно не обвила
 Объяснѣями моими?
 Зачѣмъ, когда просилъ онъ
 Проспаго поцѣлуя,

Уша я опвращила
 Отъ ушъ его палящихъ?
 Хошь взглядомъ, хошь бы словомъ
 Опвѣнишь мнѣ тогда...»
 Такъ горько упрекаешъ
 Въ холодности минувшей
 Себя младая дѣва,
 Живому сердцу коей
 Сказалася любовь.

V.

Верхъ наслажденія.

Пусшь въ лошъ пѣгъ живѣйшихъ,
 Когда власы ея
 Взвѣваюшъ въ беспорядкѣ,
 Споль миломъ для очей,
 И серьги, въ быстрой встрѣчѣ
 Ударившись, звеняшъ;
 Когда чело прекрасной
 Жемчужною росю
 Унизано слегка:
 О, пусшь въ сіе мгновенье
 Любовница швоя

Бъ тебѣ вдругъ обратишь
 Съ помлецемъ спрашнымъ очи,
 Успалыя ошъ пѣгъ
 Скажи, счастливый смертный,
 Чшо бѣльшого и боги
 Могли бы для тебѣ?

VI.

Затрудненіе.

Любовникъ наглый эпомъ,
 Копораго прогнала
 Я ошъ себя въ мигъ гнѣва,
 Который шомъ жестокъ былъ,
 Чшо скрылся въ пошъ же мигъ:
 Коль съ наглосшію новой
 Ворошншя измѣнникъ,
 Скажи, души подруга,
 Чшо дѣлашь мнѣ тогда?

VII.

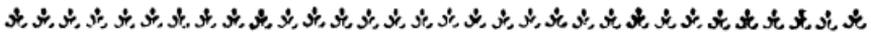
Краснортьгіе взора.

Сей взоръ, помлеця полный,
 Увлаженный любовью,
 Полузакрышый часшо;

То поднятый, по снова
 Опущенный — по чувству
 Стыдливости безцѣнной:
 Сей взоръ, который шайцамъ
 Души швоей младой
 Такъ сильно измѣняешь —
 Скажи, о дѣва - прелесць!
 Къмо пошь счастливымъ смершнымъ,
 На коемъ удостоишь
 Его осшановишь?

М. Деларю.

NB. Санскритское сочиненіе, изъ котораго почерпну-
 пы сіи спансы, носитъ въ подлинникѣ заглавіе: *Амару-
 Сатакамъ* или *Сотнл Амару*, и состоишь изъ сна
 чешвероспишій. Время, въ которое жилъ Амару, запод-
 линно неизвѣстно; впрочемъ Брамины соглашались на
 счетъ древности его происхожденія. Познаніе женскаго
 сердца, его прихошей, и еспешвенность, съ которою
 Амару умѣлъ изобразишь ихъ въ своихъ стихахъ, дали
 начало слѣдующей басни: полагають, сообразно съ уче-
 ніемъ о переселеніи душъ, будшо бы душа поэта сего
 послѣдовательно переходила въ шѣла сна женщинъ, и
 что въ сихъ-то переселеніяхъ Амару посвященъ былъ во
 всѣ шанства Кѣмы, Эроша Индійцевъ.

М О С К В А.

Когда-то въ миломъ имени Москвы
 Все милое душѣ моей звучало!
 Торжественно горящія главы
 Святилище любви шамъ возвышало;
 И древности живымъ весны вѣнцемъ
 Моей души весна озеленила;
 Племя, вѣковъ завѣшная могла
 Миѣ праздничнымъ являлась алпаремъ!
 Одной любви небесныя мечпанья
 Всѣ смертныя заплмили воспоминанья —
 И для меня Москва, юна, свѣтла,
 Столицею любви моей была!
 Но раздались плачевныя напѣвы,
 И спрашная послышалась молва.....
 Свершилася судьба единой дѣвы —
 И вмѣстѣ съ ней пресшавилась Москва!

И эхошь звукъ, когда-то счастья море —
Обширное, бездонное спалъ горе!

Къ чему мнѣ Кремль и пышныя главы,
Какъ для меня шамъ нѣшь *жисой* примапки!
Я не хочу ужъ видѣшь шой Москвы,
Гдѣ нѣшь *моей* прелесшшой Москвишянки!

Баронъ Розенъ.

Т Р И С И М В О Л А.

Въ дни, когда еще незпойно
 Свѣшннть солнце бышнн,
 И при женщнннъ спокойно
 Сердца кашнншея спрун —
 Въ эти дни, подѣ сннню свѣща
 Поэшнческого сна,
 Мнѣ слубннлсь шрн предмета —
Роза, Лебедь и Луна.

Розу въ дѣшской оболочкѣ,
 Какъ малюшку въ пеленахъ —
 Я лелѣнл розу въ почкѣ,
 Я лубнл ея въ цвѣшахъ!
 Я вбралъ ея дыханье,
 Цѣловалъ ея въ уста —
 И лубовное лобзанье
 Приннмала красота.

Чшо за прелесшь, чшо за чудо
 Соименица моя!
 Молви, розочка, откуда
 Запахъ шевой, краса швоя?
 Милвидиѣй ежеднево,
 Браше всякой красоны!
 Роза, юная царевна —
 Ангель межъ цвѣтами пы!

И шебя ли отрывающъ
 Ошъ роднаго шпелелька
 И безбожно сокращающъ
 Жизнь прелесшнаго цвѣтка?
 Нѣшъ, цвѣши! росой небесной
 Умывайся и алѣй;
 Запахъ сладкій и чудесной
 Миѣ спруями въ душу лей!

Роза шихо опцвѣшала
 Грустью шпачкой и шѣмой
 Миѣ на умъ впервые впала
 Мысль о брешности земной!
 Опчій садъ, безъ розы милой,
 Возбуждалъ шоску мою —
 Словно видъ семьи унылой,
 Пошеравшей дочь свою!

Тьму печальныхъ размышленій
 Разгонялъ предметъ другой —
 Величавый, свѣшлый гений,
 Будто нѣкто неземной:
 Бѣлый лебедь въ синемъ морѣ,
 Вдоль зеленыхъ камышей,
 Плавалъ въ радостномъ проспорѣ
 Вдохновительныхъ зыбей.

Часто опрокъ восхищенный
 Тайно съ берега взиралъ,
 Какъ сей призракъ окрыленный
 Тихо, важно подплывалъ . . .
 Чу — божественный красавецъ!
 Въ этомъ видѣ чистоты
 Памъ являешь Жизнодавецъ
 Образъ вѣчной красоты!

Увлеки меня съ собою,
 Благодушный, милый духъ!
 Обовью моею рукою
 Нѣгодыщащій пвой пухъ!
 Я прильну, прижмусь съ любовью
 Къ груди ангельской пвоей,
 Какъ къ родному изголовью
 Чистыхъ, пворческихъ спрасней!

Сномъ блаженнымъ опочію,
 Новой жизнью оживлюсь;
 Я въ прозрачную стихію
 Сладоспращно улесусь!
 Въ безконечность голубую
 Ты со мною поплыви —
 Поплывемъ въ спрану свяшую
 Сновъ, воспорговъ и любви!

Лебедь милый, боязливой!
 Ты, не внявъ моимъ мольбамъ,
 Съ крикомъ дѣвицы пугливой
 Убѣгаешь по спруямъ.
 Дѣва ль ты? и въ самомъ дѣлѣ,
 Чѣмъ - то дѣвешвеннымъ ты полтъ;
 Ты въ роскошномъ, свѣшломъ шѣлѣ
 Нимфа царшвенная волтъ!

Мчись, крылашая царица,
 Вонъ туда! тебѣ зовешъ
 Бѣлыхъ ангеловъ спаница —
 Лебединный хороводъ!
 Тамъ душа приволье чуешъ;
 Тамъ веселосшямъ просшоръ!
 Тамъ свой праздникъ лоржесшвуешъ
 Свѣшлыхъ геціевъ соборъ!

Вереницей улсали
 Други - лебеди мои —
 И въ души мѣ оставляли
 Гляки звучныя свои.
 Я грустилъ; но утѣшеньемъ
 Спалъ мѣ пресній мой предметъ:
 Подышалъ мѣ вдохновеньемъ
 Молодой луны привѣтъ.

Жница Неба! серпъ богатый
 Свѣшишь чистымъ серебромъ;
 Серпъ твой видѣишь, а сама ты
 Будно скрыта за холмомъ!
 Ты домой ли съ поля, жница?
 Выйди и молви: каково
 Нива ваша золотилась,
 Тамъ, гдѣ вѣшь Божество?

Незамѣтно измѣнилась,
 Развернулася она;
 Въ образъ дивный превратилась
 Серповидная луна!
 Полной прелестью сіяя,
 Полнымъ пламенемъ свѣтла,
 Чудошворица почная
 Высоко по небу шла.

Роза Неба, цвѣтъ огнистый!
 Чародѣйственной красой
 Пламенеешь огнь твой чистый
 Надъ задумчивой землей!
 Роза Божія! не долу
 Шлешь ты запахъ свой! Не намъ,
 Но Господнему Престолу
 Воскуряешь емиамъ!

Но за то намъ блескъ свой полный
 Во владѣніе даешь;
 Свѣщиконосныя ты волны
 Въ пропаснь жизненную льешь!
 Чѣмъ - то дивнымъ населяешь
 Область мыслящей души;
 Чѣмъ - то райскимъ навѣваешь
 Намъ въ полуночной тиши!

Лебедь горняя! съ тобою
 Мнѣ поплыть бы въ шельмъ моряхъ —
 Мнѣ бы съ лебедью родною
 Скрыться въ пухлыхъ облакахъ!...
 Дѣва Неба! я желалъ бы
 Подышать тобою хоть мигъ,...
 Дѣва Божія! я спалъ бы
 Свящъ въ объятіяхъ твоихъ!

Дѣтскихъ лѣтъ минуло счастье!
 Чувство къ женщинѣ вполне
 Объяснило мнѣ прихвастье
 Къ *Розѣ*, къ *Лебедью*, къ *Лунѣ*:
 Съ преждевременною силой
 Я любовь лишь предвкушалъ —
 Въ прехъ символахъ дѣвы милой
 Только дѣву обожалъ!

Воля страсть преодолѣла,
 Душу къ Богу обративъ;
 Но душа осиротѣла,
 Чувство къ дѣвѣ переживъ!
 Сердце въ горестномъ покоѣ;
 Дѣва все еще красна,
 Но созданье мнѣ чужое —
Роза, Лебедь или *Луна*!

Баронъ Розенъ.

Ж Е Л А Н І Е.

Праздной жизнью недовольный,
 Я покинул шѣ края,
 Гдѣ въ степи своей привольной
 Плещеть Бугская струя;
 Гдѣ ковыль одинъ бѣлѣетъ,
 Нѣтъ деревьевъ, нѣтъ людей,
 Только ястребъ въ небѣ рѣшетъ,
 Рыщетъ волкъ среди полей!
 И, за блескъ роскошный свѣща,
 Жизнь спешую опдалъ я.....
 Чпо же грудь шѣснптъ поэта?
 Искра Зевса жжетъ меня!...
 Въ степь хотѣлъ бы возвратишься,
 На проспорѣ погуляшь,
 Большимъ воздухомъ упишься,
 Снова пѣшь и кочевашь.

Л. Якубовичъ.

**ПОРУЧЕНІЕ ВЪ РЕВЕЛЬ,
Николаю Николаевичу Карамзину.**

Николай!
Какъ Олай
Зашорчишь предъ побой,
Поклонись ~~ны~~ ему
Изувѣченному
Въ поединкѣ съ грозой!

*

Николай!
Слушай лай —
Моря вой, будшо пса
На цѣпи, подъ скалой,
Чшо ворчишь въ часъ ночной,
Какъ дразня небеса!

*

Николай!

Окликай

Старика за меня
И съдому хрычу —
Лысгачу - усачу
Молви: добраго дня!

*

Опъ души

Почеши

Мокрый усъ, шо-шо спрасшь!
И погладь и похоль,
Какъ заморщитися голь,
Какъ закънишся пасшь.

*

Экой чорпъ!

Съ борша въ борпъ

Какъ начнешъ онъ хлешашъ
Корабли на подхванъ —
Запопишь землю радъ,
Небеса заплевашъ!

*

Если жь пихъ,
 Какъ женихъ;
 Какъ невѣста-краса,
 Улыбается онъ,
 Сквозь задумчивый сонъ,
 И глядишь въ небеса...

*

Свѣшеть, чистъ,
 Серебристъ,
 Чуть волнуется грудь —
 Миловашъ, бы его, —
 Цѣловашъ бы всего —
 И на немъ бы заснушь!

*

Спонецъ онъ, —
 А сей спонецъ
 Такъ душѣ постижимъ,
 Звуки шакъ хороши,
 Что все звуки души
 Въ иѣснь сливающая съ нимъ!

*

Я стоялъ,
 Я внималъ
 Этой музыкѣ волнъ —
 И качалась душа
 По волнамъ, чуть дыша,
 Какъ на якорѣ челнъ.

*

А маякъ?
 Точно въ мракъ
 Вписуешь красный яшарь;
 Позадернется вдругъ,
 То запышетъ вокругъ,
 Какъ волшебный фанарь.

*

А скалы?
 Какъ скулы
 Этой пасти морской!
 Шприхбергъ, Вимсъ, Тишертъ, Фаль!
 Дай мнѣ кнесь, Рюнсдаль,
 Дай сравнишься съ шобой!

*

Чудный міръ,
 Вѣчный пиръ!
 Богъ съ тобою, земля!
 Я въ соленой водѣ,
 Какъ въ родимомъ гнѣздѣ —
 Будто братъ корабля!

Князь Вяземскій.

П Ъ С Н Я.

Бьешся, бьешся решивое,
 Суешишься и горюшь!
 Я не знаю, что такое?
 И зачѣмъ оно болше?

Другъ - красавица цѣлуешь,
 Бъ бѣлой груди крѣпко жмешь,
 И ласкаешь и милоешь.
 И любовно въ душу льнешь.

Этимъ ласкамъ какъ не вѣришь!
Красной дѣвицѣ моей
Было бѣ стыдно лицемѣришь,
И не помнишь сладкихъ дней!

Можешь спашься, ужъ забыла —
И вчера ль, прешьяго ль дня
Для другаго разлюбила
И обидѣла меня.

Сердце даромъ ли горюешь,
Понапрасну ли болишь?
Нѣтъ! оно измѣну чуетъ —
Бьешься, ноешь и горяишь!

БЫЛО ВРЕМЯ.

Было время! міромъ цѣлымъ
 Мнѣ казался опчій домъ!
 Пылкій опрокъ съ сердцемъ зрѣлымъ
 Видѣлъ рай въ краю родномъ.
 Чувства пламень вождѣнный
 Я лишъ кровнымъ посвящаль,
 Средошочіемъ вселенной
 Я семью свою счищаль!

Было время! опчимъ домоу
 Мнѣ казался цѣлый міръ!
 Въ чувствѣ, спраспію зовомомъ,
 Я держаль опкрышый пиръ.
 Дружба съ свѣщомъ, дружба съ Богомъ!
 Все созданіе *Его*
 Было царственнѣмъ черпгомомъ
 Дѣвы-друга моего!

Пѣсни, шумъ, пиры, веселье —
 Золотыя времена —
 Безпрерывное похмелье
 Пѣсни, спрасши и вина!
 Вдохновишельная рѣзвось
 Вдругъ отъ сердца ошошла —
 И непрошенная презвось
 Душу скукой обдала!

Въ опчій домъ я ворошился —
 Нустъ онъ, родина пуста!
 Жизни блескъ вездѣ зашмился,
 Всюду въ мірѣ пуштоша!
 Дикій, мрачный и бездомной,
 Въю шѣнью межъ шѣней —
 И на всей землѣ огромной
 Нѣшъ ужъ родины моей!

Баронъ Розенъ.

